

В. Кузьменко

2

Древо Жизни

В. Кузьменко

Древо Жизни

В.Кузьменко

ДРЕВО ЖИЗНИ

Фантастический роман в 3 книгах
Книга 2

«TERRA» «ТЕРРА»
книжное обозрение

**ББК 84Р7
К89**

**Редактор Е.С.Аверин
Художник В.В.Паршин**

ISBN 5-85255-055-8

**© Издательский центр «ТЕРРА», 1991
© «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», 1991**

Часть I

ТУПИК

— *Господин ландграф, и вы, госпожа ландграфиня, и вы, господин герцог Люнебургский, и прочие прекрасные дамы и доблестные кавалеры: здесь, за занавесью, на картине я изобразил ваши прелестные или мужественные лица. Каждый из вас легко узнает свое изображение.*

Шарль де Костер. «Легенда об Уленшпигеле».

ТОМ

— Ты все врешь! Ты не можешь знать своих родителей! Никто их не знает! Почему вдруг ты их должен знать? — Рыжий насмешливо смотрел на Тома. Остальные столпились вокруг, насколько позволяли промежутки между рядами двухъярусных коек, и их лица, обычно безразличные, ничего не выражающие, на этот раз светились интересом.

— Ты можешь мне не верить, но это так. Я по ошибке попал сюда. Мое место было в промежуточном классе. Со мной произошла ошибка, просто перепутали номер.

— Ха-ха! Заливай больше! Выдумал чего. Такого еще не было, чтобы перепутали номер. Может быть, ты скажешь, что и операцию тебе сделали по ошибке?

— Конечно! Раз перепутали номер, то и, естественно, мне сделали операцию.

— Ну ладно. Не задавайся. Теперь уже ничего не поделаешь, — примирительно закончил Рыжий. — Не так ли? — он обвел взглядом окружающих. Те согласно кивали и разошлись по своим местам. До сеанса оставались считанные минуты. Все спешно начали раздеваться и полезли в кровати, занимая удобные позы. Наступило время наслаждения, то, ради чего они двенадцать часов подряд стояли у конвейеров, равномерно и однообразно, заученными движениями направляя манипуляторы к очередным подползающим деталям, имея лишь два перерыва по пятнадцать минут, чтобы принять пищу.

Том заснул не сразу. Предыдущий разговор взволновал его. «Почему они мне не верят? Ведь это так! Я слышал, как главный наставник сказал какому-то важному гостю, указывая на меня, что я попал сюда по ошибке. Правда, про мать я действительно соврал. Но у меня ведь была мать...»

Послышался звук электрометронома, и замигал зеленый свет. Сеанс начался. Том незаметно для себя погрузился в сон.

Он стоял на корме белоснежной яхты. В полукилометре простирался песчаный берег, на котором редко росли кокосовые пальмы. Рядом с ним в шезлонге, томно и безвольно опустив руки, полулежала Джина. Ее гибкое тело, тронутое легким золотистым загаром, было прикрыто узкой полоской белой материи на бедрах. Пошел уже второй месяц, как они блуждают среди коралловых островов, не задерживаясь ни на одном более недели.

Послышались легкие шаги. Стройная мулатка катила по палубе передвижной столик. Поставив его рядом с Томом, она присела в реверансе и тихо удалилась. Еще два дня назад Джина устроила ему легкую сцену из-за этой девушки. Том самодовольно улыбнулся.

Джина открыла глаза и, протянув руку, взяла со столика ломтик ананаса. Том налил себе полрюмки виски, разбавил содовой и с наслаждением выпил.

— Остановимся здесь, милый? — ласково протянула Джина, кивая на недалекий берег.

— Если хочешь, радость моя, — ответил Том, протягивая ей руку. Она взяла ее и прижала к своей щеке. Том наклонился. Ее губы пахли ананасом...

— Подъем! Подъем! — голос динамика резко ворвался в уши. Берег с кокосовыми пальмами исчез. Перед глазами возник белый потолок. Том еще секунду лежал неподвижно, а затем вскочил и начал одеваться. Воспоминания о сне быстро развеивались. Странно, что память о предыдущем возвращалась во сне. Наяву же оставались лишь смутные, томительные и сладостные воспоминания, разобраться в которых было почти невозможно, но в то же время в память врывались разрозненные детали... такие пленительные... от которых замирало все внутри... Жизнь была там, во сне. Сон был здесь, у ленты конвейера. Том машинально нажимал рычаги манипулятора, безошибочно, не глядя, находил в нужный момент одну из восьми ручек. Он по опыту знал, что время долго тянется в первой половине дня, вторая — короче. А там... там его ожидает настоящая жизнь... Только пройти медосмотр. Ежедневно всех работающих у конвейера вели в зал медосмотра. Там робот-диагностик, шлем с присосками, давал свое заключение о здоровье рабочего. Если загоралась красная лампочка, то рабочего санитары вели в изолятор, затем в больницу. А там не было снов... Большинство дня через три-четыре снова возвращались в цех и общежитие. Но были и такие, которые не приходили назад.

Осмотр прошел благополучно. Ему только почистили контакты на затылке. Обычно эту процедуру делают раз в два месяца. Тому почему-то в этом месяце уже три раза их чистили. Неужели придется их менять? Жалы! Это три, а то и больше дней... Рыжий (его все звали Рыжий, хотя у него, как и у всех остальных, на голове не росли волосы.

После операции их навсегда удаляют каким-то химическим составом. Это правильно, так как волосы мешают контакту. Пластинки тогда неплотно прилегают к подушке и сон может прерваться), так вот, Рыжий говорил, что Тому достались контакты из бракованной партии.

Во время обеда Том попытался вспомнить содержание сна, но безуспешно. Единственное, что зацепилось в памяти, это хрустальный фужер с ломтиком какого-то невероятно вкусного лакомства. Том сглотнул набежавшую слюну. Справившись с белковым желе, он направился к выходу. До сеанса оставалось еще около часа. «Надо успеть в туалет», — подумал он и пошел по коридору. В конце его уже выстроилась очередь. Том занял очередь и отошел к окну. Здесь воздух был свежее. За окном виднелись бесконечно уходящие вдаль корпуса завода. Что производит завод, Том не представлял и не имел ни малейшего желания поинтересоваться.

Кто-то тронул его за локоть:

— Ты что, заснул? Иди, твоя очередь.

Матери своей он, конечно, не знает, да и не мог знать. Его, как и остальных младенцев суррогатных матерей, забрали сразу же, не показав матери, в питомник. Первые три года своей жизни он почти не помнит. В памяти осталась только пластмассовая пирамидка, которую он любил часами перебирать, составляя самые неожиданные и забавные фигуры. Потом он был переведен в среднюю группу. Там сдружился с девочкой. Ее звали Мария. У нее были большие черные глаза и длинные ноги, за что ее дразнили цаплей. В старшей группе девочек уже не было.

В шесть лет он прошел селекцию. Из их группы, которая насчитывала около ста мальчиков, троих сразу увезли. Его товарищи говорили, что они будут учиться в школе и потом займут важные посты. Остальных направили в другой город, названия которого он так и не узнал. Вообще, этого не положено было знать. Здесь помещение оказалось хуже и кормили не так, как в питомнике. Через год — вторая селекция. Теперь большинство детей увезли. Вместе с ними уехал и Том. Потом была операция. Тому сказали, что у него разрушили в мозгу большую опухоль. Если бы ее не разрушали, то Том стал бы плохим мальчиком. Он обижал бы других детей, дрался и, возможно, стал бы в конце концов преступником, способным убить человека. При одной мысли о такой возможности у Тома начинался приступ тошноты. Он не мог понять, как могут существовать люди, которые способны причинить другому боль, не говоря уже об убийстве. Опять это проклятое слово! Том почувствовал тошноту и скривился.

«А другие? Те, которых забрали раньше?» — вдруг подумал Том. Он слышал, что им не делают операции. «Наверное, — с завистью рассудил он, — у них нет в мозгу опухоли. Поэтому они могут научиться читать».

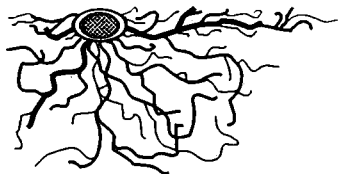
На корпусе манипулятора, с которым работал Том, были какие-то значки. Рыжий, он знал больше всех, по секрету сообщил Тому, что это буквы и из них складываются слова. И еще он говорил, что видел в комнате старшего наставника, куда однажды заносил новый диван, много-много сшитых листков бумаги с такими буквами и еще там, рассказывал он, были картинки с изображением людей. Когда Рыжий это говорил, Тому показалось, что он вспомнил, что где-то видел много та-

ких сшитых листов бумаги, ему даже показалось, что он читал их... «Наверное, это было во сне», — догадался он.

Попав на завод, Том уже ни разу не покидал его. Впрочем, даже на территории завода он был всего два или три раза, когда надо было сгружать новую партию манипуляторов. Его каждодневный маршрут прост: спальня — столовая — цех — столовая — туалет — спальня. И так каждый день до тех пор, пока ему не исполнится сорок. В сорок лет Тома увезут вместе со сверстниками. Куда? Никто не знает. Говорят, на отдых. Интересно, будут ли там сниться сны?

Сильно начал зудеть шрам на плече левой руки. Когда-то там был длинный номер. По этому номеру можно было определить родителей Тома. Если, конечно, Том знал бы, как его прочесть. После второй селекции номер удалялся. Теперь уже он никогда не узнает, кто был его матерью. Том почесал шрам, но зуд не унимался. Тогда он помочил его слюной, зуд немного утих.

До сеанса оставалось всего лишь пять минут. Том разделся, повесил комбинезон на вешалку и устроился поудобнее. Раздался звук электрометра.

МАРИЯ

— Ты надеешься, тебя кто-нибудь купит? — насмешливо бросила через плечо Ирина. — Кому нужна такая скуластая?

Она подошла к зеркалу и еще раз самодовольно осмотрела себя.

— Ты только полюбуись, какой у меня носик! Точеный!

— Ты это зря! — Вера подошла к Марии и обняла ее за талию. — Ну и что? Некоторым это нравится. Зато посмотри, какие у нее ноги! Это чудо!

— У меня не хуже! — огрызнулась Ирина. Она отошла от зеркала на два шага и, повернув голову, стала рассматривать себя сзади.

— Будь объективной. Ни у кого нет таких ног, как у Марии.

— Девушки, не ссорьтесь, — добродушно сделала замечание Марта, младшая воспитательница. — Все будет хорошо. Вот увидите.

— А если?..

— Ну что же, тогда переведут в распределительный пункт, и кого куда... Кого в армейские подразделения, кого в спецгруппы. Да вы не расстраивайтесь. Там тоже неплохо. Правда, приходится много работать. Особенно в армии. Хотя и там бывает, что некоторые офицеры берут к себе. Иногда на год, а иной раз и на всю жизнь, если, конечно, привыкнут. Здесь уж все от вас самих зависит. Вы должны все время об этом думать! Помните, чему вас учили. Забудете — пеняйте на себя. Скажу вам, что даже если все сегодня обойдется хорошо, не надо успокаиваться. Были случаи, когда купленная девушка надоедала своему хозяину и он продавал ее, а то и просто отда-

вал даром в спецгруппу. Словом, не думайте, что это ваш последний экзамен. Их придется держать все время. Такова жизнь!

Она критически оглядела еще раз своих воспитанниц. В большом зале, стены которого были увешаны зеркалами, собралось около двадцати выпускниц последнего класса. Каждой из них шестнадцать лет. Девушки были еще раздеты.

— Одевайтесь! — приказала воспитательница.

— Мария, — она сделала знак, чтобы та подошла, — наденешь белое бикини. Оно больше идет к твоему смуглому телу. Да, вот еще... Когда выйдешь на помост, не стой как столб. Двигайся, поворачивайся, но не делай слишком больших шагов. Учти, твой главный козырь — ноги. Ну, дай я тебя на прощание поцелую. Я тебя всегда любила, моя девочка. Желаю тебе счастья! Лет пять назад... да что вспоминать... Меня вот тогда никто не захотел... Если бы не старшая воспитательница... она считала меня самой способной... попросила оставить в школе. Желаю, тебе, чтобы ты попала к доброму человеку... Если он женится на тебе, то ты сможешь иметь детей. Самых настоящих! Тогда ты сможешь попасть в высший класс и твои дети будут принадлежать ему. А я вот так и состарюсь здесь, не познав ни любви, ни мужчины. Но я не ропщу. Это все же лучше, чем быть в спецгруппе и угождать каждый раз новому или еще хуже, стать суррогатной матерью и бесконечно рожать, как корова, чужих детей, о судьбе которых никогда потом не узнаешь.

— А вы видели мужчин? Какие они?

— Ты разве не смотрела учебные фильмы?

— Я не об этом. Фильмы и учебные муляжи, с которыми мы занимались, — это все не то. Я говорю о живых...

— А, ты об этом! Только на аукционе.

— Я помню одного мальчика. Его звали Том. Он был со мною в питомнике.

— Забудь про него!

— А вдруг он прошел все этапы селекции и теперь принадлежит к высшему классу?

— Такого никогда не случается. В высший класс входят только дети, рожденные в этом классе. Дети суррогатных матерей туда не могут попасть. Самое большее, чего он может достичь, — это попасть в средний класс, стать инженером, врачом, даже ученым. Но вряд ли он тебя сможет купить. Ты слишком дорога для него. Ему понадобилось бы откладывать для этого деньги всю жизнь, ничего не есть и ходить голым. Нет! Если он и попал в средний класс, то он найдет себе подружку среди таких же, как и он.

В зал вошла старшая воспитательница, еще нестарая женщина, лет сорока. На ней было белое атласное платье, перехваченное в талии золотистым поясом.

— Ну, готовы? Тогда пошли! — скомандовала она низким, грудным голосом.

— Это какая группа? — тихо спросила она младшую воспитательницу.

— Восьмая, — так же тихо ответила та.

— А седьмая? Разве уже прошла?

— Да, еще вчера. Вы были заняты, и на аукцион пошла ваша заместительница.

— Вирджиния?

— Да, она.

— И какой же результат?

— Одиннадцать взяли, а остальных направили в пункт перераспределения.

— Плохо! Мы отстаем в показателях от девятой школы.

— Я думаю, что с этой группой мы возьмем реванш.

— Учти, нам идут тридцать процентов от общей выручки. Основные деньги мы получаем здесь, на аукционе. Из пункта перераспределения нам попадает мелочь. Если и с этой группой будет так же, как с седьмой, нам снизят зарплату.

— Я, ведь вы знаете, зарплаты не получаю...

— Да, я забыла. Но все равно! Ты должна беспокоиться о чести нашей школы. Кроме того, питание персонала, одежда, питание воспитанниц зависят от общей выручки.

— Но нам поступают еще деньги в результате пожертвований...

— Мелочь, о которой даже не стоит вспоминать... Но что они копят? Девочки! Поторапливайтесь! Вас уже ждут!

Аукционный зал походил на театральный. Большая сцена ярко освещена. И хоть в зале горел свет, из-за яркого освещения от направленных сверху мощных прожекторов со сцены нельзя было рассмотреть лица сидящих в креслах людей. Все сливалось в однообразную массу. Сбоку на сцене стояло возвышение, нечто вроде трибуны, на которой уже занял место распорядитель.

Девушки прошли два круга по сцене под звуки полонеза и остановились, построившись в ряд, посредине. Послышались аплодисменты.

— Дамы и господа, — начал распорядитель, но тут же поправился: — Простите, я хотел сказать — господа. Дам, как хорошо известно, сюда не пускают.

— Ха-ха-ха! — ответил зал сдержанным смехом.

— И это понятно! Здесь мы заняты чисто мужским делом, и наши крошки подождут нас дома. Не так ли? — смех усилился. Послышались одобрительные хлопки.

— Чудесное, но невероятное сочетание перед вами, господа. Такое сочетание может дать только воспитание в наших замечательных женских школах. Сочетание невинности и глубоких знаний всего того, что касается тех радостей жизни, которые мы себе иногда позволяем. Перед вами наши юные воспитанницы восьмой региональной школы. Отдадим должное их красоте и тому труду, который затратили на них их воспитатели!

Зал дружно зааплодировал. Старшая воспитательница вышла из-за ширмы и поклонилась собравшейся публике. Затем, выпрямившись, подала знак, и шеренга девушек, сделав поворот налево, под звуки марша удалилась со сцены.

Аукцион начался. Первой вызвали Ирину. Она, как показалось Маррин, совершенно спокойно вышла на сцену и заняла место на возвышении в трех метрах от распорядителя, приняв непринужденную позу.

— Номер первый! — провозгласил торжественно распорядитель. — Она имеет красивое греческое имя Ирина, что обозначает мир. Рост метр семьдесят сантиметров. Вес шестьдесят килограммов. — Далее он зачитал данные объемов талии, бедер, груди и объявил: — Начальная цена — пятнадцать тысяч кредиток. Но вы, господа, понимаете, что это слишком мизерная цена и, конечно, недостойна такой прекрасной девушки. Обратите внимание на ее нежный овал лица, на тонкий профиль!

— Двадцать тысяч! — послышалось из глубины зала.

— Благодарю! Итак, господа, двадцать тысяч. Кто больше? Неужели вы упустите такой счастливый случай? Посмотрите на ее, шелковые белокурые волосы. Они одни стоят больше.

— Двадцать пять!

— Это уже ближе! Но еще не соответствует истинной цене. Скажу вам, что она к тому же обладает кротким нравом. Правда, ха-ха-ха, вы не рискуете, что приобретенная вами крошка убежит к теще.

Зал ответил смехом.

— Но тем не менее характер является хорошим дополнением к прекрасной фигуре. Обратите внимание на нежный золотистый оттенок кожи. Это большая редкость. Представьте себя рядом с нею на пляже в Майами или на борту вашей яхты!

— Тридцать пять тысяч! — раздался голос из зала.

— Прекрасно! Итак, тридцать пять. Кто больше? Тридцать пять — раз, тридцать пять — два. Подумайте, господа! Вы упускаете сейчас возможность сделать великолепное приобретение, которое доставит вам много радости. Итак! Тридцать пять!

— Сорок!

— Прекрасно! Сорок тысяч — раз! Сорок тысяч — два! Господа, поторопитесь! Сорок тысяч — три! Продано! Поздравляю вас! — он поклонился подошедшему к краю сцены покупателю. — Вы можете забрать свою покупку сразу же после уплаты денег и подписи известного обязательства.

— Кто это? — накинулись подружки на Ирину, когда она вернулась на сцену.

— Ой, девочки, ничего не знаю. Только заметила, что он еще не старый.

— Иди переоденься и жди, когда за тобой придут! — приказала старшая воспитательница. — Сорок тысяч? Что ж, это неплохо! Хотя бывает, что платят больше. Во всяком случае, ты попадешь к обеспеченному человеку.

Аукцион продолжался три часа. Марию купили за пятьдесят тысяч. Это была максимальная цена. Во время всего аукциона Мария, помня советы Марты, двигалась, меняла позы, насколько позволяло пространство возвышения. Кто ее купил, она не разглядела. В лицо бил яркий свет прожектора.

Марта оказалась права. Все девочки восьмой группы были проданы. Все, кроме одной, Анны. За нее не дали даже исходной цены — всего семь тысяч кредиток. У Анны были веснушки. Весной они высыпали по всему телу, но уже к июлю пропадали. Из-за этих веснушек ее чуть не выбраковали на последней селекции, когда отбирали суррогатных

матерей. Анна была рослая девушка крепкого телосложения. Если бы не веснушки! Анна горько плакала.

— Плохо, что аукцион проходит в мае! — сожалеюще сказала Марта. — А нельзя ли ее отправить на дополнительный, в сентябре?

— Вряд ли это удастся, — ответила старшая воспитательница. — Количество мест там ограничено. Видно, придется тебе, милая, пройти через распределительный пункт. А так... мне искренне жаль. Если говорить объективно, то у тебя все на месте.

— Ну сделайте что-нибудь, — рыдала Анна, — ну пожалуйста, — она упала на колени и, схватив руку старшей воспитательницы, стала целовать ее.

— Ну, будет! Будет, я сказала! Отправка в пункт перераспределения через неделю. За это время либо я что-нибудь для тебя придумаю, либо ты успокоишься. Иди одевайся и, слышишь, перестань реветь, не порти другим праздничного настроения!

Она раздала девушкам картонные номера.

— Это, — пояснила она, — номера ваших комнат. Там приготовлена для вас одежда и туда же доставлены ваши личные вещи. Оденьтесь и ждите. За вами придут. Будем прощаться! Мария, подойди сюда! Я довольна тобой, моя девочка! — она поцеловала Марию в лоб. — Желаю тебе счастья! — Она повернулась к другим: — И вы все молодцы! Я довольна также и тобою, Марта! Рада, что не ошиблась в тебе пять лет назад. Ну, все! — закончила она. — Не забывайте, милые, свою школу, помните все то, чему вас здесь учили, и будьте счастливы, — пожелала она им на прощание и вышла.

Мария посмотрела на свой номер. Десятый. Где это? Кажется, в конце коридора. Она обняла по очереди всех подруг, не забыв Анну, у которой лицо было еще мокрым от слез, и пошла искать свою комнату.

— Ты не туда идешь! — нагнала ее в коридоре Марта. — Это в противоположной стороне. Пойдем, я тебя провожу. — Они пошли рядом.

— Ты молодец, что послушалась моего совета!

— Я ничего не помню!

— Ну, это естественно. Вот мы и пришли. — Они остановились возле двери.

— Ну, прощай!

— Прощай, Марта! — впервые называя младшую воспитательницу просто по имени, ответила Мария. — Я напишу тебе!

— Тс-с! И забудь про это! Если твой хозяин узнает, что ты пишешь письма, знаешь, что тебе будет? Это же строжайше запрещено!

— Да! Я забыла!

— Помни, что теперь вся твоя судьба зависит от благосклонности одного человека. Угождай ему во всем, будь всегда ласковая и веселая. Учти, мужчины не любят грустных. Даже если у тебя будет от тоски разрываться сердце, на лице твоём это не должно отражаться. Будь умницей. Прощу тебя.

— Успокойся. Я постараюсь.

Мария открыла дверь и вошла в комнату. В комнате была Ирина. Она, уже одетая, стояла возле зеркала и поправляла причёску.

— Почему ты здесь? — удивленно спросила Мария.

— А ты почему? — в свою очередь удивилась та.

— У меня десятый.

— У меня тоже! Вот как! Выходит... а я-то думала, чье это? — она кивнула на висевшее на вешалке платье.

— Так, значит, нас купил один и тот же... сразу двоих?

— Видно, это очень богатый человек. Давай только договоримся с самого начала не вредить друг другу...

— Что ты! У меня и в мыслях такого нет!

— Кто тебя знает? — недоверчиво проговорила Ирина, наблюдая, как Мария одевается.

Мария едва успела причесаться, как дверь отворилась и на пороге появился высокий мужчина лет тридцати пяти, атлетического сложения, русоволосый, с правильными чертами лица. Он приветливо улыбнулся.

— Вот и я, — просто сказал он, подавая девушкам белую и красную розы. Белую — Ирине, красную — Марии. — Будем знакомиться. Меня зовут Александр. Надеюсь, мы подружimsя. Сразу же, чтобы не возникло недоразумений. Вас, — он обратился к Ирине, — я приобрел для своего старшего брата. Вы как раз в его вкусе. А тебя, — он повернулся к Марии, — я купил себе.

Ирина не смогла скрыть своего разочарования.

— Ваш брат... вы сказали, он старше вас?

— Да, ему чуть-чуть больше пятидесяти. Но он, уверяю вас, еще крепкий мужчина. Впрочем, вы успеете в этом убедиться.

— А вы не можете... оставить меня себе? — прошептала Ирина.

— Я искренне сожалею! Теперь особенно. Но я уже сообщил брату, что выполнил его просьбу. Видите ли, у него недавно умерла жена. И он совершенно одинок. Детей нет. Может быть, для вас это будет лучшим вариантом. Впрочем, если он останется недоволен моей покупкой, то я с превеликим удовольствием возьму вас к себе. Итак, девочки, если вы готовы, то следуйте за мной. Завтра нам предстоит увлекательное путешествие, а сегодня мы проведем ночь в гостинице. Заранее прошу извинения за неудобства, но через два дня мы будем уже на месте.

В гостинице Александр занимал роскошный номер из пяти комнат, с внутренним бассейном.

— Вот ваша комната, — сообщил он Ирине, — располагайтесь, но сначала мы поужинаем.

Он позвонил, чтобы ужин доставили в номер.

— Я думаю, шампанское нам не повредит, — сказал он с улыбкой, обнажая белые ровные зубы.

— Прошу не стесняться и отпробовать всего. Особенно рекомендую — осетровая икра. Что? Вы никогда ее не ели? Это что-то особенное! Ирина, Мария, — он поднял бокал. — Ну, девочки, за вашу новую жизнь!

— А ваш брат? Он тоже относится к высшему классу? — подала голос Ирина. Она все еще, несмотря на выпитое шампанское, сидела с задумчивым видом, переживая, едва скрывая разочарование.

— Уверяю вас, к самому высшему! Наш дед был одним из первых помощников вождя революции. Когда партию разгромили, он свыше десяти лет скрывался в подполье. Сначала на Тибете, затем в джунглях

Амазонки, готовил боевые отряды. Он был личным другом вождя и похоронен вместе с ним в Пантеоне.

— Так вы очень богаты?

— Очень! Но брат еще больше. Ведь он старший!

— Он похож на вас?

— Не совсем. Матери у нас разные. Он немного ниже меня ростом и волосы у него черные. Вернее, были. Он немного седоват, но ведь недаром говорят, что седина красит мужчину. Ну, не хмурься, детка. Поверь, ты мне все больше нравишься. Я уже очень жалею, что поторопился и послал брату телеграмму. Но что теперь поделаешь?

Если бы не огорчения Ирины, то вечер прошел довольно весело. Александр шутил, рассказывал анекдоты из жизни высшего класса и, вообще, производил впечатление человека доброго и отзывчивого.

В половине десятого Александр поднялся из-за стола.

— Пойду приму душ перед сном, — сообщил он. — Вы можете использовать бассейн. Это здесь, по коридору направо.

— Ах! Если бы не ты! — с огорчением произнесла Ирина, вытираясь мохнатой простыней.

— При чем тут я?

— Меня ведь он купил первой!

— Разве я в чем-то виновата перед тобой?

Ирина не ответила. Бросила на пол простыню и, закутавшись в халат, пошла к себе.

В гостиной, где они только что ужинали, свет не горел. Мария вошла и остановилась, не зная, куда идти дальше. Вдруг она почувствовала, как ее взяли за руку.

— Идем, — услышала она шепот Александра и покорно пошла за ним.

Несмотря на боль, которую испытывают все женщины, когда впервые познают мужчину, Мария, помня наставления Марты, старалась угадать малейшее желание Александра. Постепенно его страсть передалась и ей. Она уже почти любила его. Во всяком случае, он не был ей противен. Он был ласков. Только однажды, когда он сжал ей грудь, она вскрикнула от боли, ей показалось, что у нее сломано ребро. Александр сейчас же отпустил ее и, казалось, был смущен.

— Прости, — виновато произнес он и участливо спросил: — Больно?

— Уже нет, — ответила она, хотя боль еще не прошла.

Заснули они только под утро и проснулись где-то около часу дня.

— Ты прелест! — целуя в грудь, шептал Александр. — Я еще никогда не испытывал такого наслаждения. Я буду тебя любить, обещаю!

Вот уже месяц Мария живет в доме Александра. Дом, вернее, дворец, стоял в центре огромного парка, окруженного со всех сторон высокой бетонированной стеной. Что было за этой стеной, Мария не знала, так как приехали они сюда уже поздно вечером. Ей позволяли гулять в этом парке, среди многочисленных искусственных озер и фонтанов. Наружу никого не пускали. Впрочем, Мария и не испытывала желания выходить за пределы ограды. По сравнению с территорией школы, ее маленьким садиком и спортплощадкой парк представлялся ей огром-

ным миром, полным неожиданностей. Двенадцать лет, проведенных в школе, в ее узком мирке, сказывались в том, что поначалу Мария даже пугалась огромного, как ей казалось, пространства и, гуляя по дорожкам парка, часто ловила себя на мысли, не заблудилась ли она среди этих деревьев, полян и лужаек.

Постепенно она освоилась и ближе сошлась со своими новыми подругами, девушками, купленными Александром раньше. Старшей из них минуло уже двадцать пять лет. В доме было много слуг, голые черепа которых свидетельствовали о принадлежности их к низшему классу. Кроме них в доме жили два негра, мужские достоинства которых были удалены в раннем детстве. Они незаметно и ненавязчиво следили за девушками издали, и только если между девушками возникал конфликт, что, впрочем, было не часто, немедленно вмешивались, предупреждая потасовку.

Александр был неизменно приветлив и ласков. Он явно выделял Марию среди других. Это выражалось и в том внимании, которое он оказывал ей чаще, чем другим, и в богатых подарках почти после каждой проведенной с ней ночи. Подруги сначала завидовали «новенькой», но потом, познакомившись с ней ближе и поняв, что она не злоупотребляет влиянием на хозяина, как говорится, оттаяли.

Любимым местом времяпрепровождения был большой бассейн с подогреваемой водой. Он находился на первом этаже дома, посреди огромного зала. Женщины нередко проводили в этом зале большую часть дня. Иногда к ним присоединялся и Александр. В этом случае обедали тут же. Негры приносили скатерть, которую

стелили на огромный ковер. На скатерть ставили посуду и кушанья, затем, поправив подушки, неслышно исчезали.

Иногда Александр уезжал по делам на два-три дня, редко — на неделю. Мария все больше и больше привязывалась к своему хозяину, скучала, не находила себе места, подолгу стояла у окна, которое выходило на дорогу к воротам парка.

Однажды Александр вернулся вместе со своим старшим братом. Мария видела его раньше только один раз и то мельком, когда он приехал забрать Ирину. Генрих оказался значительно ниже своего брата. Лицо его было мясистым, одутловатым. Он уже начинал лысеть. Мария вспомнила, как омрачилось на секунду лицо Ирины, когда она впервые увидела своего будущего хозяина. Правда, она тотчас справилась с собой, изобразила на лице улыбку и радость. Мария хотела спросить Генриха об Ирине, но не смела подойти к нему.

По-видимому, между Генрихом и Александром произошла размолвка. Генрих уехал на следующий день, а Александр всю неделю ходил мрачный и обеспокоенный.

К концу второго месяца жизни во дворце Мария поняла, что она беременна. Когда она сообщила об этом Александру, тот обрадовался, как ребенок. Он не отходил от нее целый день, предупреждая любое ее желание.

— Если ты родишь мне сына, — сказал он ей вечером перед сном, — я оформлю свой брак с тобой, и ты станешь тогда полноправным членом нашего класса.

У него были дети от других женщин. Но это были девочки. Закон позволял представителям высшего класса жениться на женщинах, рожденных суррогатными матерями, но оформление брака влекло за собой сложные формальности. Требовалось доказательство генетической полноценности ребенка. Иногда это затягивалось до пяти лет. В жизни такой женщины, когда она вступала в официальный брак, мало что менялось. Вход в высшее общество ей был закрыт, хотя официально она приравнивалась к женщинам, рожденным от матерей высшего класса. Но это официально. Появись в таком обществе Мария, ее бы просто игнорировали. Никто бы не унизился до разговора с ней. Были, правда, исключения, но они случались крайне редко. Вообще, такие браки в последние десятилетия не поощрялись правительством. Мужчина, принадлежащий к элите, мог иметь сколько угодно наложниц или рабынь, но жениться он должен был на женщине своего класса. Однако, несмотря на негласное неодобрение со стороны правительства, браки с дочерьми суррогатных матерей совершались довольно часто.

— Понимаешь, если совершенно закроют этот канал, наше общество постепенно деградирует без притока свежей крови. — Александр имел в виду правящую элиту. — Правительство, — продолжал он, — прекрасно это понимает, хотя есть такие, которые возражают, как они говорят, против рассеивания капитала.

В последнее время Александр стал все больше времени проводить в ее обществе. Теперь он часто делился с нею своими мыслями и сомнениями. Многое из того, что он ей говорил, Мария не понимала. Она старалась вникнуть в смысл незнакомых ей слов и понятий. Иногда это ей удавалось. Но чаще нет. Воспитание, полученное в школе, было слиш-

ком односторонним. Много внимания уделялось сексу и его технике, спорту, танцам, пению, личной гигиене. Им почти ничего не давали читать, разве что развлекательные романы. Были книги и по истории. Но в них писалось только о том, как правительство и стоящий во главе его вождь-император спасли человечество от надвигающейся генетической катастрофы. Давалось краткое описание структуры общества. Подчеркивалось чуть ли не на каждой странице значение элиты в выживании человечества, говорилось о тяжелой ноше, которую она несет, взявши на себя всю ответственность за жизнь других людей. Книги были снабжены иллюстрациями, на которых изображались уродцы, рождавшиеся до введения закона о селекции.

Поэтому, когда Александр сказал ей, что в элите некоторые хотят смягчения законов, она не поняла его и не поверила. Существующий строй казался ей естественным и единственно возможным. Она прямо сказала это Александру. Александр ничего не ответил, но как-то странно посмотрел на Марию. На второй день он вызвал ее к себе.

— Вот, на, почитай, — протянул он ей толстую книгу. — Постарайся понять.

Мария взяла книгу. Ее поразил в первую очередь ее объем. Те книги, которые она видела раньше, не насчитывали больше тридцати страниц.

— «Анна Каренина», — прочла она на обложке и вопросительно посмотрела на Александра.

— Только никому не показывай! — предупредил ее Александр. — Она и ей подобные давно уже уничтожены. Мне удалось сохранить хорошую библиотеку, но о ней никто не должен знать. Это теперь преследуется. Надеюсь, ты меня не выдашь? — не то серьезно, не то шутливо спросил он.

— Но здесь слишком много, — озабоченно пожаловалась Мария, листая страницы. — Я боюсь, что не справлюсь.

— Справишься! — он ободряюще потрепал ее по щеке и велел идти.

Как обычно в таких случаях, она хотела поцеловать ему руку, но он отдернул ее.

— Держа «Анну Каренину», нельзя целовать мужчине руку, — его лицо скривилось. Непонятно было, смеется он или огорчен.

— Я положу ее здесь, — она положила книгу на край стола и хотела снова взять его руку. Но он досадливо отмахнулся: «Иди, мол». Она удалилась, не понимая причины его раздражения.

Мария добросовестно читала страницу за страницей, возвращалась снова к прочитанному, но почти ничего не понимала. Все было крайне сложно. Поступок Анны казался ей невероятным и почти диким. Она не дочитала до конца. Мозг ее устал от перенапряжения. Почему-то ей вспомнился Том, мальчик, с которым она играла в питомнике.

— Ну, прочла? — спустя неделю спросил ее Александр.

— Читаю, но...

— Но?

— Я ничего не понимаю, — честно призналась Мария. — Я думаю, что Анна была плохой женщиной, хотя мне ее жалко.

— Плохой?

— Конечно! Она изменила мужу! Как можно? Это не укладывается в сознании. Тем более, ее муж был добр к ней! Ее надо было бы отдать в спецгруппу!

— Анну в бордель?!

— Ну конечно, раз ее не устраивало жить с одним мужчиной!

— Да-а!.. Вот плоды нашей системы! — с отчаянием проговорил Александр. — Впрочем, это слишком сложная для тебя книга. — Он с надеждой посмотрел на Марию и добавил: — Пока. Со временем ты научишься понимать и мыслить!

Он стал приносить книги ей в комнату. Книги были старые, с пожелтевшими страницами. Мария прочла «Робинзона», затем «Трех мушкетеров». Александр терпеливо объяснял непонятное. Постепенно чтение понравилось ей. Мир стал вдруг большим. Теперь уже многое из того, что говорил ей Александр, вызывало интерес.

— Ты понимаешь... Уже сто лет, как у нас не написано ни одной художественной книги! Наша культура деградировала. А с ней деградировала и наука. Мы уже не летаем в космос. Вся наша техника остановилась в развитии сто лет назад. Мы повторяем азы прошлого.

— Но ведь есть же инженеры и ученые, — допытывалась Мария.

— Да! Представители среднего класса. Они влачат более-менее сносное существование. Но их немного. В среднем классе насчитывается всего лишь десять миллионов. Это, считай, и мелкие торговцы, учителя, врачи. Кроме того, у них нет стимула. Пять миллионов в армии. Нас около восьми. Остальные два миллиарда — рабочие с голыми черепами, да вот еще вы и суррогатные матери.

— Почему так мало в среднем классе? Ведь им разрешается иметь детей.

— Разрешается! Но не больше двух. Кроме того, на них распространяется закон о селекции. Правда, не столь строгий, но все же. Забирают детей только с явно выраженными признаками генетического уродства. Пойми меня правильно, — Александр стал говорить с ней, как с равной, — я не против всей системы. Несомненно, она разумна. Ведь до введения системы у нас рождалась чуть ли не треть детей с генетическими нарушениями. Теперь значительно меньше. Может быть, один на двести—триста. У нас исчезла преступность, наркомания, алкоголизм. Уже восемьдесят лет на Земле не совершено ни одного преступления. Нет тюрем! Туда просто некого сажать. Мы несомненно биологически улучшили человека. С этим нельзя спорить. Но меня беспокоит застой в науке и культуре. Видишь ли, по своей должности я связан с этими вопросами. Надо что-то делать! Многие считают, и я с ними согласен, что требуется смягчить селекционные законы и расширить средний класс. Но императору нашептывают, что это опасно. Мой брат как раз один из яростнейших противников всяких реформ. Таких, как он, — большинство. Кроме того, они занимают все командные посты. Моя мать, — он заколебался, продолжать ли, — моя мать, она была такая же, как ты, то есть родилась от суррогатной матери. Ее так же, как я тебя, купил мой отец и женился на ней, когда умерла его жена. Генрих — сын от первого брака. Если бы не заслуги моего отца, а еще больше — деда, то я бы никогда не занял того положения, которое занимаю сейчас. Тем не менее, когда после смерти отца был раздел его

имущества, мне досталась только пятая часть. Остальное пошло брату. Он сказочно богат и, если бы захотел, мог бы купить тысячи таких домов, как у меня. Но он скуп и довольствуется немногим.

— Ты не любишь своего брата? — набралась смелости спросить Мария. Еще месяц назад она не решилась бы задать такой вопрос.

— Я никогда не любил его, и он меня тоже. На людях мы разыгрываем комедию теплых братских чувств, но наедине с собой просто стараемся быть вежливыми.

Через пять месяцев после этого разговора Мария родила мальчика. Александр, как и обещал, немедленно занялся хлопотами по разрешению брака и усыновлению ребенка. Дело продвигалось туго. Александр собирался уже непосредственно обратиться к императору, который знал его лично и ценил заслуги семьи перед режимом. Для этого он хотел лететь на Гавайи, где была летняя резиденция императора, но за три дня до вылета погиб в автокатастрофе. Его электромобиль был буквально смят в лепешку встречным грузовиком. Совершивший наезд шофер бросил свою машину и исчез. Полиция начала поиски, но пока безрезультатно.

Через неделю в замок приехал поверенный в делах Александра. Он захотел увидеться с Марией.

Выразив соболезнования, он долго молчал, не решаясь приступить к делу, ради которого приехал. Наконец, собравшись с духом, он начал:

— Должен вас огорчить, мадам, — сказал он, обращаясь к ней, как принято обращаться к женщинам высшего класса, — ваш муж, я называю его вашим мужем, так как мне известны намерения покойного в этом отношении, к величайшему моему сожалению, не успел оформить брак с вами и усыновить ребенка. Если бы он это сделал, то сейчас вы вполне законно и спокойно вошли бы в наследование его имуществом, которое, поверьте, очень и очень внушительно. Я хочу спросить вас, не оставил ли он хотя бы письменного завещания? Вряд ли оно решит исход дела об имуществе, но лично для вас может иметь благоприятные последствия.

— Я не знаю, — ответила Мария. — Все произошло так внезапно... Он не думал о смерти...

— Да... Очень неожиданно... Он что, никогда не включал автокомпьютер?

— Не знаю. Я ездила с ним всего один раз. Мне кажется, он очень любил быструю езду.

— Странно, странно, — скорее отвечая своим собственным мыслям, проговорил поверенный. — И все же, мадам, я прошу вас посмотреть в его бумагах, нет ли какого письменного распоряжения.

Мария позвонила дворцовому, и тот принес ключи от кабинета Александра.

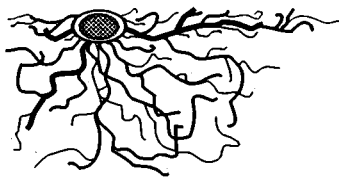
Весь вечер поверенный изучал содержимое стола хозяина дома и его сейфа, но так ничего и не нашел.

Он спустился вниз глубоко опечаленный.

— Я вынужден поставить вас в известность, мадам, что дом, имущество и все его служащие, девушки и вы теперь, согласно закону, переходите в собственность брата покойного.

— Что же с нами будет?

— Не знаю, не знаю... — Он поспешил попрощаться. Было видно, что ему хотелось как можно скорее покинуть этот дом. В дверях он бросил последний взгляд, полный сочувствия и, как показалось Марии, скорби, и, отвесив поклон, вышел. Смысл происшедшего только сейчас дошел до Марии, и ее объял ужас.

ГЕНРИХ

На второй день приехал управляющий Генриха. Первым делом он опечатал кабинет Александра, затем вместе с двумя помощниками и нотариусом занялся описью имущества.

— Новый хозяин приедет сюда через три месяца, — сообщил он. — А пока мне поручено навести здесь порядок.

Наведение порядка началось с того, что в одно утро в усадьбу въехала крытая машина и женщин вместе с детьми затолкали внутрь и увезли. Сцена была тягостная. Женщины и дети плакали, умоляли управляющего, протягивали к нему руки.

Марию на это время заперли в спальне и выпустили только тогда, когда машина скрылась из виду.

— Что с ними будет? Куда их увезли? — едва сдерживая себя, спросила она управляющего.

— Туда, куда обычно увозят в таких случаях, — ответил спокойно тот и пояснил: — В спецгруппы. Детей же отдадут в питомник.

— А что будет со мною?

— Насчет вас я не получал никаких указаний, — вежливо ответил управляющий. — Ждите приезда хозяина.

Еще через день на задний двор вынесли содержимое книжных шкафов библиотеки. Книги вывалили на землю, облили бензином и подожгли. Глядя на это варварство, Мария ощутила, как недобрые предчувствия сжимают ей грудь.

— Ваш прежний хозяин слишком много читал и слишком много говорил, — заметил управляющий, наблюдая, как огонь пожирает бу-

магу. — Если бы он говорил поменьше... — добавил он, но тут же осекся.

— Вы принадлежите к высшему классу? — спросила Мария.

— Нет! Я принадлежу к среднему, но какое это имеет значение? Я честно и преданно служу своему хозяину, и он ценит это довольно высоко.

— Вам не жалко их?

— Ваших подруг? При чем тут жалко или не жалко? Я получил в отношении их точные инструкции и выполнил волю хозяина. — Он повернулся и зашагал прочь.

Мария вернулась к себе в спальню и закрылась на ключ. Пошарив под матрасом, она вытащила книгу. Это была «Анна Каренина». Теперь, читая ее, она почти понимала, что хотел сказать автор романа.

Через три месяца, как и обещал, приехал Генрих. Вместе с ним пришла и Ирина. Мария, увидев свою бывшую подругу, невольно сделала движение, чтобы броситься к ней, но та смерила ее холодным взглядом и молча пошла вслед за Генрихом вверх по лестнице на второй этаж, в апартаменты Александра.

Большой дом замер. Слуги, привыкшие к мягкому и доброму нраву прежнего хозяина, почувствовали близость перемен. Вскоре они наступили. Через два дня больше половины слуг были отправлены на заводы к конвейерам. Дворецкий тоже исчез. Вместо него появился новый, молодой, служивший ранее камердинером нового хозяина.

Про Марию как будто забыли. Она старалась как можно реже выходить из своей комнаты. Обедала она теперь вместе со слугами. После изысканной еды пища, которую ей теперь давали, не лезла в горло. Слуги тоже жаловались, что кормить стали значительно хуже. Два раза Мария мельком видела Ирину, но та делала вид, что не замечает ее.

Как-то вечером, после ужина, Мария сидела в своей спальне и читала «Анну Каренину» — единственную книгу, которая осталась у нее, а наверное, и во всем доме. В дверь тихо постучали. Мария быстро спрятала под матрац книгу и пошла открывать. На пороге стоял негр Джим. Его толстое бабье лицо, сморщенное и лишенное растительности, на этот раз выражало тревогу.

— Госпожа, — испуганным шепотом проговорил он, — приготовьтесь. Сейчас к вам придет хозяин. — Он поклонился и, не говоря больше ни слова, пятясь, исчез в полумраке коридора.

Испытывая тревогу, Мария подошла к зеркалу и стала поправлять прическу. Заплакал малыш. То ли страх матери передался и ему, то ли пришло время кормления. Она взяла его из кровати и стала кормить. Малыш зачмокал и успокоился. Утолив первый голод, он откинул голову, посмотрел на мать и загудел своим беззубым, перепачканным молоком ртом.

Дверь открылась, и вошел Генрих. Мария встала и склонилась в поклоне.

Генрих некоторое время молчал, рассматривая мать и малыша. Потом сделал знак, чтобы она села.

— Как называли? — спросил он, глядя на ребенка.

— Генрихом, — ответила Мария. Это была ложь. Ребенка хотели назвать Александром, но инстинкт матери сработал мгновенно. Сейчас она не думала о погибшем отце. Страх за сына, судьба которого в руках этого человека, жестокого, как она знала, заслонил все. Сердце ее бешено колотилось.

Генрих был явно удивлен.

— Вот как? Не думал, что мой братец... — он не договорил, спохватившись, что может сказать лишнее.

Сытый малыш был настроен весело. Он бил ручками по груди матери, затем повернул лицо к незнакомому человеку и, вместо того чтобы заплакать, вдруг улыбнулся.

Генрих протянул руки и взял малыша. Мария замерла, но тот вел себя спокойно, доверчиво смотря в лицо взявшего его на руки человека. Это явно понравилось Генриху, и он даже улыбнулся.

— Да! — решительно произнес он. — Наша кровь. Кровь Заманских.

Он взглянул на Марию, как бы спрашивая ее разрешения, и положил малыша в кроватку. Затем задумчиво заходил по комнате из угла в угол. Он о чем-то размышлял, хотя, видимо, решение уже было принято, обдумывались детали. Затем подошел вплотную к Марии и пристально стал ее рассматривать. Удовлетворившись осмотром, он еще раз прошелся по комнате и остановился, внимательно смотря на женщину.

— Я, к сожалению, не имею детей, — произнес он наконец. — И, вероятно, уже никогда иметь их не буду. — Он замолчал, как бы ожидая, что на это ответит Мария, но та не могла произнести от волнения ни слова. Видя, что она молчит, Генрих продолжал: — Я решил усыновить ребенка моего брата. Хотя у нас разные матери, но отец один, и я не хочу, чтобы наш славный род, сделавший так много для государства, вымер. После моей смерти он, Генрих Второй, наследует все мое имущество и власть, которую я имею. Я сам его воспитаю. Пусть он рожден был моим братом, но по духу он будет моим сыном.

Решив, что он все сказал, Генрих выжидательно посмотрел на Марию и протянул ей руку. Мария опустилась на колени и поцеловала ее.

— Сколько тебе лет? — осведомился новый хозяин, взяв ее за подбородок. Ее лицо было на уровне его живота. Мария почувствовала, как от него исходит густой неприятный запах.

— Зимою исполнится восемнадцать, — прошептала она.

— Ну хорошо! — он еще раз бросил взгляд на детскую кроватку и вышел.

Есть теперь Марию звали наверх. За столом они сидели вдвоем. Ирина по-прежнему не обращала внимания на свою бывшую подругу. Генрих же, напротив, все чаще и чаще бросал на нее взгляды. Обычно за столом не велось разговоров. Ели молча. Прислуживали три лакея в белых смокингах и таких же белых перчатках. Голые черепа их были прикрыты завитыми париками. При Александре было все иначе. За столом велся оживленный разговор. Обслуживали себя сами, без лакеев. Да и стол был иной. Теперь утром они ели овсянку. В обед обычно

подавался жидкий бульон с сухариками, а на ужин — неизменный творог. Генрих всякий раз подчеркивал свой спартанский образ жизни.

— Умеренность в еде, — поучал он, — основа здоровья и нравственности.

Еде предшествовала молитва.

Мария испытывала постоянное чувство голода. Она стала после этих трапез забегать на кухню, где кухарка давала ей еще порцию оставшегося супа. Все это делалось в тайне. Так как, не дай бог, если бы об этом узнал хозяин, для них бы это плохо кончилось. Мария чувствовала, что, если она не будет есть больше, у нее пропадет молоко. За столом она украдкой наблюдала за Ириной. Та вяло ковыряла ложкой в твороге. Несмотря на скудость еды, она явно не чувствовала голода и не спала с тела. Секрет скоро раскрылся. Один раз она столкнулась с Ириной незадолго до ужина в коридоре лицом к лицу и почувствовала запах ветчины. Та поняла, что ее секрет раскрыт, и решила себя обезопасить, приобщить подругу к своему «преступлению». Она поманила ее за собой в свою комнату. Закрыв дверь, вытащила из тумбочки сверток.

— Хочешь? — спросила она, отрезая толстый ломоть ветчины.

— Откуда это?

— Много будешь знать...

Мария съела ветчину и с благодарностью посмотрела на Ирину.

— Спасибо!

Ирина зло фыркнула:

— Ладно! Поела, уходи!

Мария пошла, но у самой двери обернулась.

— Послушай, почему ты меня ненавидишь? Ведь мы же были подругами.

Ирина подскочила к двери. Захлопнула ее и, обернувшись к Марии, горячо заговорила:

— Ты хочешь знать? Хорошо! Ты всегда мне перебегаешь дорогу! Тогда, на аукционе, я была бы первая! Если бы не ты, то Александр был бы жив! Я бы смогла его уберечь!

— От чего? — не поняла Мария.

— Так ты ничегошеньки не знаешь? — всплеснула руками Ирина.

— Абсолютно! Кроме того, что он попал в аварию.

— А почему он попал, ты догадываешься? Нет? Ну так я тебе скажу. Он был в заговоре. Да! В самом настоящем.

— В заговоре? Не понимаю. Чего же он добивался?

— Я толком не знаю. Но заговор был раскрыт и всех, понимаешь, всех тихо устранили. Некоторых так, как твоего Александра, других иначе. Я почему знаю? Генрих проговорился как-то ночью. Он сам планировал эти акции.

— Как?! И своего брата?!

— Его-то он больше всех ненавидел!

— За что? Ведь Александр был таким добрым...

— Вот именно за это! За то, что он был добрым, молодым, здоровым и красивым. За то, что он мог любить и его можно было любить. Принайся, ты любила его?

— Очень!

— Вот видишь... а я? Что такое любовь? Если бы я знала?! — она села в кресло и, обхватив голову руками, заплакала. — Боже мой! Почему я такая несчастная?! Как я его ненавижу!

Она вскочила, расстегнула платье и бросила его на пол.

— Вот, посмотри!

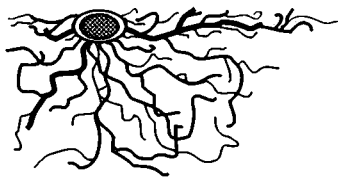
Мария невольно отшатнулась. Все тело подруги было покрыто ссадинами, царапинами и старыми следами укусов.

— Посмотрела? Это когда у него не получается... он звереет... старый вонючий импотент... Да ты скоро сама в этом убедишься. Думаешь, тебя это минует? Как бы не так! Увидишь, что он вытворяет! Ха! Перед этим смотрит похабные фильмы и меня заставляет... Как я его ненавижу! — повторила она. — Иногда во мне появляется дикое желание задушить его ночью, когда он храпит и слюнявит подушку. И я это сделаю! Мне уже все равно!

Мария обняла подругу.

— Успокойся, прошу тебя, милая.

Она случайно бросила взгляд на дверь и обмерла. В дверях стоял Генрих и пристально, тяжелым взглядом смотрел на женщин.

ПОВОРОТ

Он вошел в комнату, запер за собой дверь и остановился в двух шагах от женщин. На Марию он теперь не смотрел. Взгляд его водянистых глаз был устремлен на Ирину. Та сжалась.

— Так, сука, — прошипел Генрих. — Завтра я тебя отправлю туда, куда ты, видимо, хочешь попасть. Но сегодня ты получишь от меня сполна то, что заслужила. — Он сунул руку в карман и вытащил продолговатый металлический цилиндр. Держа его впереди себя, он нажал кнопку, и из цилиндра выскочил тонкий гибкий хлыст. Ирина завизжала.

— Тебе знакома эта штука? Ты уже раз ее попробовала. Теперь ты получишь всю оставшуюся порцию.

Хлыст со свистом разрезал воздух. Еще. И еще раз. Брызнула кровь. Ирина кричала, извиваясь на полу всем телом. С каждым нанесенным ударом Генрих зверел все больше и больше. Наконец женщина перестала кричать. Генрих стал тогда бить ее ногами в живот, в грудь. Наступила тишина. Слышны были только глухие удары да сопение истязавшего неподвижное тело палача.

«Он ее сейчас убьет!» — с ужасом подумала Мария. Она схватила Генриха за плечо.

— Перестаньте! Вы убьете ее!

— Что?! — взревел Генрих. Он поднял хлыст. Мария успела отстраниться, и удар хлыста обрушился ей на плечо, рассек платье и кожу. Генрих метил в лицо, но промахнулся из-за малого расстояния. Не помня себя, она вырвала

из его рук хлыст и обрушила удар тяжелой рукоятки на голову хозяина. Генрих обмяк и свалился на пол. Мария продолжала наносить удар за ударом...

Внезапно она успокоилась. Подошла к двери, прислушалась. Все было тихо. Она приоткрыла дверь. В коридоре никого не было. Снова закрыла и повернула ручку замка. Затем, схватив труп за ноги, поволокла его в смежную со спальней ванную комнату. Положив труп на кафельный пол, взяла таз и тряпку, вернулась в спальню и тщательно замыла следы крови. Вымыла руки и занялась Ириной. Она положила ее на постель и стала приводить в чувство. Ирина застонала и открыла глаза. Сделала движение и тут же скривилась от боли.

— Там, в ванной, на полке — мазь, — прошептала она.

Мария нашла мазь и, срезав ножницами пропитанные кровью обрывки платья, смазала раны подруги. Через некоторое время та окончательно пришла в себя.

— Где он? — были ее первые слова.

— Лежит на полу в ванной, — спокойно ответила Мария.

Та пристально посмотрела на нее и все поняла.

— Ты убила его? — все еще не веря в случившееся, спросила она не то утвердительно, не то вопросительно.

Мария кивнула головой.

— Лежи! — приказала она, когда Ирина сделала попытку приподняться.

— Что теперь будем делать?

— Не знаю...

Ирина закрыла глаза. Долго молчала, что-то обдумывая. Потом решительно сказала: — Позови управляющего!

— Ты хочешь меня выдать? — спокойно и отрешенно спросила Мария.

Ирина не ответила. Усилия, которые она затратила на разговор, лишили ее последних сил, и она снова потеряла сознание.

Мария задумалась. Она не жалела о случившемся. Поняв, какая ее ожидает жизнь, она уже не боялась смерти. Ирина, как она случайно узнала у дворецкого, была уже десятой наложницей у Генриха. Тогда она не придавала значения этому. Теперь же ей стала ясна судьба тех девяти, которые были раньше, до Ирины. Но Александр? Не может быть, что он не знал всего. Как он мог приобрести Ирину для Генриха? Может быть, он не знал? Ей хотелось в это верить. Александр... А сын? Что теперь будет с ним? За все время, прошедшее от случившегося, она впервые подумала о сыне и только тогда почувствовала страх. Она вспомнила закон, который не раз им объясняли во время уроков в школе. Закон гласил, что если убийца представителя высшего класса не найден, то казни подлежат все слуги, живущие в его доме.

У Ирины, подумала она, следовательно, нет другого выхода. Так пусть лучше погибну я одна! — решила она и пошла за управляющим.

Сначала она зашла к себе попрощаться с сыном, которого теперь больше не увидит. Слезы брызнули у нее из глаз. Она покормила его напоследок и, уложив в кроватку, пошла искать управляющего. Нашла его в саду. Управляющий распекал за что-то садовника.

— Вас просит зайти Ирина, — сообщила она ему, дождавшись, когда управляющий сделал паузу.

— Ирина? — крайне удивился он. — Не понимаю?

— Это крайне важно.

Управляющий внимательно посмотрел на нее и, поняв, что дело не терпит отлагательства, торопливо пошел к дому. Мария последовала за ним.

Управляющий шел быстро, и она нагнала его у самых дверей комнаты подруги.

Увидев истерзанное тело Ирины, управляющий повернулся к Марии.

— Когда это? — только спросил он.

— Полчаса назад, — ответила она, закрывая и запирая дверь на замок.

Управляющий подошел к распростертому телу и, взяв руку женщины, стал считать пульс. Потом подошел к тумбочке, достал небольшой пузырек и рюмку. Отсчитал капли и влил лекарство в рот Ирине. Затем повернулся к Марии.

— Где он?

Мария кивнула на дверь ванной. Управляющий удивленно взглянул на нее и пошел туда. Был он там несколько минут. Понесся шум воды из крана. Он вышел, вытирая руки полотенцем.

— Ждите меня здесь и никуда не отлучайтесь, — приказал он...

Прошел час, затем еще полчаса. Она услышала тяжелые шаги по коридору. «Идут за мною», — поняла она и встала.

Щелкнул замок, дверь отворилась, и вошел управляющий, сгибаясь под тяжестью большого пластмассового короба.

— Вот, еле нашел, — задыхаясь, сказал он. — Дай переведу дух... А теперь помоги мне.

Ничего не понимая, Мария помогла ему поднять короб.

— Сюда! — управляющий, пятясь задом, направился в ванную.

— Ставь на край! — Они поставили ящик на край ванны. Мария заглянула в нее и увидела лежащего там Генриха.

Управляющий достал из кармана щипцы и стал открывать крышку ящика.

— Наклоняй! — приказал он. — Только смотри, чтобы не попало на руки.

Из короба посыпался белый порошок. Он почти закрыл труп. Управляющий открыл кран горячей воды. Вода полилась на порошок и сразу же забулжила, как от кипения.

— Давай выйдем отсюда. — Управляющий повернул ручку включения вентиляции до отказа. Загудел двигатель. Он прислушался, затем с сомнением покачал головой и, подойдя к окну, открыл его.

— Так будет надежней!

Они вышли. Управляющий вытащил из кармана моток лейкопластыря и тщательно заклеил дверь в ванную.

— Будет много вони, — пояснил он и подошел к постели Ирины. — Ну, как она?

— Ей, видимо, лучше, — ответила Мария. Это были ее первые слова с момента его возвращения. Она молча выполняла его указания, еще не понимая их истинного смысла, который только начал доходить до ее сознания.

Кончив считать пульс, управляющий выпрямился.

— Завтра нерастворившиеся останки этого хоряка я унесу в парк и зарю. Пока его хватятся, пройдет немало времени, и мы что-то успеем придумать.

Он снова наклонился над спящей Ириной и осторожно дотронулся рукою до ее лица. Ирина открыла глаза.

— Павел... — Мария впервые услышала его имя.

— Лежи тихо. Я осмотрю тебя. — Он начал щупать ей живот и грудную клетку. Ирина вскрикнула от боли.

— Сломано два ребра, — констатировал Павел. — Печень, к счастью, цела.

— Я напрягала живот, как ты учил, пока была в сознании.

— Это тебя спасло. Если бы был разрыв печени, пришлось бы везти тебя в госпиталь. А там...

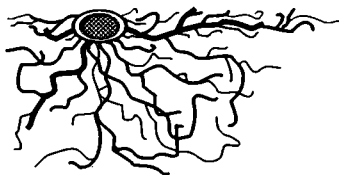
Ирина закрыла глаза и глубоко вздохнула, но сразу же вскрикнула от боли.

— Потерпи. Сейчас я тебе сделаю повязку. Мария, — попросил он, называя ее по имени, — помоги мне ее приподнять.

— Тебе придется немного полежать, — сказал он, закончив бинтовать ей грудную клетку. — Дня через три сможешь ходить. Постарайся заснуть.

Он снова накапал из пузырька лекарства и дал ей выпить. Минут через десять Ирина уже спала.

— Теперь с тобой, — Павел повернулся к Марии. — Сейчас иди в свою комнату, а завтра, как ни в чем не бывало, придешь наверх — завтракать. Запомни! Ты сегодня рано легла спать и ничего не знаешь!

ПАВЕЛ

Утром в столовой Марию встретил дворецкий.

— Вам придется завтракать одной, — сообщил он. — Хозяин вчера вечером уехал, а госпожа Ирина больна.

Мария кивнула и села на свое место.

После завтрака Мария вышла во двор и, проходя мимо открытых дверей гаража, не заметила черного бронированного электромобиля Генриха. Она решила не менять своих привычек и делать то, что обычно делала каждый день.

С большим трудом выдержав положенные полчаса прогулки в парке и обойдя близлежащее озеро, в котором плавало семейство черных австралийских лебедей, покормив их, как обычно, хлебом, она, еле сдерживая нетерпение и стараясь идти как можно медленнее, пошла в дом.

«Теперь можно провести Ирину, — подумала она. — Это будет естественно, так как дворецкий сообщил мне о ее болезни».

В дверях она столкнулась с выходящим из ее покоев Джимом.

— Ну, что там? — спокойно, как ей показалось, спросила она.

— Ой, плохо, мадам, — грустно покачал головой евнух. — Госпожа ничего не хочет есть. Я ей принес завтрак, но она прогнала меня и даже не дотронулась до еды. Надо позвать доктора.

— Иди! Без тебя разберемся! — строго приказала Мария.

Евнух покорно поклонился и исчез. Мария осторожно постучала в дверь.

— Я тебе сказала, чтобы ты убирался, черная рожа! — слышалось из-за двери.

— Это я, — Мария вошла.

— Павла не видела? — были первые слова Ирины. Она, видимо, немного оправилась от вчерашних побоев и устроилась в кровати полусидя, опершись на подушки.

— Нет, не видела, — Мария подошла поближе. — Почему ты не ешь? Тебе надо беречь силы.

— А... — махнула рукой Ирина и тут же поморщилась от боли. — Достань из тумбочки ветчину. Ты помнишь, я вчера ее туда положила.

— Если бы не Павел, — с трудом откусывая по кусочку, пожаловалась она, — я бы умерла с голоду.

— Это он тебя снабжает?

— А кто же? — усмехнулась она и внезапно насторожилась. — Ты не чувствуешь вони?

Мария принюхалась.

— Как будто пахнет горелым...

— Уже омылился! Павел говорит, что к вечеру он весь растворится. Останется только немного костей. Боже мой! Именно такой смерти я ему желала. Спасибо тебе! Да ты ешь. Хорошая ветчина. У меня был еще сыр, но вчера весь съела, без остатка. — Она замолчала и принюхалась.

— Однако воняет! Ты не чувствовала запаха в коридоре? — тревожно приподнялась она с подушек.

— Вроде нет.

— Такой заморыш, а воняет, как целый конь!

— Что с нами теперь будет?

— Положись на Павла.

— Но его, так или иначе, скоро хватятся.

— Когда его хватятся, нас уже здесь не будет. Там, — она кивнула на дверь, — ничего не говорят?

— Дворецкий сказал, что хозяин уехал вечером, а ты больна.

— Все правильно! — она протянула ей оставшийся кусок ветчины. — Если больше не хочешь, положи, пожалуйста, на место. Эх, только бы встать на ноги!

— Встанешь!

Дверь отворилась и вошел управляющий.

— Ну, как дела? — обратился он к женщинам.

— Все нормально! — ответила Ирина. — Когда ты вернулся?

— Часа два назад. Я еще час просидел в зарослях, ожидая, когда уйдут рабочие.

— Все о'кэй?

— Все!

Мария не понимала, о чем они вели разговор, но не решилась спрашивать. Она теперь видела, что между Павлом и Ириной имеется какая-то прочная связь. «Может быть, Павел ее любовник? — подумала она. — Скорее всего!»

— Дней через пять-шесть мы можем двинуться в путь, — сообщил Павел, теперь уже обращаясь к обеим женщинам. — Жаль, — продол-

жал он, — что это случилось немного раньше, чем следовало. Мне еще надо было кое-что узнать.

— Я, кажется, смогу тебе помочь, — обрадовалась Ирина.

— Ты? Каким образом?

— Я, думаешь, ни о чем не догадывалась?

— Не понимаю?

— Ладно! Потом! Тебе нужна карта?

— Где она? — быстро спросил Павел, строго взглянув на Ирину.

— В сейфе! Но нужны ключи.

— Ключи есть. Они были у него в кармане, но я не знаю кода, а без...

— Я его знаю, — перебила Ирина, — 661209, затем на втором диске — 750862.

— Откуда ты знаешь?

— Я заметила, что ты за ним следишь и иногда роешься в его бумагах. После этого я решила следить тоже.

— Он что, закрывал при тебе сейф?

— Один раз.

— И ты запомнила?! — недоверчиво спросил Павел.

— Нет, конечно! Только первые цифры.

— Так как же?

— Он склеротик и сам не мог запомнить. Поэтому записывал на бумажке и постоянно носил с собой.

— И ты?..

— Ночью вытащила ее, прочла и запомнила.

— Тогда нельзя терять времени. Мария! Ты пойдешь со мной и проследишь, чтобы никто не вошел. Хотя это мало вероятно, но все-таки.

Они прошли в левое крыло здания. Кабинет находился рядом с бывшей библиотекой. В него можно было попасть с центрального входа из большого парадного холла и через библиотеку. Здесь была потайная дверь, имитирующая шкаф. В библиотеку же можно было проникнуть только через веранду, теперь закрытую на ключ. Ключ, к счастью, оказался в одной связке с ключом от кабинета и сейфа.

Коридор был пуст. Павел прошел вперед. Внезапно он остановился и сделал знак Марии. Та замерла. Павел прислушался. Внизу, на парадной лестнице, слышались голоса. Павел быстро подошел к перилам лестницы, наклонился вперед и крикнул:

— Хэм! Где ты пропадаешь? Я ишу тебя уже час.

— Я все время здесь, — слышался ответ дворецкого.

— Послушай, Хэм! Хозяин говорит, что повара воруют продукты. Отправляйся на кухню и проверь. И смотри, чтоб все было точно, до грамма. Постой! Ты, я знаю, будешь возиться там до вечера. Возьми с собой в помощь дармоедов-лакеев и можешь прихватить негров. Потом проследи, чтобы почистили перила и решетки в вестибюле. Они грязные. Смотри! Я проверю!

— Слушаюсь, сэр! — слышался ответ с едва уловимыми нотками неудовольствия.

Павел проследил, как дворецкий направился в правое крыло нижнего этажа, где находилась кухня и слуги, повернулся назад и, увидев Марию, притаившуюся в нише стены, кивнул ей головой. Та сняла туф-

ли и, держа их в руках, тихо прошмыгнула через верхнюю лестничную площадку в левое крыло здания.

Здесь можно было действовать смелее. Слуги появлялись тут только по вызову или в определенные часы уборки да еще, когда прислуживали при трапезах хозяина.

Без приключений они попали в библиотеку, а оттуда — в кабинет. Полуденное солнце ярко освещало большую комнату. Раньше, при Александре, она бывала здесь часто. Мария осмотрелась. Обстановка и расположение мебели совершенно не изменились. Справа, боком к окну, стоял массивный дубовый стол, сзади него, на расстоянии двух метров, — большой стальной сейф. Возле него уже трудился Павел.

— Хорошо, что старикан не поставил себе другой, более современный. Тот открывается только при распознавании узора ладони и пальцев. Этот же, — он открыл дверцу сейфа и, не договорив, удивленно присвистнул. Мария подошла поближе.

— Посмотри, что я нашел, — Павел вытащил из бокового вертикального отсека сейфа продолговатый предмет.

— Что это? — не поняла Мария назначения предмета.

— Это, милая, такая штучка, которая очень больно кусается. Называется она бластер.

Он покрутил его в руках, нажал кнопку и, увидев засветившийся зеленый огонек, удовлетворенно хмыкнул:

— Заряжен полностью! — Он положил бластер на пол и пошарил руками в глубине отсека. Через несколько секунд вытащил оттуда несколько коротких цилиндров.

— Здесь целый арсенал!

— А это что?

— Потом объясню. Надо найти карту.

В сейфе лежала целая гора папок. Павел вытащил их и разложил на столе.

— Давай смотреть!

Карта оказалась в верхней папке. Вернее, это был целый атлас из скрепленных между собой карт. Мария ничего не понимала в картах, она не могла даже сказать, какая местность изображена на них.

— Вот она! — тихо воскликнул Павел, развертывая первую. — Это северо-запад Канады. Так я и знал! — Он показал Марии нанесенные красным карандашом кружки. Отложил эту карту и раскрыл следующую.

— Посмотри другие папки, а я пока позанимаюсь географией. Ага, здесь ничего. Не добрались, сволочи!

— Это важно? — спросила Мария.

— Очень! Каждый кружок — это жизнь многих людей. — Он сложил карты и спрятал их под свитер.

— Что в других? Ты не посмотрела?

— Какие-то списки.

— Дай-ка мне! — он взял у нее бумаги и углубился в чтение. Через несколько секунд он вскрикнул, как будто его кто-то ударил.

— Не может быть!

По-видимому, прочитанное его крайне взволновало, так как он даже опустил в кресло и минут пять сидел молча и неподвижно. Справив-

шись с волнением, он пересмотрел другие папки. Некоторые небрежно откладывал в сторону, содержание других изучал внимательно.

— Вот! Это тебе будет интересно, — протянул он ей красную папку. На папке была сделана аккуратная наклейка, на которой значилось одно-единственное слово: «Александр». В папке на самом верху лежало прошение Александра о регистрации его брака с Марией. К прошению прилагались ее «документы» с указанием номера, вытатуированного на плече, и личное письмо Александра к Генриху. В письме Александр просил Генриха, используя связи, ускорить его, Александра, брак с Марией и усыновление ребенка.

— Уже это письмо делает тебя свободной, — пояснил Павел. — Но теперь ты не сможешь им воспользоваться, так как надо будет объяснить, как оно к тебе попало. А вот еще любопытный документ. Он только подтверждает наши подозрения.

Это был рапорт об исполнении «известной Вам акции». В рапорте указывался регистрационный номер электромобиля Александра. Отмечалось, что владелец электромобиля скончался, не приходя в сознание. В приписке сообщалось, что исполнитель акции ликвидирован. Тут же была бумага, в которой говорилось об аварии полицейской машины и гибели трех полицейских.

— Тройная страховка!

— Не поняла?

— Это я так! Скажу тебе только, что ты с полной уверенностью можешь считать Генриха убийцей твоего мужа. Так что, если тебя мучает совесть, ты можешь быть спокойна. Однако давай приведем все в порядок.

Они сложили папки и положили их на место.

— Если хочешь, возьми этот документ, — он протянул ей прошение Александра о браке. — Но, продолжал он, — ты им не сможешь воспользоваться. Пусть лучше лежит здесь.

Мария кивнула в знак согласия.

Они тихо покинули кабинет, вышли через библиотеку на веранду и вскоре очутились в комнате Ирины.

— Все в порядке! — сообщил он в ответ на немой вопрос Ирины. — Ты только напрасно встала, — упрекнул он ее.

— Мне уже лучше.

— На ночь обязательно прими лекарства. Скоро тебе понадобятся все силы.

— Что вы принесли? — спросила она, косясь на бластер в руках Павла и его оттопыренные карманы.

— Это нам вскоре может сильно пригодиться, пока мы доберемся до своих. Кстати, вот еще что, — он вытащил из кармана два цилиндрика.

— Это тебе, — он протянул один из них Ирине и тут же крикнул: — Осторожно! — когда она положила палец на едва заметный выступ на корпусе цилиндра. — Положи пока и не трогай. Сейчас все объясню.

Ирина послушалась и положила цилиндр на стол.

— А этот, — Павел положил рядом с первым второй, — тебе, Мария. На всякий случай, — пояснил он, — если меня рядом с вами не будет. Эту штучку надо держать в руках так. — Он показал, как надо держать цилиндр. — При нажатии на выступ из этого узкого, почти не-

видимого отверстия выбрасывается струя на пять-шесть метров. Ее надо направить в лицо противника, но если она попадает на другие участки кожи, эффект будет тот же, хотя наступит на пять-шесть секунд позже. Жидкость, вернее, аэрозоль, проникает сквозь кожу почти мгновенно и выводит противника из строя часа на два, а то и три. Сознание теряется сразу же после попадания капелек на кожу. Так что, будьте осторожны!

И еще. Здесь двенадцать зарядов. Каждый выстрел дозируется автоматически. Если надо произвести два выстрела, то следует нажать на выступ дважды. После двенадцатого нажатия цилиндр пуст, и вы можете его выбросить.

Он с усмешкой посмотрел на Марию.

— Во всяком случае, это лучше, чем колотить рукояткой хлыста по голове. Не так противно.

— Хорошо, что ты напомнил, — встрепнулась Ирина. — Может быть, уже пора? — она кивнула на дверь в ванную комнату.

Павел поднялся со стула.

— Пойду посмотрю.

Мария тоже встала.

— Может, я уйду? Мне надо покормить малыша.

— Конечно, конечно. Иди. Я только хочу тебя предупредить, что меня два дня не будет. Вряд ли Генриха хватятся за это время, но, во всяком случае, помните, что вы ничего не знаете, и ждите меня. Эти штучки, — он указал на лежащие на столе цилиндры, — спрячьте. Свой возьми сейчас. — Он протянул один из них Марии. — Применять их только в самом крайнем случае, — строго предупредил он. — И держите их постоянно при себе. И последнее. Если что-нибудь случится такое, что не будет другого выхода, запомните, в западной части парка, справа от статуи Дианы с собаками, в кустах роз есть потайной лаз. Он выводит за ограду. В километре от выхода начинается лес. Там найдете овраг. В овраге две поваленные поперек сосны. Сразу за ними — кусты, переплетенные плющом. Там небольшая пещерка. В ней трехдневный запас еды и воды. — Он замолчал, обдумывая, все ли сказал.

— Я думаю, что до этого не дойдет, — нарушила молчание Ирина.

— Я тоже надеюсь, — ответил Павел. — Но вот еще что, — оживился он, — если будете вынуждены бежать, то брызните из цилиндрика на подошвы обуви. Тогда ни одна собака не возьмет след. — Он облегченно вздохнул, удовлетворенный, что ничего не забыл.

— Теперь иди! — отпустил он Марию.

Павел, как и обещал, вернулся через два дня. К этому времени Ирина уже окончательно встала на ноги. Женщины гуляли в парке вместе с малышом, который спокойно спал в колясочке.

— Вот где вы! — обрадовался Павел.

— Мы ходили смотреть возможные пути отхода, — засмеялась Ирина.

— Нашли?

— Да, там, где ты сказал, справа от Дианы. Как у тебя?

— Отлично! Я успел все сделать. Теперь люди вне опасности. Я уеду снова на пару дней, и, когда вернусь, мы сможем покинуть этот

дом. Мне еще надо договориться о технике переброски вас в безопасное место.

— Как? Разве ты не поедешь с нами? — огорчилась Ирина.

— Я еще не знаю. Это не от меня зависит. Но вы не беспокойтесь! Вас встретят надежные люди и проводят до места назначения. Но скорее всего я смогу быть с вами.

Мария из деликатности отошла от них и свернула в боковую аллею.

Вечером к ней в комнату постучала Ирина.

— Можно я помоюсь в твоей ванной? Я не могу пользоваться своей...

— Конечно, милая!

Она помогла подруге раздеться и разбинтовала ей грудь.

— Болит?

— Если делаю резкие движения. А так уже терпимо.

— Как он тебя разукрасил! — она с ужасом смотрела на иссеченное тело подруги.

— Все-таки мазь помогла. Они уже почти не болят. Вот только жаль — останутся рубцы. Ты мне помоешь голову? Мне трудно поднимать руки.

— Конечно, конечно! — заторопилась Мария.

Часа через два Ирина, уже одетая и причесанная, собиралась уходить, как снаружи, со стороны ворот, раздался пронзительный вой сирены. Они бросились к окну. Ворота были настежь открыты, и через них во двор одна за другой въезжали полицейские машины.

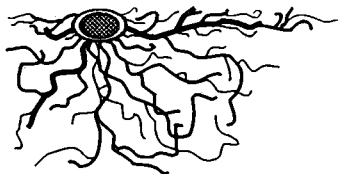
— Павел уехал? — встревожилась Мария.

— Часа три назад, — ответила подруга, наблюдая, как машины подъезжают к крыльцу дома и из них выскакивают полицейские в черных мундирах.

— Я, пожалуй, пойду. Лучше, чтобы нас не застали вместе.

— Иди. Днем встретимся. Если я не найду к тебе, выходи в парк.

Она закрыла за Ириной дверь и прислушалась. Минут через десять в коридоре раздался топот сапог и к ней постучали.

ГЕНЕРАЛ

На пороге стоял офицер в сопровождении двух полицейских.

— Мадам, вас просят поднять-ся наверх, к генералу! — Он отступил, пропуская Марию.

В центральном холле у карточного столика сидел высокий пожилой седовласый мужчина. Судя по расшитой золотом форме, это и был генерал. Мария заметила, что у него большие умные и проницательные глаза. Это ее встревожило. Генерал, это был он, отнес промелькнувшую тревогу к естественному состоянию женщины, поднятой вечером с постели, и поспешил успокоить ее.

— Прошу вас, не волнуйтесь, — сказал он, вставая, — и присядьте здесь, — указал он на стул напротив, который тут же предупредительно пододвинул Марии офицер. — Извините за поздний визит, — продолжал генерал, — но обстоятельства вынудили нас нарушить ваш покой.

Мария села и вопросительно взглянула на генерала. Тот по достоинству оценил сдержанность женщины и улыбнулся, но тотчас же снова стал серьезным.

— Простите, что я вторгаюсь в ваши интимные стороны жизни, но интерес дела требует полной откровенности.

Мария наклонила голову в знак согласия.

— Вы были близки с хозяином этого дома? — полувопросительно продолжал ее собеседник.

— Да, — как можно спокойнее ответила Мария. — Генрих, — она назвала хозяина по имени, тем самым подтверждая догадку генера-

ла, — решил усыновить моего сына.

— Да, я знаю, — подтвердил генерал. — В связи с этим, — продолжал он, — вы кровно заинтересованы помочь нам, так как ваш сын со временем наследует огромное состояние. Если, конечно, Генрих не умрет прежде, чем оформит усыновление.

— Вы сказали, умрет? Что с Генрихом?! — Мария не скрывала своего волнения.

Генерал сочувственно посмотрел на нее.

— Успокойтесь, прошу вас, — он повернулся к стоящему в трех шагах офицеру, — дайте воды!

— Вот так! — он принял стакан от Марии и поставил его на стол. — Генрих жив! И пока ему ничего, надеюсь, не угрожает. Он просто попал в неприятную историю, но, надеюсь, скоро из нее выкарабкается. Я давно знаю его. Мы с ним большие друзья, и скажу вам, что он настоящий боец!

— Я знаю, — неосторожно подала реплику Мария и тотчас поняла, что сказала лишнее.

— Вот как? — удивленно вскинул брови генерал и внимательно посмотрел на Марию.

Та неожиданно для себя покраснела от сознания своей глупости. Генерал вдруг рассмеялся.

— О! Я вижу, ваши отношения зашли далеко! Ну что же. Наконец у старого Генриха будет достойная жена. Я сказал «старый», — поправился он, — в том смысле, что он старый мой товарищ.

— Я это знаю, — снова неожиданно для себя произнесла Мария и еще больше покраснела. Генерал окончательно пришел в хорошее настроение. Он весело подмигнул офицеру:

— Что, крепка старая гвардия, сынок?!

Тот вежливо улыбнулся и наклонил голову.

— Ну, в таком случае я буду с вами откровенен, как можно быть откровенным с женой своего старого друга. Генрих исчез, вернее, его похитили.

Мария сделала резкое движение.

— Кто?!

— Мы это со временем непременно узнаем. Его машину нашли в ста милях отсюда в небольшом леске. На сиденьи была записка с требованием выкупа в пятьсот миллионов кредиток. Деньги должны быть положены в известном месте в течение месяца. Следовательно, месяц Генриху ничего не грозит.

Невольно для себя Мария рассмеялась. Это была естественная реакция, когда страшное напряжение внезапно в результате сообщения генерала оставило ее. Она поняла, что ей и Ирине пока ничего не грозит. Ее смех, как ни странно, еще больше расположил к ней генерала.

— Я согласен с вами, — сказал он. — Генрих стоит больше, и ваша реакция восхищает меня. Я даже завидую своему другу. Но, если серьезно, то сумма очень большая!

Мария окончательно успокоилась.

— Я уверена, что Генрих тотчас же вернет правительству эту сумму. Умоляю вас как можно скорее внести ее.

— Мы это непременно сделаем, мадам, но вначале попытаемся найти способ выручить и его, и деньги.

— Уверяю вас, они меня ничуть не интересуют. Лишь бы был жив Генрих!

— Хорошо, хорошо! — успокоил ее генерал. — Мы не предпримем ничего, что поставило бы под удар вашего мужа. Но мы должны кое-что проверить. Возможно, у похитителей были сообщники здесь, в доме. Где, кстати, управляющий?

— Он уехал сегодня по какому-то ранее отданному поручению.

— Вы не знаете куда?

— Я не интересуюсь делами слуг.

— Конечно... А скажите... эта другая женщина...

— Ирина?

— Да! Ее, кажется, так зовут.

— Видите ли, — Мария опустила глаза, — я не интересуюсь отношениями мужа с другими женщинами. В конце концов, это право мужчин. У моего бывшего мужа, простите, я оговорила, он не успел оформить со мной брак, было много других женщин, но я не ревновала его к ним. Это же вполне естественно. — Она улыбнулась и лукаво посмотрела в лицо генералу.

— Вы просто ангел, — расцвел генерал. — Нет! Положительно Генриху повезло, как везет один раз в жизни! Не правда ли, Рональд?

— Так точно!

— Я прикажу подать кофе, — поднялась со своего стула Мария и хотела позвонить дворецкому.

— Не беспокойтесь, мадам! — генерал тоже поднялся. Он извиняюще развел руками:

— Служба прежде всего! Нам надо пройти в кабинет вашего мужа. Вы не возражаете? — вежливо спросил он.

— Конечно, если этого требуют интересы дела, — ответила Мария.

— Понимаете, в создавшейся ситуации мы должны ознакомиться с документами. Я сомневаюсь, что это нам поможет. Но все-таки... Я здесь раньше не был, поэтому прошу вас проводить меня.

Мария пошла вперед, указывая дорогу, за ней последовали генерал и сопровождающие его офицер и полицейские. Возле массивной двери кабинета Мария остановилась.

— Это здесь.

— А ключи?

Мария сожалеюще развела руками.

— Понимаю, — генерал потрогал ручку двери. — Массивная, — оценил он и со знанием добавил: — Внутри стальная и обшитая дубом.

Он отошел в сторону и кивнул полицейскому. Тот подошел поближе и, подняв бластер, полоснул лучом по замкам.

— Извините, — повернулся генерал к Марии.

Через две минуты полицейские, вскрыв ящики стола, уже рылись в документах, а генерал стоял рядом и задумчиво рассматривал сейф.

— Его тоже! — распорядился он. — Только аккуратно!

— Не в первый раз, — ответил полицейский. Генерал строго взглянул на него и тот поперхнулся.

Вскоре знакомые Марии папки в сафьяновых переплетах лежали на столе, и генерал тщательно изучал их содержимое. Мария увидела в его руках знакомую папку с надписью «Александр». Генерал заметил ее взгляд. Еле заметное облако промелькнуло у него на лице.

— Присядьте, пожалуйста, — он подвинул ей кресло. — Мы скоро освободимся. — Он посмотрел на часы. — Ого! Уже одиннадцать. Вы, наверное, хотите спать?

— Ничего! Я потерплю. Мне вот только надо будет покормить малыша.

— Ох! Простите старого солдата за невниманье. Рональд! — позвал он офицера. — Проводите нашу хозяйку, а затем вернитесь вместе. Мы скоро закончим, — пообещал он Марии. — Вы подпишете протокол вскрытия сейфа и пойдете спать. Еще раз приношу извинения.

Возвращаясь, не доходя до распахнутой двери кабинета, Мария услышала возбужденные голоса.

— Может быть, он взял их с собой? — узнала она голос генерала.

— Почему ты так думаешь? — спросил незнакомый голос.

— Он уехал вооруженным.

— Тогда все гораздо хуже. Они попали к похитителям. И, может быть, не случайно. Значит, это не бандиты. Послушай, Дик, ты все осмотри?

— Мы перерыли все, но их нет нигде. Пропали также списки.

— Как, и списки тоже? Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю!

— Послушай, Дик, — в голосе появились просящие нотки надежды.

— Может быть, он оставил их в своей старой резиденции?

Некоторое время длилось молчание. Генерал обдумывал ответ.

— Что ты по этому поводу думаешь? — нетерпеливо повторил вопрос голос.

— Думаю, что нет! — решительно ответил генерал и пояснил: — Он собирался, насколько я знаю, пожить здесь месяца три. Вряд ли он не взял бы их с собой, учитывая планируемую акцию.

— Ты исключаешь, что здесь?..

— Сейф не тронут, но кто знает... хотя...

— Снимите отпечатки пальцев!

— Уже сделано!

Мария догадалась, что генерал ведет разговор по видеосвязи. Она подошла к двери и заглянула. На телеэкране, который висел на стене, крупным планом было видно изображение мужчины лет пятидесяти. Волевое, с резкими чертами, несколько одутловатое лицо. Она заметила оттянутые мешки под глазами.

Рональд быстро закрыл дверь.

— Нельзя! — строго сказал он и добавил: — Вам лучше отойти.

Мария отошла. Голоса теперь слышались приглушенно. Делая вид, что ее не интересует происходящий разговор, она напрягла слух, но почти ничего не могла разобрать. Рональд же, напротив, с интересом прислушивался, прислонясь к щели, и не сводил глаз при этом с Марии. Та отвернулась и отошла к окну. За окном, на освещенном прожектором, установленным на крыше, дворе возле машин расхаживали полицей-

ские. Мария попыталась их сосчитать. «Не меньше двадцати», — решила она.

— Вас просят зайти, — услышала она голос Рональда и вошла в кабинет. За ней последовал Рональд и плотно закрыл дверь.

Мария не узнала кабинета. Все перерыто. Знакомые ей папки продолжали лежать на столе. Посреди на ковре ворох бумаг, вываленных из ящиков стола. Возле них на корточках сидели полицейские и перебирали одну за другой.

Экран погас и только легкое потрескивание выдавало, что его только что выключили.

Мария изобразила на лице легкое неудовольствие. Заметив это, генерал вежливо выразил сожаление:

— Мы ищем важные документы, — пояснил он. — Кроме того, быть может, мы найдем какую-то зацепку вроде угрожающей записки. Бандиты иногда пишут такие письма.

— Скажите, — он пододвинул Марии кресло, приглашая сесть, — сюда, в кабинет, никто из посторонних не входил?

— Насколько я помню, при мне — нет.

— Следовательно, вы здесь были?

— О! Довольно часто!

— Я имею в виду, при Генрихе?

— Я понимаю вас. Да. И при Генрихе. Генрих любил, чтобы я сидела рядом, когда он работает. Вот здесь, — она указала на низенький диванчик в двух метрах от стола.

— Вот как? Вы видели раньше эти папки?

— Много раз! Иногда я помогала Генриху убирать со стола и клала папки в сейф.

— А что в них, вы знали?

— Зачем мне? — она пожала плечами. — Генрих, правда, давал мне читать один документ.

— Какой? — быстро спросил генерал.

— Письмо Александра, где он просил Генриха ускорить мой брак. Генрих тогда еще меня выругал.

— За что?

— Я была расстроена этим письмом и, помогая ему складывать папки, уронила одну. Да, кажется, ту, в которой было письмо, и рассыпала документы...

— Вы сказали, что были расстроены? Чем?

— Естественно... Я очень любила Александра!

— Генрих знал это?

Мария пожала плечами. Генерал протянул ей несколько листов бумаги.

— Вот протокол вскрытия сейфа и опись изъятых документов. Подпишите здесь, — он указал ей место и протянул ручку.

Мария подписала, не читая.

— Ну вот и все, — заключил генерал, складывая листки и пряча их в карман. — Вы можете идти спать. Еще раз прошу извинения.

Мария была уже в дверях, когда ее окликнули.

— Простите! Я хочу задать еще один вопрос. Вы не видели у Генриха на столе географических карт?

Мария остановилась и «попыталась вспомнить», потом отрицательно покачала головой. Генерал поблагодарил ее поклоном головы, и она вышла.

На лестнице Мария столкнулась с дворецким, которого вели полицейские.

«Они будут проверять мои показания, — с тревогой подумала она, но тут же успокоилась: — Он ничего не сможет опровергнуть».

Она хотела зайти к Ирине, но из осторожности не стала этого делать. «Ирину обязательно вызовут на допрос. Если нас застанут вместе — это вызовет подозрение».

Она пошла к себе, разделась и легла в постель.

Сон не шел. Она мысленно повторила все свои показания. Вроде все выглядело естественно и убедительно. «Евнухи!» — вдруг с тревогой подумала она. «Они не подтвердят моей близости с Генрихом». Она даже вскочила с постели, но тут же успокоилась и легла. «Генрих не имел гарема и евнухов. Сразу же после его приезда их определили на кухню. Они даже не поднимались с тех пор на второй этаж дома. Так что все будет в порядке».

Заворочался в кроватке малыш. Он зачмокал во сне, глубоко вздохнул и повернулся. Она приподнялась и, протянув руку, принялась тихо качать кроватку. Малыш вздохнул еще два раза, что-то пробормотал и затих.

Сон пришел незаметно. Ей снилась река, хотя наяву она никогда ее не видела. По реке скользила лодка. В лодке сидел Том. Он что-то кричал ей, размахивая руками... Потом ей приснился Генрих. Он стоял посреди кабинета. Перед ним на столе стоял гроб. Генрих вколачивал в крышку гроба гвозди. «Тук-тук», — глухо стучал молоток.

Мария проснулась. В дверь кто-то стучал. Она накинула халат и пошла открывать. В дверях стоял уже знакомый Рональд.

— Прошу прощения, — сказал он, стараясь не глядеть на полураздетую женщину. — Генерал, — пояснил он, — просит вас его принять.

— Хорошо. Через двадцать минут я буду готова.

Она закрыла дверь и пошла в ванную.

Через двадцать минут в дверь осторожно постучали. Уже одетая и причесанная, Мария впустила генерала.

Поздоровавшись и извинившись за столь ранний визит, генерал прошел в комнату и склонился над детской кроваткой.

— Так вот он каков, наследник старого Генриха, — с улыбкой сказал он, рассматривая малыша. Тот уже проснулся и пиял свои серые, как у Александра, глаза на незнакомого человека. — Копия Александра! Но есть что-то и от Генриха, — заключил генерал.

— О, какая прелесть! — обратил он внимание на дорогое бриллиантовое кольцо, которое Мария оставила на зеркале. Он взял его в руки и стал рассматривать. — Это Генрих? — спросил он.

Мария хотела было сначала подтвердить, но вовремя спохватилась.

— Нет! Александр!

— Я почему спросил? — генерал положил кольцо на место. — Я, кажется, знаю, у кого оно было куплено. Его купил отец Александра и подарил своей второй жене по случаю рождения сына. Когда был раздел

имущества, то колье, естественно, досталось Александру. У этого колье большая история. Когда-нибудь я вам ее расскажу.

«Он меня ловит на мелочах», — поняла Мария.

— Ну а Генрих? Чем он вас одарил? — шутливо, как бы невзначай, спросил генерал.

Мария развела руками. Генерал рассмеялся.

— Узнаю старого скрягу, — но тут же спохватился. — Он щедр, и щедр по крупному, но в мелочах бывает скуп до смешного. Помню, еще в детстве я как-то одолжил у него десятку, так, верите ли, он не нашел покоя, пока я не вернул долг. При Александре здесь, наверное, было больше слуг?

— Да! Значительно!

— Но заметьте! Александр промотал значительную часть своего состояния, а Генрих увеличил его почти в два раза! Генрих, кроме того, вспыльчив. Вы не заметили?

— Да, когда он меня выругал. Я говорила вам.

— Я помню. И этим все кончилось?

Мария потупилась и неохотно призналась:

— Он дал мне пощечину...

— Ну, вы легко отделались. Генрих, когда разозлится, бывает страшным. Кстати, вы не знаете, за что он так отделал вашу подругу?

Мария пожала плечами.

— Такие вопросы у нас не принято задавать друг другу. Были, наверное, причины.

— А она ничего не говорила?

Мария отрицательно покачала головой.

— Н-да... — задумался генерал. — А все-таки? Может быть, у нее был любовник?

— Вряд ли! Тогда бы ее здесь не оставили... Скорее...

— Что? — быстро спросил генерал.

— Я думаю, что она чем-то не угодила Генриху... Ну, вы понимаете... — Мария покраснела и опустила глаза.

— Так я и думал! — как будто обрадовался генерал. По-видимому, Мария подтвердила его версию.

— Послушайте, — тихо продолжил он, — вы молодая, красивая женщина. Я вас прошу, будьте осторожны с Генрихом. Мне было бы жаль, если... ну, вы понимаете... — он был явно смущен, — словом, я бы не хотел, чтобы вас постигла участь вашей подруги. Еще раз прошу меня простить за то, что вторгаюсь в интимную сферу, но вы — умная женщина и поймете меня.

Он помолчал, дожидаясь ответа, но, не дождавшись, продолжал:

— Дня через два мы уедем. Осталась небольшая формальность. Она займет всего несколько минут... Вы согласны на снятие мнемोगраммы? Я понимаю, — заторопился он, — что это крайне неприятно, но я вам даю гарантию, что все интимные стороны жизни будут тотчас стерты на записи... никто, кроме снимающего ее врача, не будет их видеть...

Мария вся внутренне сжалась. «Мое согласие — это пустая формальность. Никто считаться с ним не будет»...

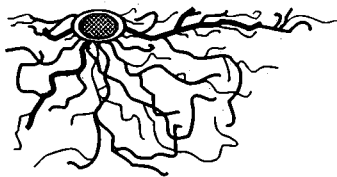
— Что ж, — вслух сказала она. — Хотя это и неприятно, как вы правильно заметили, но если требует дело, то...

— О, благодарю вас, мадам! Повторяю, вы — самая умная женщина! Я вас больше не буду беспокоить.

— Ну почему же? Мне с вами приятно беседовать, — улыбнулась Мария.

— Я буду счастлив! Когда вернется Генрих, мы, я уверен, будем иметь возможность неоднократно видаться.

Он поклонился и вышел.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Что такое мнемограмма, Мария прекрасно знала. В школе им часто показывали мнемографические учебные фильмы. Такие фильмы, объясняла Марта, получают довольно просто и стоят дешево по сравнению с обычными. Эти фильмы демонстрировались на экране, но если в мозг вживлены электроды, то фильм можно передавать непосредственно в мозг человеку, и тогда он сам становится участником событий, показанных в фильме. Все рабочие в школе смотрели такие фильмы во время сна. В фильм можно было записать не только текущие события, но и события большой давности при электростимуляции определенных участков мозга узконаправленным магнитным импульсом.

Подвергнуть себя снятию мнемограммы значило для Марии рассказать о совершенном убийстве, о похищении Павлом карт и оружия... Необходимо действовать немедленно и решительно. Бежать сейчас? Но сейчас утро... От стены до леса широкое открытое пространство... его не пересечь незаметно... Ждать вечера? А что если меня до этого времени возьмут снимать мнемограмму? Тогда все! Постой... обдумай все хорошенько... Генерал говорил, что они здесь будут два дня... Зачем им эти два дня? После снятия мнемограммы... ее, наверное, будут снимать и с Ирины, и со слуг, им здесь делать нечего... Следовательно?.. Да, пожалуй, это единственное объяснение их задержки. У них

нет с собой аппаратуры для снятия мнемोगраммы... это довольно сложная аппаратура, как рассказывала Марта... Они послали за ней или ее им привезут по их вызову... Александр как-то говорил, что он построил эту усадьбу далеко от населенных мест... Но как далеко? Если бы это было близко, то нас всех бы отправили туда... Ясно, что мнемोगрамму будут снимать и у слуг... это человек сорок. Значит, выгоднее привезти сюда аппаратуру и ясно, что везти ее надо издалека. Следовательно, можно подождать до вечера... риск, конечно, есть, но если бежать утром, то риск еще больше...

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, она встретила дворецкого. Она поманила его пальцем. Когда дворецкий подбежал и почтительно поклонился, распорядилась:

— Сегодня обед подадите в большой гостиной. Проследи, чтобы было вино и закуска. Возьми себе в помощь Джима. Он знает, что подать.

— Но госпожа... — нерешительно пробормотал, заикаясь, тот, — хозяин...

— Знаю! — оборвала его на полуслове Мария. — Пока хозяина нет, здесь распоряжаюсь я! И поторопись, иначе... — добавила она жестко, с угрозой в голосе.

— Доброе утро, — ответила она на поклон появившегося на лестнице Рональда. — Вы уже позавтракали?

Рональд слегка скривился.

— Все ясно, — не дала ему ответить Мария. — Прошу меня простить. Я задержалась, как вы знаете, и не успела дать распоряжений. А этот болван, — она пренебрежительно кивнула на дворецкого, который продолжал в нерешительности топтаться на месте, — сам не догадался. Бестолковые пошли слуги, — продолжала она, протягивая руку, которую офицер почтительно поцеловал.

— Совершенно верно, мадам. Если позволите, я могу вам достать очень расторопного дворецкого.

— А что с этим делать? — она посмотрела на дворецкого, как бы раздумывая.

— Проще простого. Если хотите, его сегодня же отправим к конвейеру.

— Хорошо. Я подумаю, — она снова бросила взгляд на побледневшего парня. — Пошел вон!

Тот мгновенно исчез.

— Я вам обещаю, что сегодня же исправлю оплошность и угощу вас вкусным обедом.

— Очень жаль! Я должен ехать и вернуться только к ужину или даже завтра. Скорее всего, завтра. Так что вам придется обедать вдвоем.

— Вы хотите сказать — троим. Вы забыли Ирину.

— Как? Разве Ирина будет обедать с вами? Мне казалось...

— Что?

— Да так... Извините, — он что-то хотел сказать, но не решался. Мария удивленно подняла брови. Рональд оглянулся и виновато, понизив голос, тихо проговорил:

— Генерал вчера грубо обошелся с ней. Я даже подумал...

— Боже мой! Что вы с ней сделали? — возмутилась Мария.

— Успокойтесь! Ровным счетом ничего. Я только приказал запереть ее в комнате и приставил караул.

— Это приказ генерала?

— Нет! Понимаете, я подумал...

— Вы сделали большую ошибку. Боюсь, что Генриху это не понравится. Он даже воспримет это как личное оскорбление. Мне жаль! Зная его характер...

Офицер смутился:

— Я сейчас же исправлю свою ошибку. Ради бога, только не говорите об этом вашему мужу.

— Если Ирина сама об этом не расскажет.

— Но вы попросите ее. Я принесу ей извинения.

— Вряд ли она их сейчас примет. Но если вы вернетесь к ужину, я обещаю примирить вас. Вы далеко едете?

— Да так, миль за пятьсот. Надо привезти кое-что.

— Тогда вы к ужину не успеете.

— Я тоже так думаю.

Они подошли к двери комнаты Ирины, возле которой стоял часовой. Рональд отдал распоряжение, и тот удалился.

— Так я надеюсь...

— Можете не сомневаться. Сейчас идите. Не надо ей показываться.

Рональд удалился, и Мария вошла к Ирине. Опасаясь, что в комнате Ирины установлено подслушивающее устройство, она, предупреждая вопросы подруги, приложила к губам палец.

— Я сейчас собираюсь на прогулку с малышом. Ты не составишь мне компанию?

— Охотно! — делая знак, что поняла ее, ответила Ирина.

Они вышли. Углубляясь в сад, Мария убедилась, что за ними не следят, и тихо спросила:

— Что тебя спрашивали?

— Спрашивали, близка ли ты с Генрихом.

— И ты?

— Сказала, что да.

— Молодец! А еще что?

— Спрашивали, откуда у меня следы побоев. Сволочи!

— Что произошло?

— Они раздели меня!

— Как, совсем?

— Почти.

— Что же ты ответила?

— Ничего.

— Ты правильно сделала. Меня тоже о них спрашивали. — Мария рассказала подробно о разговоре с генералом.

— Что же теперь будет? Надо бежать немедленно!

— Уйдем перед ужином, когда начнет смеркаться. Встретимся в саду. Да, вот еще. Сегодня за обедом ничему не удивляйся и сделай вид, что забыла про вчерашнее. Будь полюбезней с генералом.

Обильный стол, уставленный всевозможными яствами, после жалкого завтрака привел генерала в самое лучшее расположение духа. Ма-

рия сразу же, как только сели за стол, отослала слуг. Генерал понял это как своего рода приглашение к интимному разговору и оживился.

— Откровенно говоря, — пояснила Мария свой поступок, — после всего случившегося я не могу полностью им доверять. Кто знает, может быть, среди них есть пособник бандитов.

— Ничего, скоро мы об этом узнаем! — пообещал генерал.

— Вы имеете в виду мнемограмму? Скорее бы! Вы не представляете, как меня измучила неизвестность. Может быть, мы уже сегодня узнаем, где находится Генрих?

— Я бы только не хотела, — вмешалась в разговор Ирина, — чтобы наши отношения с Генрихом, вы понимаете меня, стали бы предметом обозрения.

— Я уже говорил нашей хозяйке, что в этом отношении вы можете быть полностью спокойны, — заверил генерал и перевел разговор на другую тему. Он стал рассказывать забавные истории из своей жизни. Женщины смеялись. Некоторые истории были действительно смешны, а генерал был чудесным рассказчиком.

— Я уже говорил вам, что начал свою службу морским офицером. Где я только не был. По каким морям не плавал!

— Ох, море, — вдохнула Ирина. — Увидеть его хотя бы краешком глаза.

— Как?! — вскричал генерал. — Вы ни разу не были на берегу моря? И не представляете, что это такое?!

— Ни разу, — печально покачала головой Ирина.

— А вы, мадам? — повернулся он к Марии.

— Я тоже.

— Ну, в таком случае мы это немедленно исправим. Я счастлив, что первый смогу показать вам море! Это ведь всего в десяти милях отсюда.

Ирина вдруг поняла, что сказала лишнее и что из-за нее рушится план их побега.

— Я не могу поехать одна, без Марии, — решительно заявила она.

— О! Я понимаю! Это было бы мм... не совсем... Но я и не предлагаю вам ехать вдвоем со мной. Вы меня неправильно поняли. Я просто хотел вам обоим предложить прогулку на берег моря. К ужину мы вернемся. Кстати, дорога в город идет вдоль побережья, и мы встретим Рональда, который будет возвращаться назад.

— Я не смогу оставить малыша одного, — проговорила Мария, — хотя, признаться, мне бы очень хотелось посмотреть на море! — она решила сказать так, чтобы не вызвать подозрение генерала своим категоричным отказом.

— А мы возьмем его с собой! Чтобы вырасти настоящим мужчиной, он должен увидеть море с младенческого возраста! В нашей семье есть такое поверье. Меня, например, искупали в соленой воде, когда мне было всего три месяца. И, как видите, я, несмотря на свои пятьдесят пять лет, еще могу дать сто очков вперед любому юнцу!

Выпитое вино разгорячило генерала. Он вскочил и заговорил возбужденно:

— Нет! Нет! Никаких отговорок! Мы едем немедленно! Я вам обещаю неповторимое зрелище!

— Но что подумает Генрих, когда узнает? — попыталась Мария ухватиться за последнюю соломинку.

— Что он может подумать в отношении старого товарища?

— Вы же знаете его характер!

— А мы ему ничего не скажем! — в его голосе появились игривые нотки.

— Он узнает все равно. Например, от ваших же подчиненных.

— Мои подчиненные не болтливы, а потом, я не обязан перед ними отчитываться, куда и зачем я еду, — обиделся генерал.

Мария переглянулась с Ириной. Та ее поняла.

— Ну хорошо, — решила Мария, протягивая генералу руку. Тот с удовольствием ее поцеловал.

— Все равно, — сказал он, помогая Марии подняться со стула, — до вечера нам нечего делать. Пусть это будет маленьким развлечением.

— Мы, затворницы, не привыкли к развлечениям, — печально пожаловалась Мария, опираясь на предложенную ей руку. — Генрих слишком суров и, я бы сказала, невнимателен. — Она посмотрела на генерала задумчивым и обещающим взглядом.

— Мадам! — галантно произнес генерал. — Если вы разрешите, то до возвращения Генриха я буду навещать вас, если, конечно, позволят дела.

— Ох, это было бы просто чудесно! — в тон ему ответила Мария.

— А когда придет Рональд? — поинтересовалась Ирина.

— Ах, Рональд! — генерал заговорщицки подмигнул Марии. — Мой племянник придет вечером.

— Как? Рональд — ваш племянник? — удивилась Мария.

— Да, и в будущем — преемник моего дела! — гордо сообщил генерал. — Мальчик подает большие надежды. Это сын моей горячо любимой сестры, — пояснил он. — Знаете! Как бы ни окончилось дело о похищении Генриха, я вам обещаю свое покровительство. Учтите, я могу многое и пользуюсь влиянием.

Выпитое вино явно давало о себе знать.

Мария улыбнулась и легонько прижала к себе его руку, которой он продолжал ее поддерживать.

Договорились, что через час они выйдут на крыльцо. Он будет ждать их в автомобиле.

Генерал вел машину на небольшой скорости. Мария сидела рядом с ним. На заднем сиденье расположилась Ирина с малышом.

Дорога вилась узким серпантином все выше и выше в горы. Справа поднималась отвесная стена, слева зияла черным провалом пропасть. Они миновали подвесной мост.

На небольшой площадке генерал остановил машину и помог женщинам выйти. Перед глазами простиралась величественная панорама гор, пересеченных ущельями.

— Как здесь прекрасно! — вырвалось у Марии.

Генерал подошел и стал рядом. Мария почувствовала, как он коснулся ее руки, лежащей на перилах небольшого барьера, ограждающего площадку от провала. Она вздрогнула, но не отняла руки, только покосилась на стоящую неподалеку Ирину.

Некоторое время они стояли молча.

— Как жаль, что мне придется скоро уехать, — голос генерала звучал хрипло. Мария почувствовала, как дрожит его рука.

— Мне тоже... — почти шепотом призналась она и тут же почувствовала, как рука генерала легла поверх ее кисти и тихо сжала ее. Она подождала минуту, медленно, как бы нехотя, высвободила свою руку и задумчиво пошла к машине. Генерал поспешил за ней.

— Вы женаты? — тихо спросила Мария.

— Увы! Моя жена умерла три года назад при родах, оставив мне двух маленьких детей: мальчика и девочку.

— Бедные крошки, — пожалела Мария. — У вас больше нет детей, я имею в виду взрослых?

— Нет. Я женился поздно. А вы любите детей?

— Станный вопрос. Я же женщина!

— Да, своих, а если...

— Тс-с... поговорим потом, — предупредила Мария, заметив приближающуюся к ним Ирину.

Теперь дорога шла вниз. Вскоре за поворотом блеснула в лучах уже склоняющегося к горизонту солнца гладкая поверхность океана.

Генерал затормозил и остановил машину. Некоторое время они сидели молча, не выходя из машины любовались открывшимся величественным зрелищем. Несмотря на большое расстояние, а может быть, именно благодаря ему, казалось, что поверхность океана дышит. Возможно, это была иллюзия, обман зрения, а может быть, он действительно дышал, и каждое дыхание его доходило до них легким порывом ветра.

— Он как живой! — воскликнула Ирина.

— А он и есть живой, — повернул голову к ней генерал. — Океан — это колыбель жизни и ее хранитель. Мы дышим кислородом, который он вырабатывает, пьем его воду, приходящую к нам в виде дождей. Если бы не он, то жизнь на Земле прекратилась бы. Лет двести назад он был, что называется, при последнем издыхании, загрязненный, отравленный, истощенный и, я бы сказал, оскорбленный. Если бы не мы, я имею в виду нашу партию, которая двести лет назад пришла к власти, то этот Великий Старец — отец и кормилец всего живого — погиб бы, задохнувшись в отбросах цивилизации.

— А в нем можно купаться? — спросила Мария.

— Конечно, конечно!

— Тогда давайте спустимся к побережью.

Дорога теперь выбежала на прибрежную равнину. Это была широкая бетонированная полоса, которая шла вдоль побережья с юга на север континента. Они проехали еще немного, и генерал направил машину на узкий, едва заметный съезд в сторону берега. Берег представлял собой широкую бухту, окаймленную с двух сторон красноватого цвета скалами, кое-где поросшими сосняком. Вдали, за пределами бухты, маячило какое-то судно.

— Рыбаки, — предположил генерал, опуская бинокль.

— Я обязательно должна искупаться! — воскликнула Мария. Она сбросила платье и осталась в узкой полоске бикини. Генерал не мог скрыть своего восхищения. Он не отрывал жадного взгляда от фигуры

женщины, но вдруг его лицо вытянулось от удивления. Мария вздрогнула. Как она могла забыть! Рука невольно потянулась к рубцу на левом плече, нанесенному хлыстом Генриха. Она беспомощно посмотрела на генерала, но тот опустил голову и вдруг со злостью пнул валявшийся рядом кусок плавника.

К Марии подошла Ирина.

— Ты заметила? — тихо прошептала Мария.

Та утвердительно кивнула головой.

— Следи за нами внимательно. Когда я начну чесать правый глаз, стреляй ему в затылок. Цилиндр при тебе?

— Я его спрятала в пеленках. Но что мы потом будем делать? Как доберемся до убежища?

— Не знаю. Но у нас не будет другого выхода.

Вода оказалась ужасно холодной. Мария зашла по колена. Набежавшая волна сбила ее с ног и, отхлынув, потащила с собой на глубину. Мария в страхе вскрикнула.

Генерал, как был в мундире, бросился в воду и, подхватив на руки перепуганную женщину, вытащил ее на берег.

— Я же предупреждал вас, чтобы вы были осторожны, — упрекнул он ее, все еще продолжая держать на руках, хотя уже отошел от берега шагов на десять.

— Опустите, я тяжелая, — прошептала Мария. Ее голова покоилась у него на плече, а губы касались его щеки. Она почувствовала, как легкая дрожь бежит по телу держащего ее мужчины.

Он донес ее почти до машины и осторожно опустил на землю. Затем открыл багажник и вытащил сумку. Порывшись в ней, достал мохнатую простыню.

— Я предполагал, что вы захотите искупаться, — объяснил он, протягивая простыню Марии.

— Бррр! Как холодно, — пожаловалась она.

— Сейчас, сейчас, — заторопился генерал. — Сейчас будет теплее. Он принялся собирать сухой плавник. Через десять минут на берегу пылал костер.

Генерал сидел возле костра на корточках, нанизывая на прутики ломтики ветчины. Мундир его еще не просох, брюки сморщились поперечными складками. От кителя шел легкий пар.

— Да вы снимите хотя бы китель, — посоветовала Мария. Она уже высохла и, сбросив простыню, надевала платье.

Генерал снял китель. Под кителем была белая, не совсем свежая нижняя рубашка и широкие подтяжки.

— Положите его сюда, — Мария тронула рукой нагретую солнцем крышу электромобиля. — Здесь высохнет скорее.

— Вы меня извините за мой вид, — смущенно попросил генерал, следуя ее совету.

— Какая чепуха, — засмеялась Мария. — Вы такой мне больше нравитесь. В вас есть что-то домашнее, уютное. Однако, как вкусно пахнет! — она с наслаждением втянула носом воздух. — Я страшно проголодалась. Как это вы догадались?

— Опыт, сударыня, старого солдата, привыкшего больше спать у костра, чем в постели.

— Ну вы уж не такой старый. Вы ведь значительно моложе Генриха.

— Прошу вас! — генерал протянул ей прутик с поджаренной ветчиной, подавая такой же Ирине.

— Ну как? — осведомился он, наблюдая, как женщины едят его угощение.

— Умм, — утвердительно кивая головой, промычала Мария. Она сделала усилие и, проглотив кусок, отдышавшись, сказала:

— Я еще ничего не ела более вкусно.

Генерал расцвел в улыбке.

Заметно вечерело, но их спутник не торопился в обратную дорогу. Мария успела покормить ребенка и снова отдала его Ирине.

В заходящих лучах солнца океан показался ей еще прекраснее. От маячившего вдали судна отделилась точка и поплыла к берегу. Она передвигалась медленно, то появляясь, то скрываясь среди волн. Вскоре она скрылась за выступом скал.

Генерал сидел у костра и о чем-то думал. Мария, неслышно ступая по песку, пошла вдоль берега. Она отошла уже на значительное расстояние, когда услышала сзади себя хруст и шуршание мелкой гальки под сапогами идущего за ней спутника.

Генерал нагнал ее и пошел рядом. Долгое время он молчал, не решаясь начать разговор.

Мария вскрикнула, теряя равновесие. Ее нога попала в расщелину между двумя камнями. Тотчас же сильные мужские руки подхватили ее. Ее грудь оказалась прижатой к груди мужчины. Это длилось несколько дольше, чем требовала необходимость. Мария осторожно высвободилась, сделала шаг, но тут же скривила лицо.

— Давайте сядем здесь, — предложил генерал. — Я осмотрю вашу ногу.

— Ах, пустяки. Сейчас пройдет, я только немного отдохну, — ответила Мария, садясь рядом с ним на большой плоский камень.

— Я хотел бы с вами поговорить, — начал генерал, беря ее руку в свою.

— Говорите. Я вас слушаю, — улыбнулась она, не забирая руки.

— Вы сказали, что я значительно моложе Генриха.

— Да. Во всяком случае, вы так выглядите.

— Генрих вел ненормальный образ жизни и скоро истощил себя. Не спорьте! — предупредил он возможные возражения с ее стороны. — Я-то знаю...

Мария решила рискнуть.

— Я не могу об этом судить, — и пояснила: — Я обманула вас, я не была близка с Генрихом, — сказала она и вся замерла.

— Правда? — обрадованно вскричал генерал.

— Да, это так. Хотя не исчезни он тогда, меня бы это не миновало.

— Прекрасно! Это просто замечательно!

— Что же это меняет? Он вернется, и то, что должно быть, — совершится...

— А если он не вернется?

Мария промолчала. Генерал заговорил порывисто и горячо:

— Вы представляете, какая судьба ждет вас, если вернется Генрих? Вам мало примера Ирины? Да и у вас, простите меня великодушно, я заметил...

— Что же я могу сделать. Я бессильна что-то изменить. Видно, такова моя судьба.

— Свою судьбу человек делает сам. Послушайте меня! Вы сможете стать очень богатой. Генрих один из богатейших людей на нашей планете. Я тоже богат, но мне далеко до него. Вы сможете все это наследовать, если он не вернется совсем. Но вам нужна помощь близкого друга.

— Где же мне его найти? Я никого не знаю.

— Он перед вами. Вы умная женщина. Я не буду, подобно сопливному мальчишке, уверять вас в своей любви. Хотя, должен вам сказать, всю жизнь мечтал о такой женщине. Но повторяю, вы слишком умны, и я буду с вами говорить по-деловому. Вы должны выйти за меня замуж. Мы объединим наши состояния, и наши дети будут самыми богатыми и могущественными людьми на земле.

— Но Генрих?

— Он не вернется. Поскольку это зависит от меня, я сделаю так, что на условном месте требуемых денег не будет. Если же его не убьют и выпустят, что невероятно, то я позабочусь, чтобы он исчез снова. Хотя не думаю, что его выпустят без денег. Я вообще удивляюсь, как его не убили сразу. Ни один человек на земле не вызывает у людей, особенно у них, похитивших его, такой ненависти, как Генрих. Вы не знаете, но именно Генрих убил вашего мужа, и я представляю вам доказательства.

— Вот как?.. Да-а... — Наступила пауза. — Допустим, я дам вам свое согласие, но как вы добьетесь признания меня наследницей Генриха? Ведь он еще не оформил ни усыновления моего сына, ни брака со мной.

— У нас есть подписанное им прошение об усыновлении. От меня зависит признание этого факта и узаконение его. Если ваш сын является наследником, то вы будете распоряжаться его имуществом до его совершеннолетия. Император благоволит мне, мы с ним почти друзья и называем друг друга по имени. Я — когда мы наедине, а он — постоянно.

— Дик?

— Вы слышали?

— Случайно.

— Ну вот видите.

— Но я слышала и другое. Извините, Дик, — она ласково провела рукою по его лицу. Генерал поймал руку и покрыв ее поцелуями.

— Так вы согласны?

— Подождите. Я говорила вам, что слышала и другое. Похищены документы. Вы не сможете прекратить поиски Генриха. У вас долг перед государством. Все, что вы говорите, — мечты, но, увы, несбыточные. Император вас заставит найти документы и найти Генриха!

— Плевал я на документы и императора! Как он может меня заставить, если вся полиция в моих руках. Да он сам от меня зависит еще

больше, чем я от него. Вы ничего не знаете. Заговор следует за заговором. И если бы не я и мои ребята, то император давно бы гнил в отхожей яме.

— Что, положение настолько серьезно?

— Еще бы. Недовольство везде. И в среднем классе, и среди аристократии. Кроме того, есть радикальные подпольные группы. Их отряды скрываются в недоступных, малонаселенных местах. Кстати, Генрих, этот величайший мастер провокаций, имел свою сеть агентов и провокаторов, которым удалось проникнуть к радикалам, или Движение сопротивления, как они себя называют. Мы ищем как раз карту, на которую он нанес их поселения и списки его агентов. Но, по-видимому, они утрачены и попали в руки его похитителей.

— Чего они хотят?

— У них нет четкой программы. Вообще, это жалкие кучки бунтовщиков. Опасности особой не представляют. Они хотят отмены законов о селекции. Для этого делают набеги на питомники и похищают детей. Большую опасность представляют различные группы среди самой аристократии. Есть опасность усиления их влияния в армии.

— Так что же вы собираетесь предпринять в отношении нас с вами?

— Так вы согласны?

— Я жду вашего ответа.

— Я только сделаю вид, что занимаюсь поисками Генриха и документов. У меня есть надежные люди, преданные лично мне, которые проследят, чтобы он никогда не вернулся.

Мария задумалась. «Что делать? Привести в исполнение свой план? Бежать... Куда?»

Заведя легкий флирт с генералом, она не предполагала, что он заведет так далеко. Еще несколько дней назад она смирилась с мыслью, что будет принадлежать Генриху. Сейчас одно только воспоминание об этом вызывало отвращение и ужас. Генерал, во всяком случае, не был ей настолько противен, чтобы бежать без оглядки, подвергая свою жизнь и, главное, жизнь сына смертельной опасности. Она мало верила в любовь генерала. В обществе, в котором она жила, красивая женщина не редкость. Были бы деньги. Другое дело — наследство Генриха, как она теперь понимала — огромное. Оно может быть гарантией как искренности ее собеседника, так и относительной независимости ее самой.

— Могу ли я по закону быть опекуном своего сына? — спросила она.

— Конечно. У нас есть письмо вашего первого мужа, которое фактически делает вас свободной. При желании и связях это легко сделать.

Мария услышала сзади легкий шорох. «Ирина», — догадалась она. Предстояло решаться.

— А если император не согласится?

— Что ж! Тогда у нас будет другой император, — зло рассмеялся генерал. — Я располагаю такими возможностями.

— Это вам было лучше сказать мне завтра.

— Почему?

— Мнемोगрамма! Сегодня вечером наш разговор ляжет на пленку. Я, насколько понимаю, не смогу его скрыть.

— Я тоже, — слышался сзади спокойный голос Ирины.

Генерал резко вскочил и вперил взгляд в стоящую сзади женщину.

— Я одобряю ваш план, — миролюбиво произнесла Ирина. — Можете мне поверить, я не питаю добрых чувств к Генриху, а вашу вчерашнюю бестактность готова забыть. В общем, нет никаких причин для волнения, разве что в ваших же интересах избежать мнемогаммы.

— Вы это серьезно? — почти спокойным голосом спросил генерал.

— Вполне, — так же спокойно ответила Ирина. Если бы не густые сумерки, то можно было бы заметить на ее лице улыбку.

— А вы согласны? — он повернулся к Марии.

— Согласна!

— Тогда все в порядке. Мы можем ехать домой. Я очень рад!

Принимая на пороге дома у Ирины ребенка, Мария шепнула:

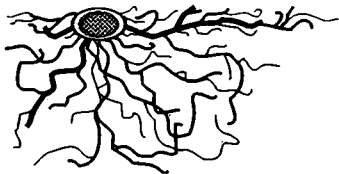
— Немедленно уходи в убежище.

Та тихо пожала ей руку.

— Где ваша подруга? — спросил Марию за завтраком генерал.

— Она уехала, и ее не следует искать, — спокойно ответила Мария.

— Вы очень умная женщина! Я рад, что вас встретил, — тихо, чтобы не слышал Рональд, проговорил генерал, почтительно целуя ей руку.

ИРИНА

Ирина подождала, пока генерал и Мария войдут в дом, и тихонько сошла с крыльца. Стоящий у парадного входа часовой не обратил на нее внимания. Она не спеша обошла цветочную клумбу, постояла возле нее и, уловив момент, когда часовой повернулся к ней спиной, незаметно углубилась в боковую аллею парка. Зайдя за куст, она сняла туфли и обрызгала, как учил ее Павел, их подошвы из цилиндра. (Передавая ребенка Марии, она незаметно вытащила его из складок одеяла и спрятала в рукаве).

Центральные аллеи парка были ярко освещены фонарями. В боковых свет рассеивался. Прячась в тени развесистых деревьев, она быстро миновала центральную часть парка и вышла к озеру. Здесь фонари не горели, и можно было идти смело. Вскоре перед ней забелела мраморная фигура Дианы. Лаз обнаружился не сразу. Она вся исцарапалась о шипы роз, пока нашла его. Вход был прикрыт сухими ветками. Разобрав их, она обнаружила уходящую в землю почти вертикально дыру и осторожно спустилась в нее. Дыра была глубокая. Когда она достигла дна, ее голова едва выглядывала на поверхность. Ирина, как могла, сгребла ветки и закрыла отверстие. Присев на корточки, нащарила руками идущий под углом вниз подземный ход. Он был узкий, и приходилось ползти. Ход шел под уклон, затем выровнялся и стал немного шире. Теперь можно сесть и передохнуть. Сев, она оперлась руками о землю и почув-

ствовала, что ее правая рука задела что-то гладкое. Протянув дальше руку, она обнаружила небольшой пластиковый мешок. В мешке лежали фонарик и небольшой пакет. Она разорвала его и понюхала. Это был хлеб и кусок сырокопченой колбасы.

«Не догадался оставить нож или порезать», — весело упрекнула она Павла, отгрызая твердую колбасу. Хлеб еще не успел зачерстветь. Ирина еще раз запустила руку в мешок и нашла там флягу с водой.

Подкрепившись и выпив воды, она зажгла фонарик и осмотрелась. Над головой настлана широкая бетонная плита. Очевидно, сейчас она находилась непосредственно под стеной ограды. Потушив фонарь, она поползла дальше.

Продвинувшись еще метров на десять, Ирина обнаружила, что ход пошел вверх. Вскоре показался вертикальный выход. Она встала во весь рост, и голова ее уперлась в набросанные сверху сучья. Осторожно сдвинув их, она выглянула. Было абсолютно темно, так же, как и в самой яме. И вдруг Ирина с ужасом поняла, что не сможет выбраться на поверхность. Когда она, зацепившись руками, попыталась подтянуться, острая боль пронзила ее грудную клетку. Она совершенно забыла о сломанных ребрах. Передохнув и дождавшись, когда боль утихнет, повторила свою попытку и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, в яме было уже светло. Наверху, сквозь ветки кустарника, проглядывало чистое голубое небо. Ирина прислушалась. Ей показалось, что она слышит голоса. Действительно, минут через пять она услышала шаги. Шли двое и о чем-то оживленно беседовали. Затем раздался смех. Шаги и голоса вскоре затихли. Ирина поняла, что выход из ее убежища, вернее, теперь — ловушки, находится в кустах недалеко от дороги.

Она уселась поудобней и стала обдумывать свое положение. Вернуться назад? Нет, ни в коем случае. Во-первых, входная яма еще глубже. Во-вторых, трудно представить, что будет «во-вторых». Чем закончится умственный поединок Марии с генералом? Победит ли женщина или служебное рвение мужчины? Она прекрасно понимала, что ее свобода является гарантией не только жизни их двоих, но и, наверное, чего-то большего. Ирина давно присматривалась к Павлу и поняла, что тот связан с какой-то тайной организацией. Какие цели преследует эта организация — она не знала. Ей было достаточно, что организация враждебна Генриху и таким, как он. Ее захлестнула волна ненависти. Мысли вернулись к недалекому прошлому. «Почти два года!» Но эти два года растягивались в ее сознании на всю прожитую жизнь. Безмятежная, как теперь казалось, жизнь в школе была далека и представлялась в ее памяти маленьким незначительным отрезком времени. Все занимал болезненный туман недавних страданий и унижений.

Генрих избил ее в первую же ночь. Избил не потому, что она чем-то ему не угодила. Она безропотно выполняла все его прихоти, борясь с тошнотой и отвращением. Нет. Он избил ее потому, что сам ничего не мог. Сначала он ее кусал, затем начал бить. Последующие ночи, проведенные вместе, мало чем отличались от первой. Каждый раз, идя по его зову в спальню, Ирина чувствовала, наверное, то же самое, что чувствует арестованный, идя на допрос к следователю, зная, что его подвергнут пыткам.

Только один раз в течение целого месяца она получила передышку. В доме появилась новая девушка. Но она скоро исчезла. Вероятно, оказалась менее терпеливой, чем Ирина.

Потом открылся Павел. Он был и раньше, но она с ним совершенно не общалась. Как-то раз Павел встретил ее в коридоре и, ни слова не говоря, сунул ей в руки небольшой сверток. Закрывшись в комнате, Ирина открыла его. В свертке оказался кусок сыра.

За первой передачей последовали другие. Только благодаря им она смогла выжить. Генрих буквально всех морил голодом. Он был патологически скуп и вечно ворчал по поводу больших расходов на питание. Когда Ирина, получая от Павла регулярные передачи, стала меньше есть за обедом, Генрих заметил это и даже на время подобрел. Он целую неделю рассказывал ей про спартанцев, о том, как их с детства приучали переносить лишения и какими они, благодаря этому, были сильными, выносливыми и храбрыми.

Между Ириной и Павлом завязалась дружба. Иногда им удавалось поговорить. О том, чтобы эта дружба переросла во что-то другое, Ирина никогда не думала. Если раньше, в школе, ей часто, что скрывать, приходило желание принадлежать мужчине, то сейчас одна мысль об этом вызывала отвращение. Случись тогда Павлу сделать малейшую попытку к сближению, она бы возненавидела его так же, как ненавидела своего мучителя. Павел, по-видимому, это понимал.

Павел... Ирина вспомнила, как он однажды принес ей кулек апельсин. Это было как раз перед обедом. Ирина не удержалась и съела сразу два. За обедом Генрих стал подозрительно прищуриваться. Боясь, что он обнаружит источник запаха, Ирина набрала полную ложку укропа, который подавался к бульону, и тщательно его разжевала. С тех пор она стала осторожнее и после нелегальной еды тщательно чистила зубы и полоскала рот.

Захотелось пить. Она сунула руку в мешок и обмерла. Фляга оказалась пуста. На дне мешка размок кусок хлеба. Она съела его. Стало легче, но через час снова захотелось пить. Солнце стояло высоко, и в яме совсем посветлело. Снова послышались голоса.

«Может быть, позвать на помощь? А если меня выдадут? Скорее всего. Нет, надо попытаться самой». А пока решила поспать и действительно заснула. Когда проснулась, уже смеркалось. Прислушалась. Тихо. Встав во весь рост, она, дотянувшись до сухих веток, сбросила их на дно ямы. Затем, вооружившись отломанным суком, стала разрывать края и сбрасывать землю под ноги. По мере того как края расширялись, яма становилась мельче. Вот уже на поверхности показались плечи... Было уже совсем темно, когда она выбралась на поверхность.

Яма оказалась в центре небольшой прогалины среди высоких и густых кустов. Можно встать в полный рост и оставаться скрытой.

Она попыталась сориентироваться. Где-то поблизости должна быть стена. В противоположном направлении лес...

Раздвинув кусты, она выглянула наружу. Стена высилась справа от нее.

Она пошла в противоположном направлении и, пройдя через густые заросли, очутилась на дороге. Дальше шло поле, а вдали на фоне неба виднелись верхушки деревьев. То был лес.

— Эй! Ты что здесь делаешь? — услышала она справа от себя. В лицо ей ударил свет фонарика. Она бросилась бежать, но ее быстро догнали и схватили за руку.

— Постой! Куда! — догнавший сильно дернул ее за руку и повернул лицом к себе. Это был парень лет двадцати трех. Он осветил ее лицо фонариком.

— Ого! Какая ляля! — с удовлетворением в голосе произнес он. — И куда же мы так поздно идем?

— Пустите меня! — с отчаянием крикнула Ирина.

— Так сразу? — в его голосе была насмешка. — Ну уж нет! Не всегда приходит такая удача!

Ирина сделала попытку вырваться.

— Тихо! Не трепыхайся. — Парень еще раз дернул ее за руку, причиняя нестерпимую боль в сломанных ребрах.

— Прежде всего, скажи, откуда ты взялась? — продолжал он, оценивающим взглядом рассматривая ее лицо и фигуру. — Молчишь? Ну что же, я сам это узнаю.

Он схватил ее другой рукой за ворот платья и, дернув, обнажил левое плечо.

— Ну так я и знал, — торжествуя произнес он, освещая фонариком вытатуированный номер.

— Давно сбежала? Молчишь? Ладно. Это легко выяснить. Он дернул ее еще раз за руку и потащил за собой.

— Ты, видно, дорого стоишь? — поинтересовался он. — Я знаю, что за некоторых таких вот дают больше денег, чем стоит целая ферма.

— Вы фермер? — тихо спросила Ирина.

— Ну да, — подтвердил парень, несколько ослабляя хватку, и добавил: — Пойдешь сама или тащить?

— Куда вы меня ведете?

— Ясно куда. В усадьбу. Там сейчас как раз полиция, — пояснил он.

— Зачем?

— Чудачка, — он засмеялся. — Знаешь, сколько мне за тебя отвалит? Целых три сотни! А то и больше.

— Это разве много?

— Дура! Ты видно никогда не работала. Попробуй заработать, особенно теперь...

— Отпустите меня.

— Ищи дураков! Да ты сама, цыпочка, напрасно это. Будешь снова в тепле, сытая... зря ты убежала.

Он остановился и, воровато оглянувшись по сторонам, потянул ее к кустам.

— Зайдем сначала сюда...

Ирина рванулась и, не помня себя, закричала.

— Цыц, дура! — парень размахнулся и отвесил ей пощечину. — Ишь, какая недотрога. — Он ударил ее еще раз и швырнул на землю среди кустов.

— Тебе что? В первый раз, что ли? — он надавил ей на живот коленом и резким движением задрал платье.

— Пусти... я сама... — задыхаясь от тяжести прохрипела Ирина.

— Вот так-то будет лучше, дурочка, — он приподнялся и стал расстегивать брючный ремень.

Когда он снова наклонился над ней, в лицо ему брызнула струя из цилиндра. Ирина вскочила и, не помня себя, раз за разом нажимала на выступ баллона, брызжа из него струей в удивленно раскрытые глаза и рот, пока баллон не опустел. Она отбросила его в кусты и отдышалась.

Когда дыхание ее выровнялось, замерла, прислушалась. Вокруг тихо. Она наклонилась над лежащим парнем, взяла его за ноги и оттащила подальше в кусты. Затем пошарила у него в карманах и нашла то, что искала, — большой складной нож. Она с трудом открыла лезвие и потрогала. Лезвие было остро отточено. Она подумала, не связать ли насильнику руки и ноги его же ремнем и забить кляпом рот, чтобы он не смог поднять тревоги, но, наклонившись снова над ним, поняла, что тот мертв.

Она не помнила, как добралась до опушки леса. Следуя указаниям Павла, нашла овраг и стала им пробираться. Внезапно из-за дерева показался силуэт человека. Ирина напряглась, сжимая в руках нож.

— Это я, — послышался громкий голос. Ноги у нее подкосились, и она упала. Павел, это был он, едва успел подхватить ее, не давая удариться головой о выступающие из земли толстые корни деревьев.

Через минуту она пришла в себя и попыталась подняться, но Павел удержал ее:

— Полежи еще немного.

— У тебя нет воды?

— Сейчас принесу, — он осторожно положил ее голову на мох и скрылся в темноте. Вернулся через

минуту и, поддерживая рукой ей голову, дал напиток. Ирина осушила почти половину фляги. Павел молча наблюдал за ней, не задавая никаких вопросов.

— Вот теперь я что-нибудь поела бы...

— Если ты можешь двигаться, то здесь рядом. Ты почти дошла до пещеры, — пояснил он.

Небольшая пещера, вернее, ниша, была вырыта в склоне оврага и тщательно замаскирована ветками и плющом. В пещере Павел зажег фонарь, достал из мешка провизию. Пока она ела, он так же молча рассматривал ее и только после того, как она насытилась, стал задавать вопросы.

— Почему ты одна? — был его первый вопрос. — Где Мария?

Ирина рассказала Павлу о событиях последних дней и о своих злоключениях. Павел молча слушал, не торопил, только иногда его нетерпеливые движения свидетельствовали о том, что он крайне заинтересован рассказом.

— Ты сможешь идти? — спросил он, когда Ирина закончила свой рассказ. — Здесь оставаться небезопасно. Утром обнаружат труп того парня, и все фермеры в окрестности поднимутся разыскивать убийцу.

— Попробую. Мне только страшно холодно. Я ушла, как была, в легком платье. Вдобавок, оно все порвано.

— На, натяни мой свитер, — он стянул через голову свитер и остался в легкой рубашке. Ирина надела его и вскоре согрелась.

— Я могу уже идти, — сказала она, вставая.

— Здесь, в трех километрах, живет мой знакомый фермер. Я ему хорошо плачу, но надо успеть туда, пока до него не дошла весть об убийстве парня. В этом отношении они между собой очень солидарны.

— Но я же только защищалась!

— Видишь ли... насилие над такой женщиной среди них не считается преступлением. Раз у тебя номер на плече — ты уже не человек. Во всех других отношениях они славные люди. Ты пойми — это не их вина. Прошло уже почти двести лет, как установлен этот режим... Если они узнают, что ты убила одного из них, то поднимется вся округа. Они будут рыскать вокруг и не успокоятся, пока тебя не поймают и не повесят.

— Что же делать?

— Мы должны успеть до рассвета подойти к ферме моего знакомого. Ты спрячешься в придорожной канаве, а я пойду к хозяину фермы и возьму у него машину. Я уже раньше не раз это делал, щедро платя каждый раз. Взяв машину, я выеду на дорогу и подберу тебя. Часа через три-четыре мы будем в безопасности.

Они выбрались из оврага и пошли по узкой тропинке. Павел шел впереди, светя фонариком. Ирина — сзади, стараясь не отставать.

— Ты его хорошо спрятала?

— Я его чуть оттащила от дороги. Но там мелкий кустарник. У меня не хватило сил затащить его подальше.

— Тогда надо торопиться. Неизвестно, чем это все кончится. — Павел пошел быстрее.

Уже начинало развидняться, когда лес закончился, они вышли на поле. Метрах в ста от леса шла дорога, а немного дальше стояла ферма.

— Уже светло. Тебе придется спрятаться здесь в кустах. Теперь я пойду один. Как только ты увидишь, что из ворот фермы выезжает машина — беги к дороге. На, поддержи пока, — он протянул Ирине бласстер. — Я не хочу, чтобы они его у меня видели.

Сесть незаметно в машину Ирине не удалось. Когда она бежала по полю, из ворот фермы вышла женщина. Пропуская идущих мимо коров, она взглянула на поле и увидела бегущую Ирину. Женщина остановилась, привлеченная увиденным, потом закричала. Из ворот показался мужчина. Увидев Ирину, которая пробежала уже больше половины пути, он что-то крикнул и скрылся в воротах.

— Черт подери! — выругался Павел. — Теперь он начнет обзванивать по телефону всех соседей.

Они мчались по пустынному шоссе. Павел выжимал из машины все возможное.

— Старая развалина! — выругался он.

— Это не такая, как все? — удивленно спросила Ирина.

— Водородно-кислородный двигатель, — пояснил Павел. — Слишком тяжелая по сравнению с электромобилями, и скорость не та, конечно. У всех фермеров, в основном, такие же старые модели. Они дешевле, да и водород стоит меньше, чем аккумуляторы.

Он бросил взгляд на манометр.

— Хорошо, что еще полные баллоны, — с облегчением вздохнул он.

— Нам бы только забраться в горы, там безопаснее, чем на равнине.

— За нами будет погоня?

— Кто знает. Во всяком случае, надо спешить.

Дорога пошла в гору, и двигатель надрывно завыл. Вскоре на горизонте в утренних лучах солнца засверкали снежные вершины. Некоторые из них, казалось, плыли в воздухе, окутанные снизу облаками.

Через два часа непрерывной езды они взобрались на первый перевал. Павел остановил машину. Вышел, хлопнув дверцей, и посмотрел вниз. Ирина не успела подойти к нему, как он уже повернул назад.

— Скорее! Садись!

Она бросила взгляд вниз на простиравшуюся под ними равнину. Но ней серой змейкой вилось шоссе. Вдалеке, как ей показалось, по ней медленно ползли темные точки.

— Это за нами, — поняла она их значение.

Павел пожал плечами.

— Скорее всего. Ты заметила, что они движутся тесной группой? Не будем терять времени.

Минут через сорок он снова остановился. Дальше дорога шла вниз, по переброшенному на стальных тросах небольшому мосту переходила на склон следующей горы. Там, за вторым перевалом, было море.

Павел подошел к краю обрыва и заглянул вниз. Тотчас же у него над ухом просвистела пуля. Метрах в ста ниже по серпантину дороги двигалась колонна машин. За легковыми машинами ехал грузовик, в кузове которого сидели люди. Один из них заметил подошедшего к обрыву Павла и тотчас выстрелил. Сомнений в намерении преследовате-

лей не оставалось. Их машины, судя по сокращавшемуся расстоянию, догоняли беглецов. Не говоря ни слова, Павел снова сел за руль и погнался дальше. За мостом он, заехав за первый поворот, остановил машину и, захватив бластер, побежал вниз. Ирина последовала за ним. Пробежав немного, Павел залег за большим валуном у края дороги. Внизу, как на ладони, был виден мост через пропасть. Павел поднял бластер и взял его на прицел.

Ирина поняла его намерение. Сейчас последует выстрел, и мост с перерезанными лучом тросами рухнет в пропасть. Однако Павел медлил.

Послышался гул двигателей, показалась первая машина. «Почему он медлит?» Машина въехала на мост, за ней последовали другие. Ирина со страхом ждала выстрела. Она раньше не подозревала в Павле такой жестокости. Неужели он сейчас обрушит все в пропасть? Она зажмурилась. Раздался грохот. Ирина с ужасом посмотрела вниз. Моста как не бывало. На противоположной стороне пропасти висели обрывки конструкций, а снизу доносились гул и глухие удары падающих обломков. Потом стали слышны крики. Она посмотрела внимательнее и с удивлением увидела стоящие на дороге по эту сторону обрыва машины и высыпавших из них людей. Люди что-то кричали, возбужденно размахивая руками.

— Жалко стрелять в этих болванов, — проговорил Павел. — А надо было бы их проучить.

— Эй! Эй! — донеслось до них.

— Чего вам? — громко крикнул Павел.

— Послушай! — отвечали ему. — Ты сам можешь отправляться ко всем чертям! Мы тебя не тронем!

— Что вы хотите? — еще раз спросил Павел.

— Отдай нам твою шлюху.

— Нет, их надо проучить, — Павел прицелился и поджег стоящую впереди машину.

Ирина увидела, как люди метнулись под прикрытие скалы.

— Теперь можно ехать дальше. Вряд ли они посмеют нас преследовать.

Они вернулись к машине и поехали.

— Почему ты не обрушил мост перед ними, а дождался, пока они его проедут? — спросила Ирина, садясь в машину.

— Чтобы лишить их возможности связаться с полицией.

— Ты уверен, что они не сообщили раньше?

— Я их достаточно хорошо знаю. Эти фермеры не захотят лишить себя удовольствия самим повесить нас на развесистом дереве.

Павел затормозил.

— Вот как раз то, что мне нужно! — он остановил машину под нависшей над дорогой скалой. Вышел из машины и оценивающим взглядом осмотрел ее. Найдя у самого основания глубокую расщелину, он удовлетворенно хмыкнул:

— Дальше мы пойдем пешком, — сообщил он и, открыв боковое отделение багажника, стал вытягивать один за другим баллоны со сжатым газом. Он засунул их в нишу под скалой. Сверху положил несколько банок со смазкой, вытасненных из багажника.

— А теперь отойдем подальше.

Они прошли до поворота дороги. Павел поднял бластер и прицелился. Взрыв потряс воздух. Скала наклонилась и стала сползать. Под ее тяжестью карниз, по которому шла дорога, не выдержал и вместе со скалой обрушился в пропасть.

— Вот и все дела! — удовлетворенно произнес Павел, когда утих шум падения лавины камней. — Теперь эти пастухи закрыты с двух сторон. Пока они выберутся или их вытащат, мы будем уже далеко.

Когда они дошли до перевала, Павел остановился и, смеясь, показал Ирине:

— Вон, полюбуйся.

Внизу, у образовавшегося обрыва, стояли машины и толпились люди.

— Не меньше тридцати, — констатировал Павел, наблюдая их сквозь оптический прицел бластера. — Почти все мужское население окрестных ферм. Надеюсь, они не заливают в радиаторы антифриза, — пробормотал он себе под нос, но Ирина не поняла, о чем в данном случае речь, и переспросила. Павел не ответил и долго шел молча, думая о чем-то своем.

Был уже вечер, когда они пришли к знакомой уже Ирине бухточке.

— Я здесь была два дня назад, — сообщила она Павлу.

— Знаю, — коротко бросил он. — Если бы вы не уехали столь скоро, все могло бы кончиться иначе.

Он подошел к берегу и пронзительно засвистел. Тотчас раздался ответный свист, и из-за скал показалась лодка.

Еще через час Ирина сидела в каюте небольшого рыболовного траулера среди дружески улыбающихся ей людей и пила горячий крепкий чай.

Приняв пассажиров, траулер тотчас же снялся с якоря и взял курс на север. Для Ирины начиналась новая жизнь. Какая она будет?

Генерал вместо двух дней пробыл в усадьбе почти неделю. За это время они с Марией успели обсудить важнейшие детали их будущего предприятия и были весьма довольны друг другом.

Утром шестого дня генерал в сопровождении своих подчиненных выехал, пообещав вернуться через месяц, однако вернулся в тот же вечер. Вид у него был одновременно и злой, и крайне смущенный, и в то же время чувствовалось, что он еле удерживается, чтобы не рассмеяться.

— В чем дело? Что случилось? — встревожилась Мария.

— Ничего особенного, если не считать, что ваша подружка разрушила в горах дорогу и теперь надо ждать, когда за нами пришлют вертолеты. Помимо всего прочего, она заперла там в горах толпу негодяев, из которых половина уже, по-видимому, отдала концы из-за отсутствия воды. Я распорядился, — сказал он, — чтобы вертолеты вначале вывезли этих людей, а потом уже они возьмут нас.

— Ничего не понимаю... Ирина?

— Что тут понимать? В тот памятный вечер ваша подруга внезапно нас покинула. Я понимаю, — поспешил он, заметив, как Мария чуть сдвинула брови, — то была тактическая необходимость, и не будем воз-

вращаться к этому вопросу. Она воспользовалась подземным лазом под стеной, просидела там почти сутки, с трудом выбралась.

Ночью на дороге ее схватил негодяй и хотел изнасиловать. Она его прикончила вот такой штучкой. — Генерал полез в карман и вытащил пустой цилиндрок. — Очевидно, — продолжал он, — негодяй ее сильно рассердил, так как она выпустила в него три смертельные дозы. Потом ее встретил сообщник, бывший управляющий, ну и так дальше... Когда же справедливо возмущенные фермеры хотели их мирно и тихо линчевать, они заманили этих баранов в горы и заперли там, разрушив мост и обрушив на дорогу скалу.

Теперь я знаю, кто порылся до меня в сейфе Генриха и похитил оружие, хранившееся там, а заодно и карты. В связи с новыми нашими с вами отношениями, эти факты теперь меня мало интересуют, — он приговорно зевнул и вдруг расхохотался.

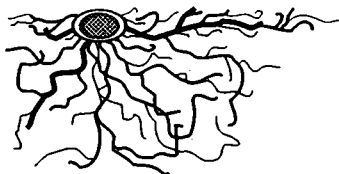
— А ведь боевая девка! Мне бы таких десятков на службу в полицию. При случае, если представится возможность, передайте ей мое восхищение. Кстати, вам знакома такая штучка? — он указал на лежащий на столе цилиндрок.

Мария промолчала.

Генерал порылся в карманах и вытащил пару таких же.

— Возьмите на всякий случай. Объяснять, как этим пользоваться, думаю, не надо.

Мария удивленно подняла было брови, но, взглянув на смеющиеся глаза своего собеседника, не выдержала и улыбнулась. Дик перестал сдерживать себя и расхохотался густым громким смехом. Он вел честную игру. Мария это поняла и теперь доверяла ему полностью.

ГЕНЕРАЛ РАЗМЫШЛЯЕТ

Генерал не любил летать. Все его предшественники закончили жизнь в авиакатастрофах. Минует ли его такая судьба? Элита не допускает, чтобы кто-нибудь долго задерживался на посту начальника политической полиции. Железный Генрих преподнес ей урок, который она запомнила. Внук Железного Генриха шел по стопам деда.

Одно время, в самом начале следствия, он полагал, что похищение — дело элиты. Но концы с концами не сходились. Дед держал элиту в страхе, внук же был выразителем идей элиты, ее главным теоретиком. Его собственная тайная полиция служила элите, как противовес государственной. Нет, это дело Движения сопротивления. Их почерк.

Какую роль здесь играла Мария? Она явно замешана, но, вероятно, случайно. Скорее всего через подругу. Он усмехнулся: «Как они меня «поймали» с мнемोगраммой!» Он сделал тогда вид, что их угроза произвела на него впечатление. Пусть думают. Он и не собирался посылать Рональда за аппаратурой. Это в его интересах, чтобы Генрих навсегда сошел со сцены. Если ему удастся стать наследником Генриха (не только его агентуры, но и состояния), перед ним откроется реальная возможность взять ход событий в свои руки. Если Мария замешана в похищении Генриха, то тем лучше: через нее он выйдет на Движение и испол-

зует его в своих целях. Ну что же. Все складывается к лучшему.

Он вспомнил разыгранную сцену на пляже, критический момент, когда сзади подошла Ирина. Он тогда не предполагал, что у нее цилиндр с паралитической жидкостью, но внутреннее чутье подсказало ему: надвигается реальная опасность. Потребовалось все самообладание, чтобы выдержать роль до конца. Впрочем, играть было не особенно трудно. Женщина ему действительно нравилась. Она умна — это главное. Сделать из нее союзника? А почему бы нет? Ее интересы совпадают с его. Это первое и основное. Любовь может прийти. А не придет — не велика беда. Общность интересов всегда более прочная основа для союза, чем любовь.

Элита прекрасно знала его слабость — привязанность к близким: к покойной жене, детям и Рональду. Когда умерла жена, ему не раз пытались подsunуть агента. Делалось это различными способами. И во дворце императора, и в виде подарка. Один раз его даже попытались затащить на аукцион выпускниц школы. Инстинкт самосохранения всегда выручал его. А на этот раз? Нет! Маловероятно, хотя следует устроить ей проверку.

Я бы скорее ей поверил, если бы они прикончили Генриха. Но похищение? Еще раз надо проверить, не связано ли это с элитой. Что за чушь? Нет. Моя подозрительность иногда заходит слишком далеко. Боже мой, как я устал. Хотя бы немного отдохнуть от вечного опасения за жизнь, быть хотя бы на короткое время самим собой, не притворяться, не строить из себя простачка...

Нет, природа изобрела особую пытку для власть имущих. Жить и никому на свете не верить. Вот почему деспоты рано или поздно становятся людьми с ненормальной психикой.

Наш император топит свой страх в вине и разврате. Что делать мне? Я не имею склонности ни к тому, ни к другому. Впрочем, император боится уже по привычке. Он теперь вполне устраивает элиту, ей не жалко ни вина, ни женщин. Этого добра, пожалуй, сколько угодно. Чего боится элита больше всего? Реформ! А они необходимы, как воздух. Поэтому боится меня. Слепцы! Не видят дальше своего носа. И как они беспощадны! Александр... на что уж шалопай, но понял, в чем суть дела. К сожалению, болтлив чрезмерно. Надо же было публично высказаться за увеличение числа интеллигенции, или, как у нас говорят, среднего класса. Да одно только это высказывание обрело его на смерть. А он еще начал повсюду высказывать свое отношение к операциям на мозге. Как образно сказал император, когда ему доложили об этом: «Если все получают возможность думать, то нам придется работать».

И все же реальной опасности он не представлял. Почему же так жестоко поступили с ним? Страх! Только страх. Страх перед любыми изменениями, даже самыми незначительными. Лучше медленно деградировать, чем поступиться хотя бы малым. Однако малым ли? Если перестать одурманивать мозги сновидениями, то люди не захотят есть белковый суррогат, захотят мяса, а где его взять на всех? Система хозяйства разрушена до основания. Те фермы, которые сохранились, с трудом кормят элиту и армию. Кое-какие крохи поступают и среднему классу. Остальных же кормят переработанным дрожжевым суррогатом.

Поэтому редко кто доживает до сорока лет. Биороботов не надо конструировать. Они рождаются сами. Затем — чик, и человек становится роботом. И никаких проблем. Ни забастовок, ни профсоюзов... Идеальная система, придуманная великим Каупони и доведенная до совершенства Железным Генрихом. И вот система дает трещины. Трещит корабль, а команда пьянствует и не догадывается, что корабль сейчас пойдет ко дну. Как спасти корабль?

Сновидения... Генерал читал заключения патологоанатомов, исследующих мозговую ткань умерших рабочих. Уже с тридцатилетнего возраста электровоздействия на мозг, связанные с приемом мнемofilмов, когда зритель становится как бы их участником, приводят к гибели нервных клеток и разрушению большей части мозга. Уже в этом возрасте человек становится полудебилем. Страшно другое. Просмотр мнемofilмов таким образом проникает уже и в средний класс. Люди тайно вживляют себе электроды и по ночам погружаются в грезы наслаждения, эротики.

Правительство взяло под контроль выпуск мнемofilмов, но некоторые фирмы нелегально продолжают поставлять их, причем элита тайно покровительствует такому бизнесу. Идиоты! Чем они думают! Не всем же стоять возле конвейера. Кто-то же должен производить его наладку, конструировать новые, составлять и менять программы. Если все население будет состоять из полудебилов, кто прокормит элиту? Не понимают и не хотят понимать!

Когда была введена эта идиотская система мнемofilмов? Мысли его устремились к прошлому. XXIII век. Гроза генетической катастрофы. Возникновение партии неогуманистов. Все верно... Высший гуманизм заключается в гуманном отношении не к человеку, а ко всему роду человеческому в целом, к его первооснове — генетической полнотенности. Посчитали эту теорию расистской и антигуманистической. Партию запретили. Это совпало с открытием СС. Вмешалась церковь. Всем загробная жизнь в СС! Всем вечный рай! Голосуйте за кандидатов церкви и неогуманистов! Поступитесь небольшим! Дайте нам решать, сколько и каких вам иметь детей, а за это каждый получит путевку в рай! Проголосовали. Партия вышла из подполья и сейчас же создала штурмовые отряды.

И тут случилось непредвиденное. СС забастовала. Она замкнулась и никого к себе не подпускала. Все это держали в глубокой тайне. Решено было эту уничтожить и создать новую. Сначала создали небольшую копию старой СС. Затем на старую СС сбросили бомбу. Специально создали ее, так как давно уже на земле не было ядерного оружия. Бомба упала и не взорвалась. Не сработала электроника. Еще раз, и снова то же самое. Затем вообще произошло невероятное. Когда очередную неразорвавшуюся бомбу вскрыли, в ней не обнаружили заряда. Проверили, повторили — результат прежний. Тогда поняли, в чем дело, и испугались. Но СС никаких ответных действий не предприняла. Создали на всякий случай вокруг СС мертвую зону в радиусе трехсот миль. Затем такую же зону пришлось создавать вокруг новой СС, с которой произошло то же самое. Что делать? Что сказать народу? Где обещанный рай? Тогда Каупони сказал свою знаменитую фразу, которая на многие десятилетия стала программой партии: «Во всем виновата

ты интеллигенты. Бей физиков, а заодно и лириков! Интеллигенты повредили СС! Бей вредителей!»

Били долго и с увлечением. Когда опомнились, то выяснилось, что интеллигентов почти не осталось. Что делать? Собрал тогда Каупони своих громил и говорит им: «Все! Хватит бить очкариков! Некоторые из них полезные. Необходимо собрать всех оставшихся, и пусть они учат вас всему, что сами знают, а что не знают — то мы им подскажем. Создадим, — говорит, — свою, новую интеллигенцию, без всяких таких выкрутасов. Каждый ученый в будущем должен заниматься своим собственным делом. Так, чтобы лирик не лез в физику, а физик не впадал в лирику. А для этого каждый ученый будет иметь специальный допуск к той научной литературе, которая ему действительно необходима для работы, вся же другая литература для него должна быть запрещена. Необходимо концентрировать внимание на главных проблемах, а не разбрасываться. Будем планировать науку и открытия. Если ты хочешь что-то открыть, то заранее напиши нам, что ты хочешь открывать, а мы уже будем решать — открывать тебе это или нет. А коль будешь упрямым, то знай, что мы тебя самого закроем.

Затем литература. Что такое литература? Литература — это зеркало души человеческой. Разве позволительно огорчать душу? Нет! И мы никому не позволим этого делать. Поэтому литература должна быть радостной. Пусть писатели пишут о наших успехах — бумаги дадим, пайки назначим, так, чтобы нам хорошо было, и вам неплохо жилось. А чтобы никого не смущали прежние писаки, то мы их опусы сожжем, как ненужный хлам.

То же самое с науками. Давайте подумаем вместе. Все ли науки нам нужны? Нет, не все! Науки нужны только те, которые приносят пользу. А их немного. Надо отделить рациональное от нерационального. Вот возьмем, например, генетику, разные там гены и хромосомы. Все ли тут нужно? Нет, не все. Надо взять из генетики рациональное зерно. Что является рациональным здесь? Селекция и селекция! А если селекция, с которой человечество было знакомо еще в древние времена, нужна ли нам генетика? Нет, не нужна!

Далее — кибернетика. Тут уж вовсе нужно быть осторожным, чтобы не наделать глупостей. Я сам в ней мало смыслю, но не без оснований думаю, что изобретать там больше нечего. Все, что нужно было, давно уже изобретено. Давайте оставим только справочники да пособия по технологии. Остальное нам не нужно. Если что надо сделать, то посмотреть в справочник и делай.

Есть еще такая наука — социология. Это наука, которая изучает общество и взаимоотношения в обществе. Поскольку общество есть и с этим фактором приходится мириться, то и науку надо развивать. Но как, спрашивается? В какую сторону? Только в нашу! Почему только в нашу? А потому, что если эта наука пойдет в другую сторону, то ее подхватят наши враги. Должны ли мы лить воду на мельницу наших врагов? Конечно, нет! Вот основные направления.

Теперь, что делать с церковью? Не спорю, на первых порах она помогла нам. Но теперь что? Обещала народу рай в СС после смерти и дискредитировала себя, обманув народ. А раз она себя дискредитировала, то уже не нужна ему. Однако человек не может жить без веры.

Нужен ли ему бог? Отвечаю — нужен. Но какой бог и какая вера? Только вера в правоту нашего дела оздоровления человечества, в спасение его от катастрофы.

Теперь о боге. Возьмем в пример историю. Понятие о боге меняется по мере исторического развития общества. Первобытный человек верил в силы природы, обожествлял деревья, реки, вулканы, крокодилов, коров и тому подобное. Затем он очеловечил религию и сделал бога подобным самому себе, но всемогущим. Это Юпитер, Иегова, Шива, Вишну. Что мы видим при анализе такого представления о боге? Людям стал ближе бог в человеческом образе. Это первый момент религии. Второй момент — всемогущество. Бог всемогущ!

Следовательно, могущественный человек может быть для остальных людей образом бога. Кто в нашей ситуации может стать богом? Естественно, я, как носитель всей полноты власти. Я вижу, вы меня поняли. Но не спешите. Вспомните, сколько веков христианство входило в сознание людей, вытесняя язычество. В наш век массовой информации этот процесс может протекать значительно быстрее, в сотни и тысячи раз. И назначение средств массовой информации я вижу главным образом в том, чтобы наши идеи вошли в массы, охватили их постепенно. Зная мою скромность, вы понимаете, что, делая такой шаг, я приношу личное в жертву нашим идеалам.

В этом благородном деле государственной важности свое слово должно сказать изобразительное искусство. Я имею в виду монументальное искусство. Именно оно отвечает нашим целям, ибо монументальное искусство возвеличивает могущество. Вспомните пирамиды Древнего Египта — они прославляли фараонов и после смерти, делая власть божественной и бессмертной. Пусть наш идеал вдохновляет художников. Но этого мало. Надо кое-что изменить в географии. К чему такие аполитические названия, как Тихий океан, Джомолунгма? Не лучше ли им дать новые, отвечающие задачам современности названия? Не мешало бы переименовать Париж, Лондон, Пекин... Однако подойти к этому надо с умом, сохраняя национальный колорит. Например, Лондон может стать Каупонитаун, а Пекин — Каупонистан, или как там по-китайски. В общем, вы меня поняли.

Потом надо заняться исторической наукой. Постепенно изъять из учебников все от конца матриархата до прихода нас к власти. Пусть люди усвоят раз и навсегда, что до нас ничего на свете не было: ни науки, ни культуры, что все, что они видят — от авторучки до автомобиля, — создано только благодаря нам. Это, конечно, произойдет не сразу. Сменятся поколения, но в конце концов так и будет! Вы сами посудите, зачем людям какой-то там Рамзес? Можем ли мы обойтись без Рамзеса? Конечно, можем! Так в чем же дело? Кто нам мешает вычеркнуть из памяти Рамзеса, а заодно и Шекспира, Гете и всяких там Байронов? В общем, так! Объявить пока историю лженаукой и основательно почистить все библиотеки. Я сам напишу краткий курс истории от первобытных времен до настоящего времени. Так, страниц на сорок. Этого будет вполне достаточно. Да и детям легче учиться. То, что следует запомнить наизусть, — выделим жирным шрифтом.

Кстати, мне снова пришла мысль о генетике. Почему мы должны запретить и забыть генетику? А потому, что если люди будут знать ге-

нетику, то они будут думать, что у нас с вами те же самые гены и хромосомы, что и у них. Можем ли мы это допустить? Нет, не можем. Поэтому еще раз напоминаю вам: хотя мы пришли к власти под флагом генетики, но, завоевав власть, мы должны немедленно стереть в памяти людей все, что с ней связано, кроме названия, которое нам придется сохранить, и того рационального зерна, что нами взято, — селекции».

Восстанавливая в голове этот бред, генерал вспомнил некогда услышанную фразу: «Чем наглее ложь, тем она убедительней». Кто же это сказал? Впрочем, автор фразы не прав. Ложь только тогда становится убедительной, когда она подкрепляется страхом. Когда верить заставляют. Необходим страх. Великий страх. И этот страх принес Железный Генрих. Генрих выступил с теорией прекращения политической борьбы и установления всеобщего благоденствия. Общество, писал он, достигло вершины социального развития. А раз так, то политическая борьба за власть автоматически прекращается. В связи с этим ликвидируются тюрьмы, отменяются наказания и, в первую очередь, смертная казнь.

«Мы, неогуманисты, являемся самой гуманистической организацией всех времен и народов. Но, — писал дальше Генрих, — общество должно быть защищено от насилия со стороны людей, которые в силу своего генетического предрасположения отстают в развитии от остального общества. Виноваты ли они в этом? Конечно, нет! Это больные люди, и в отношении них нельзя применять наказание. Их надо лечить. Но всегда ли можно надеяться на благоприятный исход лечения? Увы, нет. Медицина еще не дошла в своем развитии до того прекрасного времени, которое, я верю, скоро наступит, когда все болезни будут успешно побеждаться. Мы стремимся к этому и проводим последовательную политику генетического оздоровления человечества. Но что делать с теми, которые пока не поддаются лечению? Можно ли позволить им совершать акты насилия по отношению к другим на том основании, что они больны? Следовательно, их надо изолировать? Но это опять-таки наказание, которого мы и хотим избежать. Надо что-то предпринять такое, чтобы не лишать человека жизни, даже если он убийца или потенциальный убийца, и не лишать свободы, если он грабитель и насильник. Мы располагаем сейчас методами предсказания поведения человека. Мы можем сохранить ему жизнь и свободу, если лишим его той незначительной части клеток мозга, которые, вследствие своего патологического развития, толкают человека на совершение преступлений. Это будет гуманно как в отношении самого человека, так и общества в целом.

Забывая о людях, об их полноценной духовной жизни, мы идем дальше. Разрушая у части людей центр агрессии, мы, естественно, чего-то лишаем их. Справедливо ли это? Нет, конечно! Если человек что-то отдает, то он взамен должен получить нечто другое, равноценное. Мы, партия неогуманистов, партия справедливости, подходим к таким несчастным людям не как к преступникам, а как к нашим братьям, обиженным судьбой. И если что-то мы вынуждены взять у нашего брата, то взамен мы должны дать ему нечто большее, что осястливает его. Забирая у него возможность делать зло, мы взамен даем ему целый мир красочного воображения, мир, в котором он будет счастлив, мир, в котором он сможет совершать подвиги, мир, в котором мужчина станет об-

ладателем прекрасных женщин, а женщина обретет счастье в объятиях любимого мужчины. Приобретая этот огромный мир, пожалеет ли наш брат о том, что его лишили возможности красть, грабить, убивать, насиловать? Нет! Он будет счастлив! Так дадим же ему это счастье!»

Так появились мнемofilмы.

Первую партию преступников, среди которых были и убийцы, после проведенных операций выпустили на свободу. Их сразу же трудоустроили, т.е. поставили к конвейеру. Через неделю завод посетили журналисты. То, что они увидели и услышали от бывших узников, превзошло самые радужные надежды. Бывшие убийцы, насильники, воры со слезами радости на глазах рассказывали газетчикам, как им хорошо. «Мы не можем отличить сны от реальности, — говорили они. — Это прекрасно! За семь часов сна мы переживаем события длительностью в неделю, а то и в месяц. Мы счастливы и богаты». «У меня, — говорил один, — дома любимая жена и дети. После работы я «иду» к ним на целую неделю. Мы проводим время вместе, катаемся на яхте, едим вкусную еду». «А у меня, — спешил высказаться другой, — вилла на берегу моря. У меня там живут две подружки. Каждая из них готова отдать за меня жизнь». И так далее и тому подобное.

Газеты пестрели заголовками: «Полицейские уничтожили тюрьмы» (Железный Генрих был шефом полиции), «Наказание счастьем», «Недельный отпуск после десяти часов работы», «Растлитель малолетних стал примерным семьянином», «Проститутка — эстрадная звезда». Всех не сочтешь и не перечислишь. Затем в прессе появился проект закона об исправлении и профилактике преступности. Закон подвергся обсуждению и был принят. Спустя полстолетия большая часть населения земли днем стояла у конвейеров, а ночью смотрела мнемofilмы. Слово «профилактика» сыграло в законе главную роль. После такой профилактики уже не стоило никаких трудов разделить все общество на три класса и очертить их границы.

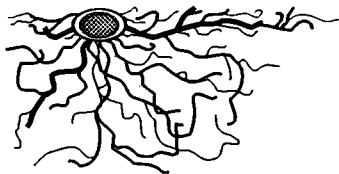
Преемник Каупони объявил о наступлении «золотого века». И вот теперь этот золотой век рушится. Рушится потому, что элита думает только о своих узких сиюминутных интересах. «Большой ошибкой было сужение границ среднего класса. — Генерал поморщился. — Элита погрязла в роскоши и разврате и не может взять на себя интеллектуальное бремя общества. Работать головой может только тот, кому эта работа дает хлеб насущный. Это истина. Чтобы думать, надо быть хоть немного голодным. Когда сытость приходит сама собой, мозг начинает жиреть. Если головой работают с каждым годом все меньше и меньше людей, то происходит тотальная дебилизация общества. С этим надо кончать! Но как?

Против ли я существующего строя, против селекционных законов и деления общества на элиту и прочих? Нет и еще раз нет! Я сам принадлежу к элите и не могу хотеть ее ликвидации. Следовательно, я не хочу возвращения к старому, еще не селекционируемому обществу. Селекция необходима, но ее надо проводить умно. Но как ее проводить умно с этими кретинами, которые ничего не хотят понимать? Ими движет страх перед переменами. Стоп! Страх! Страх всегда был самым действенным оружием. Надо только управлять страхом. Пусть боятся еще больше. Следует еще больше припугнуть их. Тогда они будут нуж-

даться во мне, а там посмотрим. Итак, я беру на вооружение страх. Создадим источник панического страха. И поможет мне в этом Мария. Нет, это перст судьбы, что она мне встретила. Теперь следующее: мне нужны деньги, много денег. Брак с Марией даст мне их, но пока потрясем элиту, пусть она даст деньги на выкуп Генриха.

Куда эти деньги пойдут — другое дело. Спасать Генриха я не намерен. Они пригодятся для борьбы с элитой. Прием, известный в самбо, — использовать средства противника для борьбы с самим противником. Император пусть пока сидит на своем месте. Когда понадобится, я его уберу. Сейчас же, напротив, буду его охранять пуще прежнего. Пусть пьет вино, шупает девочек, не испытывая ни тревог, ни забот. Впрочем, его тоже надо немного поугаать».

Приняв окончательное решение, генерал откинулся на спинку кресла и задремал. Когда он открыл глаза, самолет уже шел на посадку.

ИМПЕРАТОР

Гавайские острова уже свыше ста лет назад были превращены в летнюю резиденцию императора. Население островов, то, что осталось после нескольких кампаний селекции, было вывезено отчасти в Японию, отчасти в Южный Китай. На каждом острове был построен отдельный комплекс дворцов, и император мог, если ему наскучит один, переехать в другой, а если наскучит и тот, то — в третий и так далее. Так он и кочевал из одного дворца в другой в течение почти всего года. Вместе с ним кочевал его обширный двор из представителей знатных семей элиты. Женщин с собой не возили, так как в каждом дворце их ожидал гарем, или, как он шутил, юные распутницы, состав которых постоянно обновлялся. Делами император почти не занимался, поручив их министрам. Иногда он вызывал к себе то одного, то другого для доклада, но обычно слушал невнимательно и не вникал в детали. Исключение составлял Дик, которому уделялось особое внимание. Дик ведал не только политической полицией, но и личной охраной самого императора. Он раскрыл несколько заговоров на жизнь монарха. Не только раскрыл и представил неопровержимые доказательства, но и ликвидировал заговорщиков, прежде чем они приступили к осуществлению злодейских намерений.

Император был богом. Он один мог устанавливать законы, один принимать решения по всем вопросам политической стратегии. Это было традицией, но фактически

император делал то, что хотела элита. Поэтому его не интересовали дела, которые не были связаны с его личной безопасностью. В молодости он еще пытался как-то влиять на события политической и экономической жизни, но когда ему перевалило за пятьдесят, потерял интерес ко всему, что не связано с удовольствиями и развлечениями. Он любил выпить, хорошо поесть и поохотиться. Для этой цели на островах были разбиты огромные парки, куда свозили животных и экзотических птиц со всего мира.

Ожидая Дика, который, как ему доложили, только что вернулся из поездки, он скучающе наблюдал, как обнаженные девушки исполняют эротический танец. Еще недавно это возбуждало, сейчас он не чувствовал ничего, кроме тоски.

«Старею», — с огорчением подумал император. Он сделал резкое движение и ойкнул. Тоненькая, как тростинка, двенадцатилетняя японка, растиравшая ему ноги, испуганно замерла. Император поморщился. Проклятый геморрой начинал всерьез беспокоить его. Первые боли он почувствовал еще пять лет назад, но до сих пор не мог решиться на операцию. Он опасался, что среди хирургов, которые будут его оперировать, найдется подосланный тайными врагами и погубит его. Как? Да любым способом. Внесет в рану незаметно яд. Мало ли что. Никому нельзя верить! Меня бы больше берегли, если бы власть императора была наследственной. Но попробуй заикнись только об этом! Каждая семья ждет своей очереди. Сколько они меня еще будут терпеть? Пока не столкнутся, кому быть следующим за мной императором. Моего предшественника задавили подушками. При моем, впрочем, непосредственном участии. Каупони, великому Каупони, устроили инсульт, втолкнув ему во время сна толстую вязальную спицу в нос. Рассказывают, что он трижды вырывался из рук, прежде чем спица не проникла в мозг. Интересно, что они изобретут для меня? Если бы можно было отречься и уйти на покой. Но это не принято. Бог не может отречься, тогда он не бог.

Что же не идет Дик? Ему, пожалуй, одному можно верить. Он равнодушен к роскоши и женщинам. Какой смысл в императорской власти? А при другом императоре вряд ли он удержит свой пост. Каждый новый император назначает нового, своего начальника политической полиции. Это естественно. Хорошо, если бы Генрих погиб. Ему нельзя доверять. Слишком большое влияние он оказывает на элиту. Может быть, метит в императоры? Хотя, зачем? Он ведь старше меня... Армия? Но там все командные места у элиты. Единственный после Дика верный человек — командующий, скоро помрет. Видно, этого и ждут. Где же Дик?

Он поманил к себе старшего евнуха.

— Пойди узнай, пришел ли начальник полиции.

Тот склонился в пояс и, пятясь, удалился. В дверях он столкнулся с входящим Диком.

— Дик! — обрадовался император. — Наконец-то! Брысь! — толкнул он ногой японку. — И вы все убирайтесь! — крикнул девицам и евнухам. Те спешно покинули зал.

— Ну, здравствуй, Дик, — император подставил ему щеку для поцелуя. — Что так долго?

Дик изложил причины задержки.

— Надо что-то делать, Дик! Они уже обнаглели вконец.

— Надо, но не сейчас, — Дик понизил голос и зашептал императору что-то на ухо. Тот выслушал и довольно хихикнул.

— Это идея! Действуй!

— У меня к тебе просьба.

— Говори!

— Я хочу жениться на вдове Генриха.

— Но она еще не вдова.

— Ну так будет! Вообще-то она не была женой Генриха, но Генрих усыновил ее сына. Ребенка можно сделать наследником, а ей дать право опекуна до его совершеннолетия.

Император засмеялся мелким дребезжащим смехом.

— Я представляю, какие они все скорчат рожи! Только смотри, как бы они тебя самого не... Что тогда буду делать я? Может быть, не стоит? Зачем тебе богатства Генриха? Ты ведь не любишь ни роскоши, ни девочек. Кстати, мне вчера привезли партию молоденьких японочек. Прелесть! Не хочешь ли выбрать?

— Да нет, спасибо. В другой раз. Если я и буду богат, то только благодаря тебе и ради тебя. Мне нужны деньги на дела, о которых не знала бы элита.

— Я понимаю. Ну хорошо! Пусть будет по-твоему.

— Как Вальтер?

— Плохо! Очень плохо! Больше трех месяцев не протянет. Рак, сам понимаешь. Когда-то его лечили, но теперь наши эскулапы забыли, как это делается.

— У нас нет той аппаратуры, при помощи которой лечили больных с опухолями.

— А почему нет?

— Да потому, что нет людей, которые умели делать такую аппаратуру. Каупони фактически уничтожил тогда всю мыслящую интеллигенцию.

— Но тогда это было необходимо. Кроме того, остались же книги. Пусть почитают!

— Для того, чтобы читать такие книги, надо иметь соответствующие головы, а при существующем положении таких голов нет и не будет.

— Ах, ты опять за свое! Мне уже скучно тебя слушать. Лучше скажи, что нам делать с преемником Вальтера? По традиции мне уже представили пять кандидатур. Каждый из кандидатов клянется в любви и верности, и на каждого поступили доносы.

— Раз поступили доносы, надо их проверить. Но это моя забота. Важно другое. Замена командующего армией может быть прелюдией к замене императора. Ты это понимаешь?

— Еще как! Поэтому и спрашиваю, что делать. Я не могу назначить командующим тебя, так как для этого нужна рекомендация элиты. А она, сам понимаешь, ее тебе не даст.

— Еще бы!

— Вот я и говорю...

— Есть другой выход.

— Какой?

— Согласно правилам, ты можешь задержать утверждение командующего на год.

— Ну а потом? Что это даст?

— Потом ты сам станешь командующим.

— Но для этого нужно, чтобы было объявлено чрезвычайное положение.

— Оно и будет объявлено.

— А! Понимаю! Понимаю! — Император вскочил и взволнованно заходил по комнате. Апатия его мгновенно улетучилась.

— Ты знаешь, это выход! Но...

— Что?

— Мне нужен будет заместитель. Ведь не вникать же мне во все дела армии?

— Если у тебя будет заместитель, то командующим будет он, а не ты.

— Так что же делать?

— Я буду вникать во все дела, а ты — отдавать распоряжения. Но об этом никто не должен знать. Иначе подымется вой, и тебе назначат «настоящего» заместителя. Будучи командующим, ты сможешь провести чистку в армии, а сделав это, сможешь наконец спокойно спать, не опасаясь, что тебя задушат во сне или загонят в мозг спицу. До сих пор ты был императором, теперь тебе предстоит стать диктатором. Чрезвычайное положение развяжет тебе руки.

Император задумался. Молчал он долго. Дик не стал ему мешать и начал рассматривать висящие на стенах картины.

— Дик! — услышал он. — Я назначу тебя своим преемником.

«Ловит? Ну, лови себе на здоровье, болван!»

— Во-первых, это не принято. Во-вторых, мы с тобою ровесники. В-третьих, я хочу умереть своей смертью. Ибо твоя смерть — это и моя. Я реалист и не тешу себя иллюзиями. Меня ненавидят, и я жив, пока жив ты. И, наконец, четвертое, самое главное... — он остановился и выжидающе посмотрел на императора.

— Что же четвертое?

— Если ты станешь диктатором, мы сможем повернуть дело с наследственной властью императора. Именно преемственность охраняет от междоусобиц в борьбе за власть. Эту идею надо развивать исподволь, незаметно. Пусть она вначале войдет в низы и придет к нам оттуда. Это уж предоставь мне.

— Дик, ты самый преданный друг! Проси, что хочешь!

— Я уже попросил.

— Это само собой! Что еще?

— Пусть выкуп за Генриха собирает элита. Он ее вождь, пусть она и платит.

— Но ты же говоришь, что он не вернется?

— Ну и что? Пусть все равно она платит. Мне нужны деньги.

— Я выдам тебе из казначейства.

— Нет, мне нужны деньги, о которых не знает элита.

— Ну хорошо. Что ты намерен сейчас делать?

— Я еще не виделся со своими детьми.

— Приходи вечером, повеселимся.

— Ты знаешь, что я не любитель таких развлечений.

— История повторяется! — торжественно изрек император. — Люди — тоже! Ты меня не понял? У Великого Каупони был Железный Генрих, у меня — Суровый Дик! Я так теперь тебя и буду называть. Суровый Дик! Как, звучит?

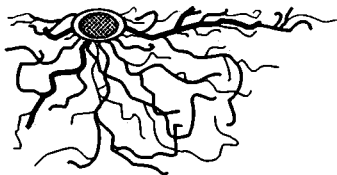
«Боже мой, какой ты дурак», — подумал Дик, а вслух сказал:

— Звучит неплохо, но тогда ты должен стать Великим.

— Будем стараться!

— Будем!

Император сделал величественный жест, давая знать, что он его больше не задерживает. Дик поклонился и вышел.

АГЕНТЫ И ЭЛИТА

Император некоторое время смотрел ему вслед. Затем хлопнул в ладоши. В зал тихо вошел старший евнух.

— Пришел?

— Уже час, как ждет вас.

— Проводи его в малый кабинет. Но так, чтобы ни одна душа не видела.

Через полчаса он рассматривал стопку лежащих на столе фотографий.

— Что удалось записать?

Сидящий напротив него человек молча протянул маленькую металлическую капсулу. Император вставил капсулу в гнездо звукофиксирующего приборчика и стал слушать.

— Это все? — спросил он, когда запись кончилась.

— Была еще прогулка к морю. Вы видели фотографии. Но записать не удалось. Они слишком далеко отошли от машины.

— Ну хорошо, — император открыл боковой ящик стола и вынул пачку кредиток.

— На, возьми. Можешь идти! — пресек он изъявления благодарности агента. — Продолжай наблюдение. Если что — докладывай немедленно.

Император был не так прост, как хотел казаться. Уже несколько лет сеть его агентов непрерывно вела наблюдение за начальником политической полиции. Другая сеть вела такое же наблюдение за первой. Император только не подозревал, что его агенты давно состо-

яли на службе у Дика. Вернее, Дик очень ловко подбрасывал их императору. Агенты докладывали императору только то, что разрешал Дик. Это стоило дорого, и Дик постоянно нуждался в деньгах. Поэтому брак с Марией и доступ к банковским счетам Генриха были для него самым большим подарком судьбы.

После тех ужасов, которые элита пережила во времена Железного Генриха, она добилась права контролировать расходы начальника полиции через министра финансов. Дик позарез нужны были деньги, не подотчетные министру. Его немалое вначале состояние, доставшееся от отца, постепенно таяло. Состояние же, нажитое Железным Генрихом в результате конфискации церковного имущества, было огромным. Кроме наличности и ценных бумаг, Генриху принадлежало самое богатое в мире собрание драгоценных камней, кроме того, контрольные пакеты акций автомобильных и нефтяных компаний, половина всего выращиваемого в мире хлопка, обширные виноградники. Каждая третья бутылка вина на своей наклейке имела знак «З» — первую букву фамилии Заманских.

Дороже всех Дик обошелся главный евнух. Дик улыбнулся, вспомнив подробности его вербовки. Сначала завербовали повара, готовящего пищу для обширного сонма евнухов императорского дворца. Пришлось выложить десять тысяч кредиток. Не условных, которые ходили среди населения и не обеспечивались золотом, а настоящих, полновесных кредиток, открывающих доступ в спецмагазины и на аукционы. Затем, когда гормональные добавки к пище и питью сделали свое дело, Дик положил перед евнухом ряд прекрасно выполненных цветных фотографий.

— Если император сдерет с тебя кожу живьем, — улыбаясь, сказал он побелевшему, как мел, евнуху, — то можно считать, что тебе повезло. Вот это, — продолжал он, положив на стол пачку банкнот, — обеспечит тебе старость. Здесь пять тысяч. А это, — он достал из ящика стола пузырек с желтыми капсулами, поможет тебе вкушать радости жизни. Можешь продолжать, я не возражаю.

— Ну, как хочешь, — засмеялся он, когда евнух с ужасом замотал головой и закрыл руками лицо. — Средство надежное. Если понадобится, скажи, я тебе его оставляю здесь. Можешь взять при желании.

Главный евнух стоил тех денег, которые были затрачены на его вербовку. Через него проходили все нити к интригам императорского дворца. Как выяснилось в день вербовки при помощи мнемोगраммы, от записи которой евнух уже не мог отказаться, года два назад его завербовала элита. Теперь, благодаря сведениям, полученным от евнуха, Дик знал очень много и обходил ловушки элиты. Это было единственное исключение, когда Дик сам встречался с агентом. Во всех других случаях у него для связи была группа лиц, пользующихся его полным доверием. Рядовые агенты даже не знали, куда и к кому идут переданные ими сведения. Вербовкой же агентов занималась особая группа. Завербовав агента, вербовщик передавал ему шифр, при помощи которого тот должен был составлять свои донесения и передавать связнику. Связник относил донесение в «почтовый ящик», откуда его забирал второй связник и уже передавал руководителю группы. Тот расшифровывал донесение, сравнивал с другими и докладывал непосредственно Дик.

Своих непосредственных помощников и главных агентов Дик готовил особенно тщательно. Для этой цели в мужских школах, где воспитывались наиболее одаренные в физическом и умственном отношении дети суррогатных матерей, отбирались мальчики в возрасте 13—14 лет. Их направляли в тайную спецшколу и воспитывали там до 18 лет. Здесь же, в школе, им вытравляли номер на плече и выправляли документы. Каждому тщательно сочинялась биография. Ребят обучали тому, что должен знать опытный разведчик. Каждый из них получал образование в той области, в которой ему придется работать в будущем. Особо одаренные выпускники таких школ поступали еще на четыре года в высшую школу. Из них Дик и выбирал себе ближайших помощников. Некоторые из них уже занимали высокие командные посты в армии.

Большая сеть агентов имела в публичных домах, или, как их стыдливо называли, спецгруппах. Вербовка здесь была простой. Доходы от публичных домов направлялись в императорскую казну. Начальницы таких домов обычно присваивали себе часть дохода, что легко устанавливалось полицией. За такие провинности начальнице грозила операция на мозге и работа на фабрике у конвейера. Вот ей и предлагалось: или идти к конвейеру, или продолжать обкрадывать императора, но уже в счет платы за известные услуги. Девушек из спецгрупп вербовали уже сами начальницы. Благодаря этой сети Дик имел точные представления о настроениях солдат и офицеров в армии и положении в среднем классе. Расходы, получалось, «оплачивал» император.

С особой осторожностью и тщательно проводилось внедрение агентыры в элиту. Самым простым способом была вербовка наложниц. Дик использовал для этого начальниц школ, или, как их называли, старших воспитательниц. Сперва их ловили «на горячем». То, что воспитательницы занимаются левым бизнесом, он не сомневался ни на минуту. Воровство и взяточничество в государстве давно уже стали нормой поведения. Государство обкрадывало население, а население — государство. Все это знали, но делали вид, что ничего не видят. Установилось своего рода равновесие.

Еще молодым, только заступив на пост начальника региональной полиции, Дик попробовал вмешаться в это равновесие и сразу же «получил по рукам». Тогда и пришла мысль: использовать беду общества ему (обществу) и себе (Дику) на пользу.

Решив заняться женскими школами, он проинструктировал своих агентов так: «Ищите там источники левых доходов. Не крохоборствуйте. Экономия на еде и одежде — это мелочь. Скорей всего крупный бизнес связан с реализацией «продукции».

Так и оказалось. В школах содержалось больше девиц, чем числилось в списках. При проверках их прятали от комиссии, а по достижении зрелого возраста реализовывали, минуя аукцион. Часть выручки шла заведующему питомника, а остальное присваивала старшая воспитательница. После того, как все это выяснилось, люди Дика наиболее красивых девушек забирали из школ и в течение года обучали технике шпионажа. Затем, за месяц до аукциона, возвращали назад. Выпускницы школ не имели драгоценных украшений, куда можно было бы вмонтировать радиопередатчик. Поэтому их снабжали так называемым

«клопом» в виде маленькой булавки. «Клоп» периодически посылал радиосигналы. Их пеленговали и определяли место, куда попала агентка. Снабдить ее передатчиком и подслушивающими устройствами после этого было несложно.

Дик нажал одну из кнопок видеоселектора. На экране появилось лицо заведующего отделом ДС, то есть Движения сопротивления.

— Макс, — обратился к нему Дик, — мне нужны фотографии наиболее активных боевиков из ДС. Отбери сам. Возраст между тридцатью и сорока. Волосы русые, — вспомнил он словесный портрет, — нос прямой, рост шесть футов и четыре дюйма.

— Ясно. Сейчас введу в программу, не отключайтесь.

Через несколько минут он снова появился на экране.

— Шеф, машина указала на пятерых, которые по приметам похожи на указанное лицо. Я вас подключаю.

Дик нажал кнопку дисплея и стал ждать.

— Стоп! — сказал он в видеоселектор. — Это третий. Дай мне его данные.

По экрану побежали строчки. Он начал читать.

— Павел Дубинин, он же Николай Сикорский, он же Ричард Вилли, он же... так... среди своих известен под первым именем. Русский, 32 года. В совершенстве владеет пятью языками... так, английским, французским, испанским, немецким и, конечно, русским. Дальше... В движении с семнадцати лет. Провел успешно десять акций. Какие? Ага! Питомники... так, два раза банк... так, еще что? Ага! Ликвидировал двух наших агентов. Последние два года не проявлял активности. Предположительное место нахождения — Канада. Да, это он. Введи в программу следующее: последние два года работал управляющим у Генриха Заманского, участвовал в его похищении. Ты записываешь? После слова «похищение» поставь в скобках знак вопроса. Возможно, что Заманский мертв. Дальше пиши — разрушил мост через ущелье, имеет любовницу, тоже знак вопроса, бывшую наложницу Заманского, лет восемнадцать, блондинка, зовут Ирина. Записал? Какая давность фотографии?

— Три, максимум четыре года.

— Сойдет. Изготовь мне их десяток.

— Слушаюсь, шеф! — экран погас.

Дик погрузился в размышления. Затем, не глядя, нажал кнопку селектора.

— Шарль, зайди ко мне, пожалуйста.

— Сколько у меня наличности? — спросил он, когда начальник финансового отдела политической полиции вошел.

— Вы имеете в виду?..

— Именно!

— Всего триста восемьдесят тысяч сто двадцать пять кредиток, — последовал ответ.

— Как?! Это все?

— Вы в последнее время много брали.

— Слушай, Шарль, — голос Дика звучал просительно. — Мне срочно нужно два миллиона.

— Может быть, взять из кассы полиции?

— Исключено. За них надо отчитываться.

— Без залога таких денег не достанешь.

— Я это учел. — Он открыл ящик стола и протянул Шарлю продолговатый футляр из замши.

— Как? Вы хотите... бриллианты вашей жены? — поднял брови Шарль, открывая футляр.

— Я их вскоре выкуплю!

— Не выйдет, шеф, — Шарль отрицательно покачал головой и пояснил. — Это слишком известная вещь. Вы не можете рисковать. Элита узнает, что вы остро нуждаетесь в неподконтрольных деньгах, и насто-рожится.

Дик задумался. Затем взял футляр и положил его на место.

— Ты прав, Шарль. Однако деньги мне нужны не позднее, чем через два дня.

— Через сколько времени вы сможете их вернуть?

— Максимум, — он мысленно подсчитал, — через двадцать дней.

— Тогда другое дело. Деньги будут. Я возьму из кассы и попрошу кассира не выписывать чек. Двадцать дней — это небольшой срок. До ревизии успеем.

— Хорошо! Действуй!

Он подождал, когда за Шарлем закроется дверь, и включил связь с начальником охраны.

— Рольф! — назвал он офицера по имени. — Где сейчас император?

— Уехал на охоту, — доложил офицер.

— Кто с ним?

— Третий взвод охраны.

— Я не об этом.

— Понял. Министр финансов и две из новеньких.

— Спасибо. Новенькие меня не интересуют. Когда вернется — до-ложишь.

— Есть, шеф!

«Итак, император держит слово. Это уже хорошо».

— Плохие дела, Дик, — начал разговор император. Они только что закончили ужин и закрылись вдвоем в кабинете.

— Что? Отказываются дать деньги?

— Деньги дают, но при определенных условиях.

— Каковы же условия?

— Они хотят, чтобы деньги ДС вручил их представитель и чтобы обмен состоялся непосредственно во время вручения денег.

Дик задумался, потом спокойно сказал:

— Что ж! Они имеют право. Пусть будет так. Место обмена мы скоро узнаем.

— А как же?..

— Все будет в порядке, — успокоил он императора.

— Тогда я сейчас вызову министра финансов. Он хочет обсудить с тобой детали.

— Было бы неплохо. Время не ждет.

— Привет, Дик! — широко улыбаясь, протянул ему руку министр финансов.

— Привет, Майкл! — так же широко улыбнувшись, шагнул навстречу Дик.

— Ты плохо нас охраняешь, — полусутоливо, полусерьезно начал министр финансов, усаживаясь в кресло, на которое кивнул ему император.

— Вы даете мало денег, — в тон ему ответил Дик и добавил: — Скупой, как известно, платит дважды.

— Ради бога! Сколько тебе нужно, ты только скажи, мы сейчас же дадим!

— Условными кредитками?

— А что?

— Видишь ли, мои агенты — люди капризные и предпочитают звонкую монету.

— А эти?.. что же... они тоже хотят звонкой, как ты говоришь?

— А ты что думал? В ДС тоже грамотные люди.

— Огромная сумма! Но... — вздохнул министр финансов. — Но надо выручать нашего Генриха!

— Вот именно, нашего, — проворчал внимательно слушающий их император, — поэтому моих денег не трогать! — строго предупредил он министра. — Если я за всех вас буду платить выкупы, то скоро разорюсь!

— А что, — насторожился министр финансов, — могут быть еще акции? — он с тревогой посмотрел на Дика.

Тот пожал плечами и развел руками.

— Из-за вашей скупости я не могу проникнуть в ДС и поэтому прошу извинить за дефицит информации. Ваши контролеры проверяют все мои расходы. Я не уверен, что они могут держать язык за зубами, особенно, если их начнут по-настоящему спрашивать. Поэтому я предпочитаю не рисковать своими лучшими агентами.

— Ну хорошо, хорошо. Мы вернемся к этому вопросу, — поспешил закончить неприятную для него тему министр финансов. — Что будем делать с Генрихом? Мы соберем деньги, но нужны гарантии.

— Скорей всего, ДС честно выполнит условие. Это, мне кажется, в их интересах.

— Не понял, почему в их интересах? — удивился министр финансов.

— Возможно, Генрих — не последняя акция такого рода, и они захотят, чтобы мы им верили. Там — деловые люди, — решил подлить масла в огонь Дик. — За тебя, например, могут потребовать больше, учитывая твою должность.

Министр финансов чуть побледнел.

— Тебе что-то известно?

— Благодаря твоей скупости, почти ничего. Почти, — со значением повторил он.

— Ладно, не ссорьтесь, — лениво протянул император.

— Но получая такие деньги, они же будут усиливаться!

— Конечно. Разве ты не помнишь, что Каупони в свое время поступал так же.

— Вот тогда у полиции было значительно меньше прав, чем сейчас.

— А сейчас — меньше денег, — упрямо возразил Дик и добавил: — Вам придется выбрать, кому платить: мне или ДС.

— Дик, уверяю тебя, мы решим этот вопрос в ближайшее время. Сейчас же давай обсудим детали, связанные с освобождением Генриха.

— Выкупа, — поправил его Дик.

— Да, выкупа, — согласился тот.

— Итак, какие гарантии вы хотите иметь еще?

— Генриха будет встречать наш представитель. Деньги будут вручены после того, как он убедится, что перед ним Генрих. Все это, начиная с движения машины до места встречи и кончая ее возвращением назад, будет сниматься видеокамерой с вертолета.

— Разумно, — согласился Дик. — Что ж, действуйте.

— Я могу быть свободен? — спросил он императора.

— Подожди, Дик! Я тебя не понимаю. Ты что, хочешь устранишься? Чем ты недоволен? — заволовновался министр финансов.

— Нет, все нормально. Так я пойду? — повторил он свой вопрос.

— Подожди, Дик, не кипятись, — примирительно остановил его император. — Объяснись толком.

— Видите ли, мне в будущем не раз придется иметь дело с ДС. Как мы убедились, у этой организации длинные руки. Поэтому я хочу, чтобы ДС знало, что я в этой игре не принимаю участия.

— Почему? — обескураженно спросил министр финансов.

— Потому, что эти господа могут пойти на авантюру, — не глядя на него и обращаясь непосредственно к императору, ответил Дик и пояснил. — Вместо того, чтобы выкупить Генриха, они попытаются отбить его, как только узнают место встречи. Поэтому пусть вступают сами в контакт с ДС и делают что хотят, а я не намерен играть потом роль дичи, на которую начнет охотиться ДС. Кстати, как прошла охота?

Император наконец понял игру Дика и включился в нее. Стал подробно рассказывать о прошедшей охоте. Министр же финансов буквально ерзал от нетерпения, но не решался перебить императора.

— Однако давайте вернемся к нашему вопросу, — попросил он, выждав, когда император наконец закончил. — Ты, — он повернулся к Диду, — можешь поверить моему слову?

— Могу, — со скучающим видом ответил тот.

— Что же ты, наконец, хочешь? — было видно, что нервы министра сдают.

— Жить, дорогой Майкл! Жить!

— Что же ты предлагаешь?

— Я? Абсолютно ничего! Если у тебя есть предложения, я их внимательно слушаю.

— Ну хорошо. На вертолете будут твои люди.

Дик молчал.

— Соглашайся, Дик! Мне уже надоел этот разговор! — сердито заявил император.

— Ну, если ты приказываешь — я подчиняюсь.

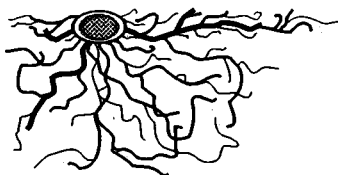
— Вот и хорошо. А теперь идите. Я хочу спать.

Дик и министр поклонились и вышли из кабинета, куда сразу же проскользнул старший евнух.

— Ты вроде бы неохотно согласился? Чего ты еще хочешь? — остановил Дика министр финансов на крыльце дворца.

— Да нет. Мне самое главное быть уверенным, что не произойдет ничего неожиданного. У вас же есть свои возможности. А у меня столько проблем...

Дик принялся рассказывать министру о своих неотложных делах, но тот слушал невнимательно и поспешил распрощаться. Дик посмотрел ему вслед и усмехнулся.

ДИССИДЕНТЫ

Вот уже три месяца Ирина живет в небольшом поселке на берегу голубого озера. Поселок затаился среди гор в густых лесах Западной Канады. Здесь двести лет назад, еще до введения закона о селекции, стояли большие города, было множество ферм и деревень, в которых жили около тридцати миллионов жителей. Леса постепенно вырубались, а кислотные дожди, приносимые с юга, довершили дело.

После установления режима, местность постепенно обезлюдела. Камни развалин городов медленно покрывались густым мхом, на кучах этих камней укрепились корни березы и мелкие кустарники. Оставшееся после селекционных кампаний население покинуло холодный и суровый край, переехало в более теплые места, на юг, в Калифорнию. Долгое время правительственные вертолеты охотились за местными индейскими племенами, которые, согласно закону, должны были быть подвергнуты самой жесткой селекции. Индейцы уходили в дебри, прятались. Их ловили, подвергали стерилизации, а иногда просто уничтожали. Потом их оставили в покое. Может быть, потому, что изменилась политика, а скорее всего из-за отсутствия способов обнаружения. Лет восемьдесят назад сгорел последний спутник Земли. Новые уже не запускались. Как ни скрывало это правительство, но техническая и научная мысль деградировала, и с каждым десятилетием все быстрее и быстрее. Спутники и ракетополеты уже

некому было проектировать и изготавливать. Да и не нужны они стали. Только лишние расходы.

Те несколько миллионов людей среднего класса, куда входила и техническая интеллигенция, уже не способны были даже поддерживать уровень науки и техники прошлых поколений.

— А собственно, — спрашивали, — зачем тащить на себе это бремя прошлого. Что оно дает для жизни? Разве сейчас не хватает жилья, продуктов питания, одежды? Всего этого мы имеем вдоволь и даже больше, чем прошлые поколения. Что, кроме загрязнения внешней среды, давала нам техника прошлого? Сейчас мы едим мясо и натуральные продукты, а двести лет назад вынуждены были довольствоваться суррогатами и искусственными белками. Техника ради техники? Прогресс ради прогресса? Это же наивно и смешно. Запускать спутники и платить за это отравленной средой? Дышать загрязненным воздухом? Вставать утром ни свет, ни заря, чтобы запастись на день водой? Книжки? Уничтожать миллионы гектаров леса и отравлять реки и озера, чтобы печатать горы макулатуры? Нет, господа! Прогресс не может быть только ради прогресса. Прогресс должен служить счастью человека. В его развитии есть своего рода критическая точка, переходить которую не следует. Ведь диалектика учит, что процесс по мере своего развития может перейти в свою противоположность. Мы уже были по ту сторону оптимального развития и, слава Богу, сообразили, что надо вернуться назад.

Классы? Ну и что? Биологического равенства нет и не может быть. Умный человек не равен дураку. Этого не надо доказывать. Если ты дурак или неполноценен, то должен находиться там, где тебе положено. Скажи спасибо, что тебе позволяют жить. Операция на мозге? Разрушение центра агрессии? Правильно делают! Если ты дурак, то твоя агрессивность приведет рано или поздно к преступлению. Разве общество не имеет права на самозащиту? Если ты родился умным, у тебя есть все возможности занять в обществе высокое положение и даже перейти в высший класс. Всеобщего равенства нет и быть не может! Эти вредные утопии долго морочили головы людям. Равенство может быть только среди равных! Не иначе! А иначе можно в конце концов допустить, что обезьяна равна человеку. А почему бы нет? Обезьяна не развивалась? Вот тут-то вы и попались! А если человек не развивается, не развивается его ум, физические и эстетические качества? Он что, должен быть равен развитому? Тогда, просим прощения, приравняйте себя и обезьяну! Ах! Мы утрируем? Позвольте-позвольте. Допустить дурака к управлению в государстве так же опасно, как допустить обезьяну к хирургической операции. А разве в нашей истории не было таких правителей, которых при жизни называли чуть ли не гениями, а после смерти — дураками? Вот видите!

Так рассуждало большинство людей, принадлежащих к среднему классу. Но не все. Были и другие. Они не разделяли стерилизованных взглядов и называли себя диссидентами. Диссиденты делились на умеренных или правозащитников, радикалов и самых крайних — Движение сопротивления. В большинстве своем они не отвергали сущности установленного строя, но хотели его реформации. Правозащитники или умеренные, признавая селекционные законы и деление общества на

классы, протестовали против злоупотреблений местных органов управления при селекционном отборе. Они требовали большей открытости и строгого соблюдения законов вне зависимости от принадлежности к тому или иному классу.

Радикалы шли дальше. Они требовали отмены элиты и уравнивания в правах с нею среднего класса. При этом не отвергали селекционную политику правительства, но выступали за строгий общественный контроль в ее осуществлении. Они также были против императорской власти и хотели ее заменить коллегиальным правлением.

Крайнее крыло радикалов — Движение сопротивления — провозгласило своим принципом действие. Его отряды совершали набеги на питомники и школы, похищали детей, спасая их от операций на мозге. Вся эта разношерстная публика находила теперь убежища в обезлюдевших местах планеты, спасаясь от преследований политической полиции. В одном из таких селений и очутилась Ирина. Здесь жили человек триста. В основном мужчины. Женщин, особенно молодых, было мало. Появление Ирины, естественно, вызвало большой интерес среди жителей. Павел поместил ее в небольшой хижине на краю поселка, окруженного со всех сторон огромными вековыми елями, между которыми сохранился прозрачный родничок.

— Это моя берлога, — пошутил он, сбивая с дверей приколотенные доски.

«Берлога» имела явно нежилой вид. Судя по всему, хозяин не был в ней уже несколько лет. Перво-наперво затопили печь, и, когда ее тепло несколько подсушило отсыревшие стены, Ирина, как могла, навела в ней порядок. Хижина представляла собой одну комнату, перегороденную досчатой стеной на два отсека. Двери между ними не было. Вместо нее висела полувыделанная шкура лося.

— Дверь я сколочу завтра, — пообещал Павел, — и поставлю внутренний засов.

— Зачем? — удивилась Ирина.

— На всякий случай. — И пояснил. — Я часто буду в отъезде.

На второй день он достал из-под пола замотанный в промасленные тряпки продолговатый предмет. Ирина раньше не видела ничего подобного.

— Это охотничье ружье, — объяснил он. — Необходимая здесь вещь.

Он разломил, как показалось Ирине, его пополам и критически осмотрел на свет ствола.

— Жаль, здесь трудно доставать заряды, — пожаловался Павел. — Я, правда, на этот раз привез их, думаю, что хватит.

Он тщательно почистил ружье и повесил на стену.

— Сегодня я поучу тебя с ним обращаться, — пообещал он. — А завтра утром мы пойдем на охоту. Тех продуктов, что мы с тобой привезли, хватит на зиму, а если охота будет удачной, то можно протянуть и до лета. Дичи здесь много.

В дверь постучали.

— Открыто! — крикнул Павел.

Вошел человек среднего роста, с прилизанными на бок волосами. Несмотря на теплый осенний день, на нем была меховая куртка.

— Здравствуйте, — поздоровался вошедший.

— Ну, здравствуй, — нелюбезно ответил Павел. — Что скажешь?

Вошедший нерешительно потоптался на месте, ожидая, что его пригласят сесть. Но Павел не двинулся с места.

— Вы удивлены моим визитом? Ну что ж, этого следовало ожидать. Однако, несмотря на наши глубокие политические разногласия, я счел своим долгом выразить вам свою и своих товарищей самую глубокую признательность за то, что вы для нас всех сделали.

Говоря это, он почему-то смотрел не на Павла, а на Ирину. Видя, что его не приглашают, вошедший придвинул к себе грубо сколоченный табурет и сел, расстегнув куртку.

Павел молча подкинул поленья в горящую печь.

— У вас здесь тепло...

— Да вы разденьтесь, — предложила Ирина, видя, что Павел молчит. Ей стало неловко перед гостем за явное пренебрежение, которое подчеркивал своим молчанием Павел.

— О, благодарю вас, — гость поспешно снял куртку и повесил на вбитый в стену гвоздь.

— Может быть, хотите чаю? — спросила она, снимая с плиты только что закипевший чайник.

— У вас есть чай? Настоящий чай? С удовольствием! Я уже забыл, когда пил его. Благодарю, благодарю, — повторил он два раза, принимая из рук Ирины чашку.

— Берите сахар, — она подвинула ему сахарницу.

Ирина налила чай Павлу и поискала на полке глазами чашку для себя, но не обнаружила и налила себе в пустую стеклянную банку, на стенке которой еще сохранилась часть наклейки.

— Возьми мою, — предложил Павел.

— Ничего, так вкуснее, — улыбнулась она, отхлебывая из банки. Заметив, что она стоит, гость поспешно вскочил с табурета, придвинул его к ней, а сам переместился на лавку у окна.

— Вы знаете, здесь, вдали от центров культуры и цивилизации, мы отвыкли от таких, казалось бы, маленьких и незначительных радостей жизни, как, например, этот чай. Мы постепенно грубеем...

— Вот и ехал бы себе в эти центры культуры, — нелюбезно буркнул Павел. Это были первые слова, которые он сказал гостю.

— Вы же знаете, что мои убеждения не позволяют мне находиться в стороне от борьбы...

— Толку-то от вашей борьбы...

— Напрасно вы так. У нас различные подходы и методы. Но цели-то у нас одни. Мы не должны враждовать, и мне непонятна ваша грубость, — обиделся гость. — Вы даже не представили меня даме!

— Эдуард Френкель — местный партийный лидер правозащитников, — неохотно назвал Павел гостя.

Френкель самодовольно улыбнулся и склонил голову.

— Как приятно видеть в такой забытой богом глуши очаровательную женщину! Позвольте узнать имя?

— Ирина, фамилии, к сожалению, нет. Есть номер, но он вас вряд ли интересует, — произнес Павел с вызовом в голосе.

Френкель открыл рот, чтобы ответить на очередной выпад Павла, но в дверь снова постучали.

— Еще один, — выдохнул Павел.

На пороге появился новый гость, высокий худощавый блондин в синих джинсах и белом шерстяном свитере. Он был молод, не больше тридцати двух, и если бы не белесые брови и красноватый цвет лица, можно даже назвать его красивым. Ирина, которая в своей жизни мало видела мужчин, взглянула на него с интересом. Павел заметил это и слегка нахмурился.

— Виктор Каминский, — представил он Ирине вновь вошедшего. — Тоже партийный лидер, но другого направления. Положительно, сюда сейчас сбегутся все...

Не обращая внимания на последние слова, Каминский подошел к Ирине и поцеловал протянутую для пожатия руку.

— Я не замужем, — смутилась Ирина, слабо пытаясь высвободить руку.

— Вдова по собственному желанию, — добавил Павел. Настроение его совсем испортилось.

— Итак, вы уже вернулись! — как бы констатируя событие произнес Каминский, медленно поворачиваясь к Павлу и склоняя голову в легком поклоне.

Павел фыркнул.

— Я слышал, — Каминский говорил медленно, растягивая слова, отчего его голос казался томным, — что у вас большие успехи.

— Не знаю, что вы имеете в виду.

— Ну как же? Вы вроде бы спасли всех нас? Мы вам весьма признательны.

— Право, не стоит благодарности, — насмешливо ответил Павел. — Вам-то меньше всего грозило.

— Почему? — вскинул брови Каминский.

— Ваше поселение даже не было занесено на карту.

— Вот как? Следовательно, мы хорошо законспирированы. Я не...

— Дело не в конспирации, а в отсутствии всякой деятельности, — перебил его Павел.

— Ах, вы опять за свое. Последняя конференция еще раз подтвердила наш главный принцип: накапливать и накапливать силы! Руководство вашей фракции присоединилось к общему решению!

— Накапливать силы — это не значит сидеть в норах. Если бы мы все так думали и поступали, то нам бы не удалось добыть карты и список провокаторов.

— А кстати, где список?

— Там, где он должен быть: в боевых группах. Впрочем, он скоро уже не понадобится.

— Вот как? Выходит, вы даже не поставили в известность ЦК партии, взяли на себя одновременно обязанности и судьи, и палача? При чем не кого-то, а наших товарищей по партии!

— Не товарищей, а провокаторов!

— Пока их вина не доказана — они наши товарищи!

— Мне достаточно того, что их фамилии попали в обнаруженные мною списки. Кроме того, я видел и письменные донесения некоторых из них.

— Вот видите! — быстро среагировал Каминский. — Некоторых! Только некоторых, а не всех! Вы исключаете, что в эти списки были занесены фамилии честных людей с целью провокации?

— И поэтому списки хранились в бронированном сейфе? Не смешите меня, Каминский! Хотя вы и член ЦК — я, кстати, голосовал против вас, — но сейчас говорите глупость.

— Я знаю, что вы голосовали против меня. Но это не имеет никакого значения. Поскольку я выбран в ЦК, то вправе требовать от вас отчета в ваших действиях!

— Ну и требуйте на здоровье! Если это доставляет вам удовольствие.

Каминский, который до этого продолжал стоять, теперь сел на лавку рядом с Френкелем, в то же время делая вид, что не замечает его присутствия.

— Послушайте, Дубинин, — миролюбивым тоном произнес он. — Вы слишком горячи! У вас, русских, вечно крайности. Вы либо анархисты, либо коммунисты. Вы либо не признаете вообще авторитетов, либо, избрав себе очередного идола, готовы идти за ним куда угодно.

— Селекция — не русское изобретение!

— Знаю! Я о другом. В сложившейся обстановке как никогда необходимо единение всех прогрессивных сил планеты. Мы должны выработать компромисс, золотую середину! Это азбука политики!

— И ждать еще двести лет? Вы поймите тоже! Двести лет тотального оболванивания населения! Вы готовы мириться с этим? Мириться с операциями на мозге?

— Не все сразу! Вы поймите, выдвигать сейчас максимальную программу — обречь все предприятие на провал. Мы только оттолкнем от себя умеренно настроенные круги населения. А если за нами не пойдет средний класс, который в общем удовлетворен пока создавшимся положением, мы потерпим неудачу. И более того! Неудача — это разгром партии и потеря всего, что было с таким трудом завоевано! Вы этого хотите? Надо завоевывать массы! Революция тогда и только тогда может рассчитывать на успех, когда идея революции охватит массы!

— Сейчас другая ситуация, Каминский. Массы, о которых вы изволите говорить, оболванены операциями на мозгах и одурманены наркотиками сновидений. Целый день эта ваша масса торчит у станков, чтобы к вечеру отключиться от действительности в сладком тумане. Что толку от такой массы? Надо вырвать массы сначала из дурмана наркотика. Тогда, может быть, у нее появятся идеи.

— Ну, допустим, вы правы. Но что вы можете сделать? Ну, вырвете десяток, другой, сотню, тысячу детей из питомников. Спасете из школ сотню девиц. Ну и что? Что дальше? Что это решит? Это же все частные акции местного назначения, только раздражающие правительство. Необходимы глобальные действия.

— Какие? Цукерманщина? Соблюдение законности при кастрации?

— Не только! Мы боремся за демократию.

— Дозированную, разрешенную?

— Хотя бы на первых порах и такую!

— Такую демократию в любой момент можно прикрыть.

— Если мы добьемся устранения императорской власти, даже при сохранении элиты, то это будет первым реальным шагом к освобождению.

— Мы добьемся? Смешно! Кто с вами считается? Если и произойдет смена императорской власти на власть элиты, обойдутся без вашего влияния.

— Пусть даже при помощи дворцового переворота! Но и эти перевороты прогрессивны! Каждый такой переворот будет сопровождаться уступками среднему классу. Шаг за шагом...

— Тысячелетний путь!

— А что вы предлагаете?

— Действие!

— Смешно! Сколько вас? Тысяча? Две? Десять? И все это против пятимиллионной армии, вооруженной по последнему слову техники, располагающей танками, вертолетами, бинарными газами? Вы авантюрист, Дубинин!

— Мы проникнем в армию...

— Проникайте! Вам там быстро накостыляют по шее. Вы забываете, что любой офицер, даже просто прапорщик, лучше материально обеспечен, чем профессор университета, я уже не говорю о врачах и инженерах.

Ирине надоел этот спор. Она не удержалась и зевнула.

— Господа! Имейте совесть! — вскричал Френкель. — Вы своими разговорами наскучили даме!

— Действительно, — Каминский поднялся. — Извините нас. Мы, кажется, увлеклись своими вечными спорами.

— И так каждый раз, — пожаловался Павел, когда за гостями закрылась дверь. — Одни разговоры!

— Но, может быть, они правы? — робко спросила Ирина.

— Если бы они были правы, то ты бы не сидела сейчас здесь! — жестко ответил Павел. — Когда судят категориями масс, то часто забывают о судьбе конкретного человека.

— Где же истина?

— Истина в вине, — горько усмехнулся Павел. — Если ты не возражаешь, у меня есть бутылка отличного вина, и мы сегодня вечером ее разопьем по поводу нашего благополучного приезда в эти земли обетованные.

Помимо обучения стрельбе и хождению на лыжах, Павел усиленно занялся образованием Ирины. В поселке было много книг. Но ими дорожили и берегли, как сокровища, очень неохотно давая читать другим. Где просьбами, где при помощи подарков, Павел раздобыл несколько, как он говорил, наиболее полезных книг. Теперь вечерами при свете самодельных свечей они вместе читали их. Павел часто останавливался, объясняя непонятные слова и места. Когда глаза ее уставали, он брал у нее книгу и продолжал читать вслух. Иногда она так и засыпала во время чтения и не просыпалась, когда он осторожно брал ее на руки и относил в постель.

Он настрелял белок, обработал шкурки и сшил из них одеяло. Несколько кайотов — и появилась шубка. Павел, казалось, умел делать все. Работал он молча, иногда тихо мурлыча или насвистывая под нос только ему одному известные мотивы. Ирина в таких случаях сидела неподалеку и украдкой наблюдала за умеренными движениями его сильных рук.

Она уже совсем отошла от пережитых испытаний. Минувшее казалось далеким, даже нереальным. Иногда, вспоминая его, она видела себя как будто со стороны. Все, что произошло там, в прошлом, произошло не с ней, а с другой женщиной. Подсознательно она хваталась за эту мысль и почти верила, что это именно так. Не было мучительного и позорного рабства тела, не было побоев, истязаний. Был только этот голубой снег под окном, эта пылающая печка, Павел, сидящий рядом с очередной работой в руках.

Павел... Она украдкой бросила на него ласковый взгляд. В ней давно уже проснулась женщина. Она ждала, но ждала робко, несмело, замирая каждый раз, когда он называл ее по имени.

В поселке шла упорная политическая борьба. Основные баталии разыгрывались между радикальным крылом умеренных и умеренным крылом радикалов. Эти две партии составляли в поселке большинство. Павел обычно не ходил на политические собрания, несмотря на постоянные приглашения. Ирину тоже приглашали. Приглашали даже более настойчиво, чем Павла.

Однажды она не выдержала и спросила его:

— Можно мне пойти? Я недолго, — тут же добавила она.

Павел пожал плечами.

— Иди, коли хочется, — и отвернулся.

— Обещаю доставить назад в целости и сохранности, — заверил Каминский. Павел смерил его с ног до головы насмешливым взглядом.

— Не сомневаюсь.

Однако Ирина почувствовала в его тоне едва скрытую угрозу. Она заколебалась, нерешительно смотря то на того, то на другого, но Каминский уже держал в руках ее шубку. Еще раз взглянув на Павла, она уже не хотела идти, но тот отвернулся. Вспыхнув с досады, Ирина оделась и вышла вслед за Каминским.

Снега выпало много. Его никто не убирал. Посреди улицы протоптана узкая тропинка. Каминский шел впереди, поминутно оглядываясь. Вот тропинка расширилась, Каминский остановился и, дождавшись Ирину, взял ее под руку. Так они дошли до дома, где проводились собрания. Скорее всего там раньше находилось какое-то торговое заведение, так как стены еще сохранили следы прикрепленных к ним когда-то полок, в виде полос более светлого цвета. В одном конце большой комнаты было устроено нечто вроде трибуны для ораторов, в самом же зале стояли грубо сколоченные скамьи, на которые уже усаживались люди. Каминский провел ее ближе к трибуне и сел рядом.

— Я буду давать вам пояснения, — шепнул он ей на ухо.

Ирина почувствовала, что справа от нее кто-то садится. Она обернулась и узнала Френкеля.

— Вы разрешите? — спросил он, раскланиваясь с ней.

— Вы же обычно сидите в другом месте, — недовольно бросил ему Каминский, не отвечая на поклон.

— А сегодня я хочу сидеть здесь! — с вызовом ответил Френкель.

— Вы что, перешли в нашу партию? — насмешливо спросил Каминский. — Ваши сидят вон там, — он кивнул вправо. — Чего доброго, они подумают, что вы переметнулись к нам.

— Не беспокойтесь, они ничего плохого не подумают, — заверил Френкель, вставая и раскланиваясь с входящими.

— Я посижу пока здесь! — крикнул он через зал кому-то.

Постепенно все уселись, разговоры прекратились и на трибуну вышел оратор. Раздались хлопки. Оратор подождал, пока они утихнут, и начал.

— Дамы и господа! Близится час, когда мы покинем этот суровый край, приютивший нас — изгнанников кровавого режима и жестокого террора, когда мы сможем вернуться в цивилизованное общество. Час близится! Во всем мире нарастает освободительная борьба. Я напому вам, что недавно закончил работу седьмой съезд партии, который призвал к консолидации всех прогрессивных сил планеты. Съезд выбрал новый ЦК и определил программу-минимум: свержение монархии.

Раздались аплодисменты, возгласы «Долой императора!», на что правая сторона ответила криками «Авантюристы!» и свистом.

Оратор подождал, пока публика утихнет, и продолжал:

— Да! Долой императора! Да здравствует республика! Я знаю, — он выбросил руку и обвинительным жестом указал вправо, — умеренные не хотят республики. Они выступают только за ограничение власти монархии, за сохранение режима террора и насилия.

— Неправда!!!

— Как неправда? Разве можно говорить о демократии, о правах человека, которые вы тут превозносите, если сохранить монархический образ правления. Но мы не будем спорить с вами. Волна революции, которая набирает силы, сметет монархию и установит республику, хотите ли вы этого или нет, господа. Я продолжаю. Съезд призвал добиваться важнейших демократических реформ. Во-первых, то-есть во-вторых, отмена мозговой стерилизации людей, которым судьба уготовила быть в низшем классе. Второе, вернее, простите, третье — денежная реформа, отмена двойной валюты.

Зал разразился аплодисментами.

— Четвертое: смягчение законов селекции и расширение состава и прав третьего класса. Мы требуем, чтобы в будущем правительстве не менее половины всех мест занимали представители нашего класса. Мы требуем смягчения ограничений на права собственности представителей среднего класса. Свободы торговли. Разрешения на издание независимых газет и журналов. Мы требуем...

— Пойдите, Свенсон! — крикнул, поднимаясь со своего места, Каминский. — Почему вы протаскиваете в решение съезда свои фракционные лозунги? Как известно, съезд не одобрил многие из них. Вы оказались в меньшинстве и теперь пытаетесь убедить нас, что за вами пошло большинство съезда.

Он вышел и, отстранив Свенсона, взошел на трибуну.

— Извините меня, Свенсон, но вы и ваша фракция болтаетесь, как... я бы сказал, щепка в проруби. Вы не примкнули к большинству, ни к экстремистским группам, которые называют себя ДС, то есть, Движение сопротивления. Те говорят более открыто: давайте начнем стрелять. Вы же не призываете к стрельбе, но требуете таких вещей, которые неизбежно приведут к стрельбе. Не надо строить радужных надежд, Свенсон. Надо быть реалистом. Революционной обстановки в обществе пока нет. Вы же выдвигаете лозунги, как будто революция уже началась. Это, как правильно кто-то крикнул из зала, чистой воды авантюризм. Партия не пошла за вами, прекрасно понимая, что вслед за этим последует ее полный разгром. Ваши требования не учитывают экономических последствий. А политик, который не учитывает экономики, — не политик, а фразер.

Вот, к примеру, отмена мозговой стерилизации. Вы представляете, к каким пагубным в настоящее время экономическим последствиям приведет она? Остановятся заводы и фабрики. В мире наступит голод, так как сельское хозяйство не сможет обеспечить всех продуктами питания. И кто же пострадает в конечном итоге? Средний класс, о котором вы больше всего печетесь. Вот куда вы нас тянете, Свенсон! Другое дело — постепенное ограничение мозговых операций. Здесь мы можем согласиться. Но это процесс длительный, и не надо торопить события. Мы ведь тоже за ограничение применения мнемofilмов и вживления этих ужасных электродов. Но можно ли сейчас серьезно говорить о полном отказе от них? Нельзя и опасно, так как привыкшие к мозговой стимуляции люди не перенесут резкого прекращения ее. Нет, надо действовать постепенно. Процесс этот займет десятилетия и столетия.

Далее вы тут говорили о каких-то пятидесяти процентах мест в будущем правительстве для среднего класса. Отдаете ли себе отчет в сказанном? Средний класс не готов сейчас принять бремя власти. Здесь опять-таки надо идти другим путем, путем постепенного стирания граней между элитой и средним классом, когда лучшие представители среднего класса могут войти в состав элиты. Требовать же отмены элиты — значит свергнуть мир в политический хаос. Поэтому нам надо не входить в непримиримую конфронтацию с элитой, а присоединиться к ней в ее борьбе с монархией. Так, шаг за шагом, закрепляя достигнутое, человечество придет к свободе и демократии.

И последнее. Вы тут говорили о свободе печати и денежной реформе. Допустим, вводится новая единая денежная система, заработная плата выдается в обеспеченной валюте. Что произойдет? А произойдет то, что люди кинутся в спецмагазины и создастся острый дефицит товаров. Некоторые промышленные изделия не получат сбыта. Произойдет затоваривание одних продуктов и острый дефицит других. Это приведет к нарушению экономического равновесия. Вы, Свенсон, вообще очень слабы в экономике. Вам надо учиться и учиться!

Каминский кончил говорить и под аплодисменты большинства сошел с трибуны и сел на место.

— Вам все было понятно? — тихо спросил он у Ирины.

Та кивнула, хотя больше половины сказанного ей было совсем непонятно. Она хотела узнать, выступает ли партия Каминского за отмену продажи девушек, но не решилась.

— Прекрасно! Прекрасно! — одобрительно произнес так же тихо Каминский.

Она почувствовала, как его рука касается ее. Подождала, но видя, что он ее не убирает, осторожно высвободила свою руку и засунула в карман шубки.

— Тут уважаемый господин Каминский упрекнул господина Свенсона в незнании экономики. Что ж! Я давно замечаю, что радикалы очень увлекаются собственными теориями, но весьма и весьма поверхностно относятся к общим законам развития и становления общества.

Ирина только сейчас обнаружила, что справа от нее нет Френкеля. Незаметно он покинул свое место и очутился на трибуне.

— А зачем им изучать законы развития общества, — Френкель пожал плечами, сделал паузу и окинул взглядом слушателей, — если они сами их изобретают! — закончил он под смех и одобрительные хлопки своих сторонников. — Господин Каминский, при всем моем уважении к его ораторским данным, я должен сказать, страдает односторонним гипертрофированным экономическим подходом к истории. Не спорю, экономика и политика тесно связаны между собой. Но стоять лицом только к экономике и забывать о других факторах — это, простите, результат поверхностного образования, незнание истории. Да-да! Простите меня, но так можно сказать, что единственным существенным событием в Древнем Риме во времена правления Флавиев было то, что Веспасиан, основатель династии, обложил налогом общественные туалеты...

Смех, возмущенные возгласы, хлопки, свист, топанье ног.

— Господа! Я прошу прощения за столь фривольный пример, но разрешите продолжить.

Возглас: — Только серьезно!

— Вот именно! Я и хотел перейти к серьезным вещам. Основа демократии — это разделение власти! Почему человечество сделало такой вывод? Потому, что человеку всегда было свойственно стремление к власти. Это чувство всегда двигало и деспотов, и демократов. Да, господа, демократов! Я не оговорился!

Концентрация власти в руках одного лица или одной группы неизбежно приводит к созданию возможности злоупотребления этой властью. А коль такая возможность есть, почему бы ею не воспользоваться? Что мешает? Думать иначе — значит делить человечество на добрых и злых, на плохих и хороших, то есть опуститься на уровень мышления трехлетнего ребенка. Разделение власти и борьба за власть между отдельными группировками не исключает злоупотребления властью, но смягчает и делает это все труднее и труднее, так как нарушение законов одной группировкой сейчас же вскрывается другой, которая и использует это в своей борьбе за власть.

Так обстоят дела, когда борьба за власть является гарантией меньшего злоупотребления ею.

Что же предлагает Каминский? Ликвидировать власть императора и передать ее элите. Другими словами, просто-напросто перейти от одного вида концентрации власти к другому, может быть, еще худшему, так как насытить властью одного человека легче, чем многих. Мы выступаем не за свержение императора, а за ограничение его полномочий, то есть создание хотя бы некоторых условий разделения власти. В борь-

бе с элитой император будет нуждаться в поддержке народа и делать ему уступки, чтобы получить эту поддержку. Элита же в борьбе с императором будет поступать так же. Таким образом, мы будем копить и сохранять уступки власти, пока не придем к действительно демократическому обществу. Пусть на это уйдут столетия. Но это верный путь. Я, если позволите, приведу вам пример из истории средневековья. Когда-то католическая церковь боролась за власть с монархией, а монархия с церковью. Борьба эта привела к эпохе Возрождения. Так будем же способствовать и мы возрождению человечества из праха, тьмы и террора!

— И сколько же придется ждать этого возрождения? — раздался сзади громкий голос. Все обернулись. У входной двери стоял высокий светловолосый человек с такой же светлой, чуть рыжеватой, коротко стриженной бородой, с трубкой во рту. По-видимому, он зашел уже давно, так как снял меховую куртку и остался в толстом белом шерстяном, грубой вязки, свитере. Куртку он небрежно перекинул через плечо. Не дождавшись ответа, пришедший вынул трубку изо рта, небрежно сунул ее в карман и пошел к трибуне, протискиваясь боком в узком проходе между скамьями.

— Кто это? — спросила Каминского Ирина.

— Странно, что он здесь, — не отвечая на поставленный вопрос, задумчиво проговорил Каминский и тут же спохватился:

— Простите, не расслышал вашего вопроса.

Ирина повторила.

— Это один из боевиков ДС. Олаф. Не то норвежец, не то исландец. Фамилия его неизвестна.

Олаф между тем протиснулся к трибуне, подошел почти вплотную к Френкелю и, глядя на него с высоты своего роста, повторил вопрос. Маленький Френкель заметно стушевался, но тут же взял себя в руки и спокойно ответил:

— Надо запастись терпением. История не делается быстро.

— Терпением? — повторил Олаф. Он протянул правую руку и обнял Френкеля за плечи.

— Дорогой Френкель, — обращаясь больше к залу, начал он. — Вы — один из крупнейших теоретиков. Я читал вашу брошюру о разделении власти. Все, что вы по этому поводу говорите и писали, все верно. Но...

— Отпустите меня! — фальцетом вдруг закричал Френкель. — Что за манеры? — Он пробовал вырваться, но скандинав держал его крепко, не прилагая при этом заметных усилий.

— Вы говорите — терпение. Но пока вы тут теоретизировали, — он взглянул на часы, — в мире произведено больше тысячи мозговых операций, продано десять девушек в гаремы элиты. — Он внезапно отпустил Френкеля и тот от неожиданности свалился с трибуны.

— Хулиганство! — крикнул кто-то из зала.

— Простите меня! Вы сказали хулиганство? То, что вы здесь говорите и делаете, хуже хулиганства. Это предательство, предательство в отношении тех, кто сейчас испытывает страдания, унижения человеческого достоинства. Предательство по отношению к двум миллиардам искалеченных людей и к миллионам и миллионам детей, которых ожи-

дает та же участь. Предательство по отношению к еще не родившимся. Вместо активной борьбы с фашизмом и бесчеловечной системой вы здесь предпочитаете заниматься политической болтовней.

— Ну это уж слишком! — Каминский вскочил со своего места. — Вы забываетесь! Мы тоже отрицательно относимся к системе, иначе мы были бы не здесь. Но называть ее фашистской мы не можем позволить. Это незнание истории, если не хуже. Вам известно, что фашизм, явление XX столетия, сопровождался физическим уничтожением людей по расовым признакам. Фашизм — это концлагеря, крематории, расстрелы и пытки. Где вы сейчас их видите? У нас даже нет тюрем!

— Наша планета — это сплошной концлагерь! — крикнул в ответ Олаф.

— Так взорвите его! — закричал в свою очередь Каминский.

— И взорвем, — уже спокойно пообещал Олаф.

— Это несерьезно! У нас политическая дискуссия, здесь не место ребяческим выходкам!

Волнение в зале нарастало. Собравшиеся повскакивали с мест. Слов уже не разобрать. Каждый кричал свое. Несколько человек поднялись на помост и что-то объясняли Олафу, возбужденно размахивая руками.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Ирина Каминскому, но тот не слышал ее, устремившись к помосту. Ирина встала и пошла к выходу. В дверях ее нагнал Френкель.

— Я провожу вас, если разрешите, — предложил он.

Они вышли и пошли рядом.

— Вы знаете его? — спросила она, когда они уже прошли больше половины пути.

— Олафа? Знаю, конечно! Это очень храбрый, но крайне несдержанный человек. Поймите, сейчас идти на вооруженную борьбу — значит заранее обресть себя на поражение. Что мы можем противопоставить армии, всей хорошо продуманной и слаженной системе? Фактически ничего. Следовательно, поражение неминуемо. А поражение — потеря того, что уже завоевано.

— А что завоевано?

— Ну как что? Много. У нас уже есть политические партии. Правда, пока они на нелегальном положении, но это только начало. Придет время, и мы вступим в неизбежный, как я думаю, период развития, когда правительство вынуждено будет допустить легальную оппозицию. Поймите, это неизбежно. Весь опыт человеческого развития учит, что без легальной оппозиции наступает застой в развитии и деградация. Это должны понять и наши правители.

— Мне кажется, вы их плохо знаете, — возразила Ирина. — Вы не думаете, что нашим правителям глубоко безразлично то, есть ли застой в обществе или нет, идет ли деградация или не идет? Их это не интересует. Олаф, наверное, прав. Я сама была на положении бесправной рабыни и знаю, что это такое. Лучше смерть!

— Я вам глубоко сочувствую. Разве я не понимаю, разве я не хочу свободы и демократии? Разумеется, хочу и первый бы приветствовал наступление этого времени. Но надо же быть реалистом. Сейчас не время для вооруженной борьбы. Олаф призывает фактически к революции.

Прекрасно! Замечательно! Но с кем и с чем делать эту революцию? Как он справедливо сказал, два миллиарда, то есть почти девяносто процентов населения умственно кастрированных. С ними что ли делать революцию? Вы меня извините, но это бред.

— Что же тогда делать?

— Накапливать силы. Беречь уже достигнутое.

— Сколько на это потребуется времени? Столетия? Тысячу лет?

Френкель остановился и развел руки.

— Не знаю, — откровенно признался он. — Ход истории не зависит от наших желаний. Может быть... — он задумался, как будто ему сейчас в голову пришла новая мысль.

— Что? — спросила она, тоже останавливаясь.

— Может быть, наступит глубокий кризис системы и создаст новые политические условия...

Сзади послышался скрип снега под ногами быстро идущего человека. Ирина обернулась и узнала в идущем Олафа.

— А, это вы! — приветствовал, поравнявшись с ними, Олаф Френкеля.

— Вы к Дубинину? — Френкель отступил в сторону, давая ему дорогу.

— Да, мы еще не виделись. А вы, позвольте спросить, куда направляетесь?

— Вот провожаю даму туда же, — ответил Френкель.

— Так вы и есть та самая Ирина? — обрадованно воскликнул Олаф, поворачиваясь к ней и пристально вглядываясь в лицо. Как же, как же. Слышал о вас и чрезвычайно рад встрече.

— Вы друг Павла? — спросила она, протягивая ему руку.

— Самый близкий! — ответил он, мягко и осторожно пожимая ей руку в варежке из заячьей шкурки.

Ирина обернулась к Френкелю, как бы извиняясь.

— Я, может быть, пойду? — понял он. — У вас теперь есть провожатый.

— Спасибо вам, что проводили.

— Это вам спасибо. — Френкель церемонно раскланялся и засеминал в обратную сторону.

— А мне Павел ничего о вас не рассказывал, — обернулась Ирина к ожидающему ее Олафу. Они пошли рядом. Ирина по тропинке, а Олаф — по глубокому снегу, доходящему до половины его меховых сапог.

— У нас не принято рассказывать друг о друге. Такая, знаете, работа...

— Вот мы и пришли! — Ирина остановилась у досчатой низенькой калитки. В окне дома горел свет.

— Павел! К тебе гости! — крикнула она, открывая дверь дома.

Павел сидел на табурете у открытой дверцы плиты и что-то шил из грубовыделанной лосяной шкуры.

— Олаф! — вскрикнул он, увидев вошедшего, вскакивая и раскрывая объятия.

— Подожди! Дай стряхну снег! — смеялся тот.

— Живой! — Павел тискал Олафа, хлопал его по спине.

Ирина невольно залюбовалась ими. Они были примерно одинакового роста, высокие, широкоплечие.

— Как видишь! Жив! Хотя, признаться, думал, что не уйду из последней переделки. Мы попали в засаду, потеряли троих, но все-таки доставили детей по назначению. Ты тоже, мне говорили, был в передраге.

— Не без этого. Надо было добыть списки провокаторов.

— Знаю! Все знаю! Мы же получили их копии. Как туда попал Станецкий? Это такая для всех неожиданность!

— Ирина, собери нам чего-нибудь, — попросил Павел. — Ты, наверное, голоден? — спросил он, принимая у Олафа куртку и вешая ее на гвоздь.

— Как волк!

— Я вам поджарю олений окорок, — предложила Ирина.

— Давай окорок, — согласился Павел.

— И чаю, чаю, если можно, — попросил Олаф.

— Обязательно! Я уже поставила кипятить воду. У нас есть прекрасная заварка!

— Да, Станецкий был и для меня полной неожиданностью, — продолжил разговор Павел. — Когда я прочитал его фамилию, не поверил своим глазам. Кто-кто, но он? Ведь сколько раз был с нами в деле. Его допросили?

— Да, как и других, перед расстрелом.

— Что он говорил?

— Сначала все отрицал, а потом признался, что его завербовали два года назад. Да! Тебя уже тогда с нами не было! Мы проводили операцию и при отходе обнаружили, что с нами нет Станецкого. Он объявился через два месяца и предоставил вполне убедительные объяснения своего длительного отсутствия. Путь, как он говорил, к отступлению был отрезан. Он действительно отходил последним. Поэтому пришлось возвращаться на базу другой дорогой. Мы это, конечно, проверили, и все подтвердилось. Как выяснилось на допросе, он был захвачен. У него, конечно, сняли мнемограмму, откуда и стали известны наши базы. Затем ему предложили либо операцию на мозге, либо подписку о вербовке. Он предпочел второе, считая, что после записи мнемограммы наши базы будут ликвидированы. Вот, между прочим, загадка, которую мы не могли понять. Почему нас не тронули?

— Как я понимаю, сведения, которые они узнали от Станецкого, оказались недостаточными. Они хотели сначала получить полную информацию, раскрыть все наши базы и потом одним ударом покончить с ДС. Если бы акцию предприняли раньше, то другие базы изменили бы свое местонахождение. К счастью, занималась этим не политическая полиция, а лично Заманский, который имел собственную полицию и, как мне кажется, находился в натянутых отношениях с начальником полиции. В общем, он хотел все сделать сам и не делить ни с кем почестей.

— Мужчины! За стол! — пригласила Ирина, снимая с плиты сковороду с шипящей олениной. Она поставила тарелки на стол и вдруг спохватилась:

— У нас только две вилки!

— Ничего! Я буду есть ножом! — Олаф вытащил из ножен остро отточенный клинок.

— Это еще тот? — спросил Павел.

— Да! Мой талисман!

— Ох, черт возьми! Совсем забыл! — он быстро поднялся и подошел к висящей на вешалке куртке.

— Посмотрите, что у меня есть! — сказал он, ставя на стол бутылку шотландского виски.

Мужчины выпили. Ирина только смочила губы. Виски ей не понравился.

— А ты прав! Оно лучше неразведенное, — Олаф подцепил ножом большой кусок оленины и отправил в рот.

— Разбавь соком брусники, — сказал Павел, заметив, что Ирина не стала пить виски. Он достал с полки банку с соком и налил ей в стакан до половины. Ирина попробовала.

— Ну что? Лучше?

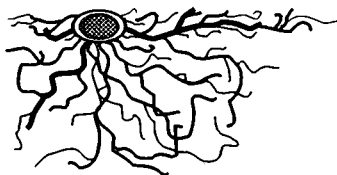
— Ммм, — кивнула она и чему-то рассмеялась.

— Однако ты не спрашиваешь, почему я здесь, — Олаф взял еще кусок мяса и с наслаждением понюхал. — На чем коптили? — Он еще раз втянул в себя запах жареной оленины и определил. — Бук!

— И еще дикая вишня, — уточнил Павел. — Жду, когда ты сам скажешь, — ответил он на вопрос Олафа. — Наверное, новое задание?

— На этот раз не угадал, — он засунул руку за ворот свитера и попытался что-то достать. — Простите, не достану, — извинился он перед Ириной, встал и отвернулся.

— Тебе письмо, — сказал он, поворачиваясь и протягивая Павлу смятый конверт.

ЖЕНА

Генерал сдержал слово. Через три месяца после происшедших событий он снова появился в усадьбе. На этот раз он прибыл на вертолете. Мост через пропасть и дорога еще не были восстановлены и неизвестно, когда будут, так как восстановительные работы так еще и не начались.

Вместе с ним прилетели Рональд и еще десять полицейских. Это были молодцы двухметрового роста, вооруженные на этот раз бластерами.

Генерал привез с собой пакет, вскрыв который, Мария обнаружила в нем документ о признании Генриха Заманского-младшего приемным сыном и законным наследником Генриха Заманского-старшего. Второй документ удостоверял ее право на опеку и распоряжение имуществом Генриха Заманского до его совершеннолетия.

— Дня через три сюда придут поверенные в ваших делах и введут вас во владение наследством. Вернее, официально вы уже можете распоряжаться имуществом. Вот ваша чековая книжка, — он протянул ей банковскую книжку. — Ваш счет в банках в наличности и ценных бумагах составляет что-то около ста двадцати восьми миллиардов семисот миллионов. Поверенные должны вас только информировать о состоянии дел.

Он выжидательно посмотрел на Марию. Та поняла.

— Я согласна быть вашей женой, Дик, — просто сказала она.

— Тогда через три дня мы подпишем брачный контракт!

— Как вы хотите.

— Это еще не все. Мне удалось, на основании посмертного письма Александра, добиться признания вас законной женой и вследствие этого четвертая часть имущества Александра переходит непосредственно в вашу собственность. Остальные три четверти наследует ваш сын. Мне это стоило больших хлопот, но я хотел, чтобы вы в любом случае были обеспечены. Кто знает, что нас ждет в будущем. Случись что-нибудь с вашим сыном или со мною...

— Спасибо, Дик. Я этого никогда не забуду.

— Я только хочу, Мария, чтобы вы знали. Я искренне полюбил вас. Вы умная женщина и должны понять, что одно другому не мешает. Наше деловое соглашение сделало нас союзниками и, я надеюсь, друзьями, но человек в нашем мире, как правило, одинок. Трудно жить, не доверяя никому на свете, — генерал говорил искренне и Мария это чувствовала.

— Поняв, что такое одиночество, — продолжал генерал, — начинаешь испытывать страшную тоску по действительно близкому человеку...

— Я, кажется, понимаю вас, Дик. Я постараюсь быть для вас именно таким человеком.

Через три дня брачный контракт был подписан, и Мария стала женой Дика.

Вскоре она поняла, что может полюбить своего нового мужа. Это не ускользнуло и от Дика. Будучи умным человеком, он не торопил события. Взяв себе за правило проявлять в отношении Марии, теперь уже его жены, внимание, такт и уважение, он значительно продвинулся в осуществлении своей цели, которую и не скрывал.

— Я побуду здесь еще неделю, — сообщил он за ужином жене.

— Мне жаль, что ты так скоро уедешь, — вполне искренне сказала Мария. — Надеюсь, ты скоро вернешься.

— Спасибо! Я рад, что ты так говоришь, — улыбнулся Дик. — Как только позволят дела, я немедленно приеду. Тебе пока следует оставаться здесь. Это даже хорошо, что долина сейчас отрезана от всего мира. Здесь ты будешь в полной безопасности.

— Мне разве что-то угрожает? — удивленно подняла брови женщина.

— Не столько тебе, сколько твоему сыну.

— Ты меня пугаешь.

— Выслушай меня внимательно. У меня, как ты догадываешься, немало врагов.

— Это вполне естественно, — согласилась Мария. — Пост, который ты занимаешь...

— Теперь не только это, — нетерпеливо перебил ее Дик. — Прости, пожалуйста...

— Ничего, продолжай.

— Вполне естественно, что весть о нашем браке скоро станет общеизвестной, если уже не стала. Понимая, что в моем распоряжении теперь оказались громадные суммы, меня будут опасаться еще больше. А

так как возможность использовать их зависит от того, жив ли твой сын или нет, то его постараются убить.

— То есть убить? — побледнела Мария.

— Да! Если твой сын умрет, то его состояние будет конфисковано. Ты не сможешь его наследовать, так как не состояла в браке с Генрихом. Я тут оставляю своих ребят, — продолжал он, — это преданные лично мне люди, проверенные не раз в деле. Я их снабдил оружием, которое не имеет даже армия. Спустя некоторое время сюда прибудет еще партия моих людей. Тебя и твоего сына будут охранять тщательнее, чем самого императора. Но и ты должна быть осторожной.

— Что я должна делать?

— Ты не должна нанимать себе новых слуг. В крайнем случае, их я доставлю тебе сам. Фермеров, которые снабжают вас продуктами, я уже тщательно проверил.

— Мне жаль, что с ними так получилось, — вспомнила Мария события прошлого лета.

— Сами виноваты! Двоих так и не удалось спасти. Хочу отдать должное вашему бывшему управляющему. Он сам никого не убил, но парень, я скажу, что надо!

— Как там Ирина... Жива ли?

— Их след затерялся в лесах Канады. Думаю, что оба живы. Я давно знаю этого парня. Это один из лучших агентов Движения сопротивления. У него много имен, но среди своих он известен под фамилией Дубинин.

— Он что, русский?

— По-видимому. — Дик с минуту молчал. По его лицу было видно, что он хочет задать вопрос, но колеблется.

— Ты хочешь что-то спросить?

— Да, но ты можешь не отвечать... Вы надежно спрятали тело Генриха? Я это спрашиваю потому, что остроумно подброшенная версия о его похищении при проверке не подтвердилась. Мне пришлось исправить допущенные вами ошибки, чтобы ее окончательно подтвердить.

«Зачем он меня об этом спрашивает? Ему, очевидно, все известно. Но спрашивает... Следовательно, проверка... Теперь уже на искренность».

— Можешь быть спокоен! Тела его нет. Оно растворилось в ванной с едкой щелочью, — ответила Мария и вся внутренне сжалась.

— Так я и предполагал. Это произошло, когда он избивал Ирину? Вошел управляющий и...

— Нет, управляющего позвали, когда уже все было кончено... Это я его!..

— Ты?! — впервые за все знакомство Мария видела такое неподдельное его удивление.

— Нет! — он наконец справился с волнением. — Ты действительно та женщина, о которой я мечтал всю жизнь! Я имею в виду не само убийство, — быстро пояснил он, — а то самообладание, с которым ты держалась после. Так ловко провести... И кого? Меня! Ну что же. Между нами нет теперь ничего невысказанного. Я вижу, что ты мне полностью доверяешь. Это очень важно! Доверюсь и я тебе, так как твоя

помощь мне будет необходима, и я не хочу, чтобы ты действовала с «закрытыми глазами». Если ты не возражаешь, пройдем в кабинет.

В кабинете Мария обратила внимание на то, что вместо старого сейфа, разрезанного лучом бластера в ту памятную ночь, стоит новый, более массивный.

— Садись сюда, — он придвинул ей кресло и достал из кармана ключи. Открыв сейф, он вытащил из него чемодан.

— Вот это надо передать твоему бывшему управляющему, — сказал он. — Здесь часть тех денег, которые предназначались для выплаты выкупа за Генриха. Всего двести миллионов.

— Ничего не понимаю! Ведь Генрих мертв!

— Постараюсь объяснить. Генриха, как было обусловлено, передал представителю правительства представитель Движения сопротивления.

— Не понимаю...

— Генрих сел в машину, — продолжал Дик, не обращая внимания на ее крайне удивленный вид. — Потом, на дороге в горах, произошел несчастный случай. Лопнул передний левый скат и машина сорвалась в пропасть. Все это от начала и до конца фиксировалось на видеопленку с вертолета, который сопровождал машину вплоть до аварии. В результате падения машины с высоты в три тысячи футов опознать трупы не представлялось возможным. Но на видеопленке эксперты опознали Генриха, когда он шел к машине и сел в нее. Погибли, кроме него, заместитель министра финансов и шофер с двумя охранниками.

— Так эти деньги?..

— Выкуп за Генриха. Часть их мне пришлось израсходовать. Я думаю, ДС ко мне не будет иметь претензий. Видишь ли, я уже говорил, что пришлось исправлять некоторые ваши ошибки. Если бы элита не убедилась в том, что Генрих действительно похищен, то сюда прислали бы опытных криминалистов и тебе уже не удалось бы избежать мнемогаммы.

Мария поняла, что Дик ее спас, и с благодарностью дотронулась до его руки.

— Но дело не только в этом, — продолжал Дик, — мне действительно крайне необходимо, чтобы эти деньги попали к ДС и именно к Павлу.

— Но этими деньгами ты усилишь ДС!

— А мне и надо, чтобы оно стало действовать активнее.

— Я опять не пойму. Это же антиправительственная организация. Разве твои убеждения позволяют...

Дик встал с кресла и прошелся по кабинету, затем остановился и стал смотреть на нее. Мария увидела, что глаза его смеются.

— Убеждения, моя милая, идеология и прочая дребедень — это фиговый листок, прикрывающий политику. Когда приходит время действовать, этот фиговый листок снимается, чтобы не мешал. Те же, кто неспособны к действию, а следовательно, к политике, всю жизнь носят такие фиговые листки, прикрывая ими свою политическую импотенцию. Поясню тебе. Чем выше активность ДС, тем шире простор для действий политической полиции, а следовательно, и для меня — ее главы.

— Ты хочешь власти?

— Да! Именно ее! Власть — это та вершина, на которую я хочу взойти!

Он стоял почти вплотную к ней и она вынуждена была, чтобы видеть его лицо, поднять голову. Она попыталась встать, но он положил ей руку на плечо.

— Но зачем она тебе? — спросила Мария, глядя на него снизу вверх. — Ведь ты сам говорил, что человек там абсолютно одинок.

Дик отпустил ее плечо и снова заходил по комнате. Затем приблизился к окну и стал задумчиво рассматривать что-то происходящее во дворе.

Мария встала, тоже подошла к окну. Дворник и двое рабочих деревянными лопатами, обитыми по краям жестью, убирали выпавший за день снег. Тут же крутились две огромные овчарки, которые привез с собой на этот раз Дик. В свете ярко горящих фонарей снег искрился и переливался мерцающим холодным голубым светом.

— В этом году выпало много снега. Ты когда-нибудь ходила на лыжах?

— Когда? Я вообще-то в первый раз побывала за оградой, когда ты нас с Ириной возил к морю.

— Завтра мы совершим прогулку, — пообещал Дик, — а теперь, — он посмотрел на часы, — пора спать.

Он подошел к столу, взял чемодан с деньгами и запер его в сейф.

— Отвечу тебе на твой вопрос. Зачем мне власть? Для того, чтобы иметь возможность изменить реальность. А потом, — он улыбнулся и привлек ее к себе, — я не буду одинок. Вместе со мною будешь ты!

— Ты хочешь изменений?

— Да! Они необходимы, — он отпустил ее и снова заходил по комнате. — Никто, — продолжал он, — не понимает ситуацию так глубоко, как я, ко мне поступают все сведения о действительном положении вещей. Мы деградируем и деградируем с большим ускорением. Надо ремонтировать всю систему. Мы начали свой путь в XXIII веке, а наша техника сейчас соответствует технике века двадцатого. Если дальше так пойдет, то мы вернемся к бензиновым и паровым двигателям. Мы не стоим на месте. Это не застой, как иногда говорят, а падение. И чем дальше, тем оно скорее происходит.

Мария вспомнила слова Александра. Тот говорил что-то подобное. Но Александр погиб. Погиб, как она знала, именно за такие вот мысли и высказывания. Дик, несомненно, сильная личность, — подумала она. — Теперь я понимаю, для чего ему нужны деньги.

— Хорошо! — решила Мария, подходя к нему и беря его за руку. — Я все понимаю и буду тебе помощницей во всем. Что я должна делать?

— Ты напишешь письмо Дубинину. Напишешь так, чтобы он поверил, что письмо именно от тебя. Напишешь ему также, что у тебя есть к нему важное дело, такое, которое требует встречи. Я позабочусь, чтобы письмо было доставлено ему. Естественно, он не пойдет сюда, так как с полным основанием будет считать, что это ловушка. Тебе придется прибыть на место, указанное им самим. Скорее всего, это будет Западная Канада. Ты полетишь туда вертолетом и передашь ему деньги.

— Это все?

— Нет! От себя ты попросишь его усилить деятельность Движения. Они могут делать свои набеги на питомники и школы, я им не буду мешать. Но кроме того, ты передашь ему список лиц, которых надо устранить. Успокойся! Это отъявленные негодяи. Мне самому не представляло бы труда избавиться от них, но мне нужно, чтобы акция шла со стороны Движения сопротивления. Мне нужен страх в элите. Надо, чтобы они боялись. Чтобы просыпались ночью в холодном поту от ужаса...

— Ты хочешь сделать Павла наемным убийцей? Вряд ли он согласится. Что я ему объясню?

— Объяснять не надо. Он поймет. Кроме того, как я уже говорил, это самые отъявленные негодяи. Движение давно к ним подбирается, но их усиленно охраняют. В списке указано время, когда будет снята охрана. Естественно, не полностью. Это вызвало бы подозрение, но с оставшимися легко будет справиться.

— Ну вот, теперь уже лучше! — воскликнул Дик, когда она четвертый раз спустилась с горы, покрытой мелким ельником, лавируя между деревьями, и упала всего один раз, уже внизу, под горой.

В полукилометре от них стоял вертолет, около которого, стараясь согреться, топтались на снегу Рональд и три охранника.

— Не замерзла?

— Нет, даже жарко! — ответила она, смеясь.

— Тебе надо заставить себя меньше напрягаться. Ты тратишь в пять раз больше усилий, чем это необходимо.

— Я попробую. В первый раз...

— Для первого раза отлично! Я даже не ожидал. Но учти, времени мало. Рональд! — крикнул он офицеру.

Тот покинул охранников и поспешил на зов.

— Слушай меня внимательно, мой мальчик! За полтора месяца, что меня не будет, она должна в совершенстве владеть лыжами, уметь стрелять, водить вертолет, разжигать костер, словом, все, что необходимо. Кроме того, каждое утро — занятия в спортзале. Обучение приемам каратэ...

— Все меры по обеспечению твоей безопасности будут приняты, — сказал он уже дома, за обедом, — но нужно, чтобы ты в любом случае смогла сама за себя постоять. Всего не предусмотреть. Если не сейчас, то потом.

— Ты все заранее обдумал и решил. Даже привез мне лыжный костюм.

— Что делать! Привычка! Если бы я все заранее не обдумывал и не решал быстро, то вряд ли сидел сейчас здесь! Когда-нибудь я тебе расскажу, что случилось раз со мной на одном из притоков Амазонки.

— Расскажи сейчас, — попросила Мария.

— Длинная история. Потом, мне не особенно приятно ее вспоминать. Там я, кажется, впервые по-настоящему струсил. Это надо рассказывать под настроение.

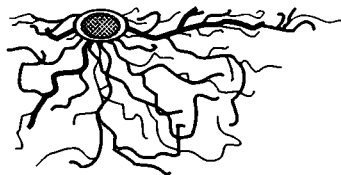
— Не знала, что ты можешь струснуть!

— Еще как! Мне тогда хотелось кричать «мама».

— Расскажи.

— Потом, потом, — он посмотрел на часы, — через семь минут у меня видеосвязь с императором, — и поднялся из-за стола.

БОЛЬШАЯ ИГРА

— Ну вот. Теперь ты знаешь все, — закончила Мария свой рассказ.

Костер, возле которого они сидели, уже погас и едва дымился. Павел поднялся и крикнул Ирине, что она может подойти.

— Как здесь все-таки красиво! — Мария разглядывала узкую, не более мили в ширину, долину, окруженную со всех сторон горами, покрытыми лесом.

— Когда за тобой должны прилететь? — спросил Павел.

— Я дам знак из ракетницы. Но, пожалуй, уже пора. Мне бы не хотелось лететь ночью через перевал. Я рада, что ты согласился, — сказала она ласково, беря его за руку.

— Что ж, — кивнул головой Павел. — Пока нам с твоим мужем по пути. Дальше дороги наши разойдутся. Когда это будет? — Он пожал плечами. — Я понял, чего он хочет. Только, думаю, нам потом будет труднее. Вместо безвольного пьяницы придется иметь дело с умным и волевым человеком, облеченным всей полнотой власти.

— А если со временем будет возможен компромисс?

Павел задумчиво покачал головой.

— Вряд ли.

Подошла Ирина. Мария еще при встрече, когда отпустила вертолет и увидела приближающихся к ней Павла и подругу, обратила внимание, как изменилась та за шесть месяцев, что они не виделись. И дело не только в том, что Ирина посвежела и стала еще

красивее, у нее появилось что-то новое в глазах, в жестах, в движениях, что-то неуловимое, но в то же время значительное.

Теперь наступила очередь Павла отойти на несколько шагов, чтобы не слышать, о чем говорят женщины. А они говорили о самом своем сокровенном. Он только заметил, как зарделась Ирина и как Мария бросила на него удивленный и, ему показалось, осуждающий взгляд. Он отвернулся и пошел по берегу замерзшего ручья. Был март, самый снежный и самый суровый месяц в этих местах, но в воздухе уже чувствовалось дыхание весны.

— Иди сюда! — услышал он голос Ирины и поспешил к женщинам.

— Ну, что? Будем прощаться? — с едва уловимой грустью сказала Мария. Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. — Будь ласковее с Ириной. И береги себя и ее.

Она достала ракетницу и послала вверх с промежутком три минуты красную и зеленую ракеты. Павел заметил, что далеко в горах в ответ вспыхнули такого же цвета огоньки. Через полчаса послышался гул и над вершинами гор показались идущие на близком расстоянии друг от друга два вертолета.

— Почему два? — насторожился Павел.

— Если бы ты не дал согласия, я бы послала только красную ракету и прибыл бы один, — спокойно ответила Мария. — Второй идет автопилотом и доставит тебе оружие. Дик хочет, чтобы вы начали свои действия как можно скорее, не тратя времени на его приобретение. Летчик вернется вместе со мной на моем вертолете. Надеюсь, ты умеешь управлять этой стрекозой? Второй я оставляю тебе. Надо торопиться, — еще раз подчеркнула она.

— Что за оружие? — успокоившись, но все еще не совсем придя в себя от удивления, спросил Павел.

— В основном бластеры и батареи к ним. Дик, — она усмехнулась, — говорит, что у тебя есть опыт в обращении с таким оружием.

— Это по поводу моста? Как он реагировал?

— Очень смеялся! Ну, прощай! — заторопилась она, видя, что вертолеты пошли на снижение. Павел и Ирина направились к отрогам скал и быстро скрылись за валунами.

Вертолеты опустились на поляну. Из одного вышел летчик и остановился у двери второго, ожидая, когда к нему подойдет Мария. Он помог ей подняться в кабину, взобрался сам и захлопнул дверь. Вертолет поднялся и взял курс на юго-запад.

Павел вытащил из ниши под валуном ружье и выстрелил в воздух. Вскоре к ним присоединился Олаф. В руках у него был бластер, тот самый, узнала Ирина, который был у Павла в день их побега.

— Пошли, пригласил его Павел и направился к оставшемуся вертолету. — Да ты можешь опустить его, — сказал он, заметив, что Олаф держит оружие наготове, и пояснил: — Там никого нет.

— Вот это да! — вскрикнул Олаф, открывая ящик, в котором лежали бластеры. — Да их тут целых три ящика! — удивился он. — Это все Мария?

— Да нет... ее муж, — ответил Павел.

— Что?! Начальник политической полиции? — не поверил своим ушам Олаф.

— Именно он. Мы временные союзники. Ему надо напугать, как я понял, элиту, а может быть, у него более далеко идущие планы и цели. Кроме оружия, он прислал нам деньги, много денег.

— Деньги придется отдать в ЦК и объяснить, откуда они. Ох, Павел, ты, боюсь, взял на себя большую ответственность. ЦК может не поверить тебе.

— На-ка, прочти этот документ, — Павел протянул ему сложенный вчетверо лист бумаги.

— Да ты читай, читай! Говорить будешь после.

— Постой! Да это же списки ЦК! Откуда они у тебя? Их имена хранятся в строгой тайне!

— Передал начальник полиции. Теперь ты понимаешь, что к чему?

— А эти семизначные номера против некоторых фамилий? Что они означают?

— Всего-навсего номера счетов в банках. Теперь ты понимаешь, куда идут партийные деньги и те, которые мы передаем им после завершенных акций.

— Ах, подлецы! — вскричал Олаф.

— Погоди, не реви! Все это надо тщательно проверить. Но я почти уверен, что это не туфта. И вот тебе еще доказательства, — он протянул ему пластиковый пакет. Олаф раскрыл его. В пакете лежали паспорта.

— Обрати внимание, что на всех наклеена моя фотография. Та, которая наклеена на мою учетную карточку, сделанная в единственном экземпляре, и негатив должен был быть сразу же уничтожен.

Олаф вертел в руках паспорта.

— Фамилий нет, но стоит отметка полицейского отделения, выдавшего документ. Все честь-честью, остается только

вписать фамилию и имя. А вот еще эти, без фотографий.

— Генерал обо всем побеспокоился, посчитав, что мне нужны будут паспорта для товарищей. Теперь ты видишь, мы не можем доверять ЦК и вынуждены будем действовать сами. Поэтому ни денег, ни оружия они от нас не получают.

— Может, ты и прав, — задумчиво проговорил Олаф. — Во всяком случае, я с тобой.

— Не сомневался, — Павел поднял руку ладонью вперед и тотчас же получил по ней удар мощного кулака Олафа.

— Все о'кэй, шеф! А где Ирина? — Олаф обернулся и поискал ее глазами.

— Я здесь, — слышалось из грузового отсека.

— Что ты там делаешь? — недовольно спросил Павел.

— Я сейчас, — слышалось в ответ.

— Что же мы будем делать со всем этим? — Олаф обвел рукою вокруг. — Оставлять без присмотра нельзя, а в поселок появляться на вертолете не стоит.

— А мы и не будем возвращаться в поселок. Где сейчас расположена четвертая группа?

— Это та, с которой мы брали школу под Сан-Франциско? Где-то в районе Малого Невольничьего острова, это отсюда миль четыреста.

Павел посмотрел на указатель давления в баллонах.

— Почти полные! Должно с избытком хватить!

— А вот и я. Как я вам нравлюсь? — слышался голос Ирины.

Они обернулись и невольно присвищнули.

— Ну, в таком наряде, — насмешливо проговорил Павел, рассматривая ее шубку из дорогого меха морской выдры, — ты несомненно произведешь фурор среди представителей всех политических течений в нашем поселке. Это подарок нашей миллионерши?

— Ты, во-первых, грубиян, — отпарировала Ирина. — А во-вторых, я не собираюсь возвращаться в поселок.

— И куда же ты отправляешься? — так же насмешливо спросил Павел.

— Туда же, куда и вы! Я слышала, о чем вы говорили. К тому же, разве ты не боишься оставлять меня одну?

— Милая, там, куда мы летим на этом драндулете, еще опаснее.

— Никуда я без вас не пойду и не вздумайте меня оставлять. В конце концов ты меня сюда привел и не смей бросать!

— Мы идем не развлекаться!

— Знаю! Я буду с вами!

— Это не женское дело!

— Извини меня, дорогой, но я не хуже тебя стреляю, хожу на лыжах и при случае могу пройти тридцать миль не уставая. Ты же сам в этом убедился. И потом, если бы не я, ты никогда бы не добыл ни карты, ни списков, и вообще, все было бы иначе, не было бы ни этих денег, ни оружия. Так что считайте меня в деле!

— Ирина, я говорю серьезно.

— А я разве шучу? Ты что же, думаешь, я ничего не понимаю, мне все безразлично? Нет, я хочу быть рядом с тобой. Я еще не рассчиталась за два года, прожитые в рабстве, за истязания, унижения... Ты го-

воришь — не женское дело. Здесь нет женского или мужского дела, здесь дело всех: и женщин, и мужчин, и даже детей. Всех людей, в которых проснулось хоть что-то человеческое, всех, кого лишили ласки родителей, радости материнства, всех, кого втоптала в грязь эта бесчеловечная система! Боже мой! — она зашлась криком. — Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Ее била дрожь. Казалось, она вот-вот упадет. Павел схватил ее и сжал в объятиях.

— Успокойся, прошу тебя, успокойся!

Ирина внезапно обмякла и повисла у него на руках. Павел осторожно поднял ее и усадил в кресло в вертолете. Затем вытащил флягу и влил ей в рот воды. Ирина затихла.

— Что будем делать? — растерянно спросил ошеломленный увиденным Олаф.

— Придется взять с собой, — Павел внимательно смотрел на Ирину. — Я впервые вижу ее в таком состоянии, — он помолчал и тихо добавил. — У нее есть к тому основания. Помогите мне перенести ее в другое кресло.

— Ты что, хочешь лететь ночью? При посадке рискуешь поломать машину.

Павел задумался, посмотрел на часы. Был уже шестой час.

— Ты прав! — наконец сказал он. — Полетим утром. — Он еще раз бросил взгляд на Ирину, та полулежала в кресле не меняя позы, только крупные слезы текли по лицу.

— Пусть отойдет, — Олаф положил руку на плечо Павла. — Я собираю сучья для костра, пока светло.

Павел молча кивнул головой, не в силах оторвать глаз от залитого слезами лица женщины.

Костер пылал, прикрытый от ветра краем скалы. Олаф набросал на снег еловых лап и вскоре заснул, укрывшись одеялом, которое всегда носил в рюкзаке вместе с нехитрой снедью.

Павел сидел, наблюдая за игрой пламени, время от времени бросая в огонь заготовленные сухие ветки.

Сзади послышался скрип шагов. Подошла Ирина. Она молча села рядом и прислонилась головой к его плечу. Павел, не говоря ни слова, обнял ее и ласково, но крепко прижал к себе. Так они просидели почти до самого утра, ничего не говоря, но полностью понимая друг друга, хотя каждый думал о своем.

Утром вертолет поднялся с поляны и взял курс на северо-восток.

— Кажется здесь, мадам? — пилот повернулся к Марии. — Можно садиться?

Мария посмотрела вниз. Там, на широком пологом склоне горы, светился красным огоньком маяк, о котором ее предупреждал Дик. Она кивнула головой пилоту и стала собираться. Вертолет сел.

Мария выбросила на снег рюкзак и лыжи, взяла в руки бластер и вылезла из кабины. Одев лыжи и закинув на плечи рюкзак, велела пилоту ждать ее и заскользила вниз.

Отъехав метров тридцать от вертолета, остановилась, сняла рюкзак, бросила его на снег и подняла бластер.

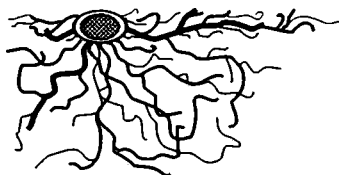
Когда от вертолета и деревянной вышки с маяком осталась груда покореженного металла и куча пепла, снова надела рюкзак и покатила вниз с горы.

Часа через два она услышала выстрелы и вытащила ракетницу. Вскоре ей навстречу из покрытого снегом ельника вышел человек. Подождав, когда Мария поравняется с ним, он двинулся вперед, прокладывая лыжню. Мария последовала за ним.

Ночь они провели у костра. На следующее утро проводник вывел Марию на поляну, где ее ждал вертолет.

Пилот помог ей взобраться в кабину.

— Минутку, я сейчас, — попросил он, захлопывая дверцу, и направился к проводнику. Подойдя к нему, выхватил пистолет и выстрелил проводнику в голову.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

— Дик, а тебе не кажется, что ты выпустил джина из кувшина и теперь его туда невозможно будет загнать?

— Джин сделает свое дело и джин уйдет, — перефразировал Дик известное выражение.

Они сидели в малом кабинете. Час назад большой совет проголосовал за введение чрезвычайного положения. Император, таким образом, становился главнокомандующим армией.

— А все-таки, — настаивал император, — почему акции приняли такой размах?

Дик пожал плечами. — При других обстоятельствах чрезвычайное положение не удалось бы объявить. Кстати, — он протянул ему папку в сафьяновом переплете. — Вот что обнаружила полиция, когда прибыла на одну из разгромленных вилл.

— Что это? — император повертел папку в руках и открыл ее. — Что?! — вскричал он.

— Да! Элита уже подготовила для тебя замену, — спокойно ответил Дик. Если бы ДС не разгромило эту виллу, мы бы так и не узнали истинного положения вещей.

— Немедленно всех арестовать!

— Уже сделано. — Дик взглянул на часы и подтвердил. — Да, уже все кончено. Я приказал их всех взять, как только закончится совет, но постараться незаметно от других членов. Хотя это вскоре всем будет известно. Сейчас с них

снимут мнемोगраммы, и мы будем знать все подробности заговора. Мне кажется, здесь замешано значительно больше людей, чем значится в списке будущего министерства.

— Надо же! Министр финансов! Тот, которого я поднял из самого низа!

— Людям не свойственна благодарность. Ты захочешь с ними встретиться перед тем, как?.. — он кивнул на раскрытую папку. — Тогда подпиши приговор. — Дик протянул ему несколько листов бумаги.

Император бегло прочитал их.

— Как? На завод, к конвейерам?

— У нас же отменена смертная казнь.

— Я не о том. Такие фамилии! Может быть, не стоит их так унижать?

— Когда им сделают операции, они не будут чувствовать себя униженными.

— Я не о них, а о родственниках.

— Вот о родственниках я и хотел поговорить. Нельзя оставлять их в элите. Всех перевести в средний класс, а имущество конфисковать. Там в приговоре дальше об этом сказано.

Император задумался, потом взял перо и подписал.

— На, возьми! Пусть будет так. Что еще?

Дик протянул ему вторую папку, которую держал за спиной.

— Что это?

— Списки высших офицеров, замешанных в связях и контактах с теми, — он кивнул на первую папку. — Их надо пока уволить из армии, заменить верными людьми.

— Где теперь найдешь верных людей? — проворчал император, подписывая второй документ.

— Их больше, чем можно предположить, — успокоил его Дик. — Среди младших офицеров немало храбрых и преданных...

— Но они не принадлежат к элите.

— Тебе что дороже: трон или элита? Если элита, то зачем было заставлять все это?

— Ты, я вижу, хочешь сделать ей хорошее кровопускание.

— А ты разве нет?

— ДС ей уже сделало довольно обширное. Шутка ли — пять тысяч разгромленных вилл. Свыше двадцати тысяч убитых. Это же черт знает что!

— Это еще крайне мало. Элита скоро опомнится, поймет, в чем дело и откуда ветер дует, и тогда... тогда мне и тебе тоже не поздоровится.

Император поежился.

— Вот я и говорю, — заметив его движение, продолжал Дик, — тут полумерами ничего не сделаешь. Надо ударить так, чтобы потом лет сто они не пытались оспаривать власть императора.

— Откуда у ДС бластеры? Ведь их нет даже в армии.

— По-видимому, трофей. Ведь бластеры находятся у элиты. Каждый имеет его в качестве личного оружия. Конечно, не все, а только высшего разряда. Я смотрел списки разгромленных вилл и подсчитал, что у ДС теперь около тысячи бластеров. Это внушительная сила. Полиция, естественно, против них бессильна.

— Что ты предлагаешь?

— Либо предложить элите самой сформировать из своего числа отряды и бороться с ДС, либо пусть уступят бластеры на время полиции.

— А в наших арсеналах нет бластеров?

— Ты же знаешь, что элита тогда добилась исключительного права на владение этим оружием.

— Моя охрана...

— Всего каких-нибудь двести штук. Мелочь! Да я и не могу использовать их, не поставив тебя под угрозу. Нет! Решительно невозможно использовать бластеры охраны.

— Я и не думал тебе их предлагать! Ты что? Я только хотел сказать, что у охраны тоже имеется это оружие.

— Которое и дает тебе гарантию от случайных авантур со стороны элиты.

Император снова поежился.

— Ты думаешь, что они способны на это?

— Кто знает, — пожал плечами Дик. — Если им дать опомниться, то вполне возможно. Уже сейчас, после ареста их лидеров, некоторые из них зашевелились. Я бы посоветовал тебе удалить с Гавай большую их часть.

— Но здесь-то они не имеют оружия. Это запрещено.

Дик усмехнулся и покачал головой.

— Ты думаешь, его можно завести нелегально?

— Запросто! Я почти уверен, что оно здесь есть.

— Тогда... тогда...

— Что?

— Произвести обыски и найти!

— Для этого пока у нас нет сил. Необходимо вызвать на острова наиболее преданные части.

— Ну так вызови!

— Слушаюсь! — поклонился Дик, чтобы скрыть появившийся в глазах торжествующий блеск. Но император и не смотрел на него. Он охватил голову руками и склонился к столу.

— Боже мой! — простонал он. — Как я устал!

— Охотно верю. Такое напряжение, — сочувственно и мягко проговорил Дик.

— Но все-таки, как я держался на совете, а?

— Великолечно! Представляю, сколько сил и нервов это стоило. Особенно, когда начался всеобщий вопль.

— О, как они вопили! Как они вопили! У меня до сих пор в ушах стоит.

— И заметь, больше всех, кто обозначен в этом списке, — Дик опять указал на сафьяновую папку. — Как-будто чувствовали.

— Или поняли, что их планы провалились, — поддержал император.

— Конечно! Именно поэтому! Я не подумал...

Император с наслаждением потянулся, как человек, только что успешно закончивший тяжелый труд.

— А знаешь, Дик! Не развлечься ли нам по этому поводу?

— Пожалуй, — согласился Дик, которому не хотелось оставлять сегодня императора без присмотра. — Я только пойду проверю караулы.

— Приходи в малый бассейн. Я скажу главному евнуху, чтобы тебя пропустили.

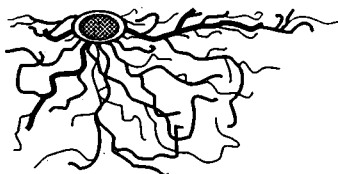
— Непременно приду, — пообещал Дик и, поклонившись, вышел.

— Во дворец никого не впускать и никого не выпускать, — приказал он начальнику караула. — Усилить охрану. Связь с внутренними покоями отключить.

Он подошел к телефону и набрал номер полиции.

— Как прошла операция? — спросил он и, получив ответ, повесил трубку. Затем набрал еще один.

— Послушай, мальчик, — обратился он к кому-то на другом конце провода. — Сегодня ночью будь внимателен. Если будут выходить из дома, задерживайте до утра. Утром я буду на месте. Что? Безразлично, кто будет. Да! Уже объявлено. И еще! Свяжись с портами на всех островах. Ночью никого не выпускать. — Он повесил трубку и облегченно вздохнул. Направился было к выходу, но вспомнил, что его пригласил император, досадно крикнул и вернулся.

ТУПИК

— Послушай, Павел, я так больше не могу, — Олаф с остервенением швырнул на диван бластер и плюхнулся в кресло.

Павел отложил в сторону только что вытасненные из вскрытого сейфа документы, которые он еще не успел просмотреть, и вопросительно взглянул на Олафа.

— В чем дело, старина, что тебе не нравится?

— Все не нравится! Все!

— Все — значит ничего. Не можешь ли конкретнее?

Павел догадывался о причине недовольства своего соратника. Его самого беспокоило положение дел, вернее, их результаты. Все поворачивалось как-то не так, как ему хотелось. Он искал ответ на мучившие вопросы, но не находил. Появилась тягостная неопределенность.

— Вот видишь, — прерывая затянувшееся молчание, сказал Павел. — Ничего конкретного ты не можешь предложить.

— Хорошо, я задам тебе один вопрос: для чего мы все это делаем? Вернее, для кого? Мы громим виллы и усадьбы. Я уже сбился, какая эта по счету. Не говорю о тех подонках, которых мы отправили к твоему старому знакомому Генриху. Туда им и дорога. Но что мы видим? Мы врываемся, освобождаем людей, которые не понимают, зачем мы пришли и что им теперь делать после смерти хозяина. Кто будет кормить их? Я уже не говорю о полудебилах с подрезанными мозгами. А что делать с этими девицами, которых мы лишили хозяина? Они ничего не уме-

ют делать. Оставить на произвол судьбы? Что с ними будет? Их тотчас заберут в бордель или, еще хуже, подрежут мозги и отправят на фабрику. Взять их с собой? Но мы сами чаще голодаем на своих базах, чем наедаемся досыта, едва обеспечиваем питанием детей, освобожденных из школ.

Скажи, у тебя есть программа или хоть какая-то реальная конечная цель? Или ты думаешь вот так мотаться от одной виллы к другой? Скажи, что это нам дает? Мы, правда, приобрели немало оружия, денег, ну а дальше что? Что дальше?

— Ты все сказал?

— Все.

— Тогда ответь мне на один-единственный вопрос: чем наши нынешние действия отличаются от прежних? Почему ты тогда ничего не говорил, не протестовал, а напротив, сам первым шел на любое, самое рискованное дело?

Дверь открылась и вошла Ирина. На ней был защитного цвета комбинезон. Светлые волосы убраны под берет, в руках бластер.

— Ребята спрашивают, когда мы уходим? — обратилась она к Павлу. — И что делать с девушками?

— Подожди, сейчас решим. Я еще не просмотрел бумаги. Тут есть, кажется, интересный документик для нашего друга Дика.

— Можно подумать, что мы работаем на Дика, — раздраженно вскинулся Олаф.

— Почему бы не помочь ему против общего врага?

— Ах, вот как? Общий враг? А твой Дик — друг, что ли?

— Почему друг? Такой же враг, но с ним пока союз. Ты не ответил мне на вопрос, чем наши действия отличаются от прежних, когда мы не имели ни оружия, ни денег?

— Прежде всего — масштабностью. Подожди, не перебивай. Именно масштабностью. Раньше что? Мы радовались, когда нам удавалось спасти от селекции сотню детей. Мы видели в них надежду на будущее...

— Ну, а сейчас что? Не видим?

— Сейчас мы их освобождаем тысячи и не знаем, куда девать. Наши базы уже ими переполнены. Их нечем кормить.

— Значит, надо строить новые!

— Согласен! А кто их будет строить? И потом, главное, как решить вопрос с продовольствием?

— Покупать у фермеров.

— Фермеров? Как бы не так! Они не хотят иметь с нами дело. Ведь что получается? На каждой ферме работают несколько человек низшего класса с разрушенными центрами агрессии, фактически — рабы. Фермеры хорошо понимают, что мы хотим поломать эту систему. А их она вполне устраивает. Ведь не кто иной, как фермеры, первые сообщают в полицию о наших акциях. Я к чему все это говорю? Без поддержки среднего класса мы ничего сделать не сможем. Скоро против нас выступят армейские части, наши базы будут разгромлены с воздуха.

— Что же ты предлагаешь?

— Если бы я знал! — в голосе Олафа звучало отчаяние. — Если бы я знал! — повторил он. — У меня ощущение безвыходного положения.

Я не хочу тебя обидеть, но сдастся, нас просто использовали в каких-то целях.

Мысленно Павел не мог не согласиться с Олафом. Но согласиться — значит прекратить борьбу. Что он скажет тем, кто поверил ему и пошел за ним? Казалось, все ясно: наращивать силы, создавать новые базы, растить поколение борцов из освобожденных детей. Но Олаф прав. Дело не только в обеспечении детей питанием и всем необходимым. Эти трудности можно преодолеть. Вот с армией им не справиться — это уж точно. Скорее всего, их зальют бинарным газом. Не помогут и бластеры, дальность поражающего действия которых не превышает двухсот метров. Застигнутая врасплох элита скоро придет в себя, и тогда...

— Страшная, ублюдочная система. Кажется, она уже до того идиотская, что тронь ее и она развалится, а как дело доходит до конкретного действия... — Олаф замолчал, подыскивая слова.

— Как мираж, — подсказала внимательно слушающая спор мужчин Ирина.

— Вот-вот! Это какой-то монстр, которого нельзя поразить ничем. Я слышал, на Земле когда-то ходили огромные ящеры, которые не имели ни врагов, ни соперников, их ничем нельзя было взять, пока они сами не переходили от недостатка пищи. Может быть, наша система и есть такой ящер?

— Новый тип рабовладельческого общества, — снова подала голос Ирина, — в котором рабы не понимают своего рабства и поэтому лишены всякой возможности протестовать и противодействовать рабовладельцам.

— Мечта основателей мирового фашизма! — Олаф вскочил с кресла, в котором сидел, и взволнованно заходил по комнате. — Понимаете, в чем соль? Народ разделен биологически. Те, кто мог бы считать себя обездоленными, не понимают этого, а остальные так или иначе существуют за счет обездоленных. Одни живут в умопомрачительной роскоши, но и другие, я имею в виду средний класс, в общем довольны своим положением. За раба некому заступиться, так как он становится рабом в детском возрасте и у него нет ни отца, ни матери. Суррогатная мать, которая сама раба, не испытывает привязанности к своему ребенку, так как его сразу же у нее отбирают, а истинные родители даже не подозревают о его существовании. Мать не знает отца, отец — матери, и оба не знают, кто их сын или дочь.

— Когда я была в питомнике, — вспомнила Ирина, — мы гуляли в небольшом саду, окруженном забором из металлических прутьев. К нам тогда часто через забор заглядывали мальчики, те, — пояснила она, — кому повезло родиться от настоящих родителей. Они швыряли в нас камнями и кричали: «Пробирки! Пробирки!» Это так нас дразнили. Сначала мы не понимали, почему нас так дразнят. Потом, конечно, узнали, что оплодотворение яйцеклетки происходит в пробирке. Оплодотворенное яйцо вводят в матку суррогатной матери. Мы все вот так и появились на свет, не зная, кто наши родители. Те, кто нас покупал, подписывали обязательство не чинить препятствий к сдаче яйцеклеток купленной рабыни. Возможно, где-нибудь в питомнике растут и мои дети.

Я, как вы знаете, каждый раз веду беседы с «освобожденными» девушками. Очень немногие из них предпочли свободу и лишения унижению и сытости. Большинство всегда растеряны случившимся и чаще всего, когда до них доходит смысл происшедшего, недовольны, а иногда и проклинают нас — своих освободителей. Поймите их правильно. С самого раннего детства их так воспитывали, воспитывали по умело созданной программе. Они не представляют другой жизни и себя в другой роли. Малейшие ростки человеческого достоинства и женской гордости тщательно вытраивались в школе. За малейшее непослушание нас жестоко пороли. А иногда и просто так, теперь я понимаю, с какой целью. Кроме эротики, техники угождения в постели, нас ничему не учили. Чего же вы от них хотите? Сейчас обрадуются и побегут к вам в дебри Севера, в землянки и хижинны?

— Но ведь ты сама... — Павел посмотрел ей в глаза. — Ты сама ведь смогла побороть в себе рабыню.

— Да, смогла. Но это произошло благодаря ненависти. Не всем падает такой садист, как попался мне. Сначала была ненависть. Страшная биологическая ненависть. Так ненавидеть может и собака своего учителя. Достоинство появилось потом, после того, как я почувствовала себя отмщенной. Помнишь, что я сказала, когда увидела тот кисель в ванной, в который превратился мой мучитель. Я сказала: жалко, что он умер сразу, что не почувствовал, как его разъедает щелочь. Эта ненависть и удовлетворение мщением разбудили во мне чувство, которое так тщательно уничтожалось, чувство достоинства. Но это уже потом, в поселке. Мне было вначале странно, что ко мне относятся с уважением, что меня называют на вы, целуют руку, провожают, подают пальто. Потом привыкла.

— А если бы не было ненависти, то есть, если бы Генрих не был таким садистом? — спросил Олаф.

— Я была бы такой же, как они. Даже, возможно, довольна своей судьбой. Ведь ничего другого я не знала. Вот, например, Мария. Она ведь даже любила Александра — своего хозяина, несмотря на то, что у того были еще другие женщины. Все это заложено в системе воспитания.

— То, что ты рассказываешь, — общеизвестно, но все равно страшно, — сказал Олаф.

— Страшно для меня, для тебя, понявших и вставших на путь борьбы, но воспринимается как само собой разумеющееся этими девушками, искалеченными воспитанием, этими мальчиками и мужчинами с бритыми головами, искалеченными операциями на мозге, и фермерами, которые держат их в хозяйстве в качестве рабов. Да, может быть, и другой частью населения, получающей от их каторжного труда за баланду и алкоголь сновидений немалую часть материальных благ.

— Я читал древние книги, — задумчиво начал Олаф, — там говорилось о конечном торжестве разума и прогресса и даже о неизбежности этого. Людей погубила вера в предопределенность прогресса и торжества добра. Наши предки не учили, что история делается человеком, и каким будет он, такой и она. Наши предки допустили трагическую ошибку, которая и привела к полной социальной катастрофе. Мы попали в тупик, из которого нет выхода. Грозит всеобщая деградация. Но до

каких границ? Не знаю. Может быть, и до каменного топора. Хотя нет, элита скорее забудет письменность, чем технику операций на мозге. Наши предки сделали одну-единственную ошибку: позволили пройти фашизму, клюнули на его обещания всеобщего рая. И человечество зашло в ловушку, как тот безмозглый линь в мережу, позарившись на кусок каши.

Если бы была возможна машина времени! Вернуться бы в то далекое прошлое, рассказать им все о нашем «прекрасном» будущем, да крикнуть бы на всю планету: Люди! Опомнитесь! Что же вы с собой делаете?!

— Тебе бы не поверили, — сказал Павел.

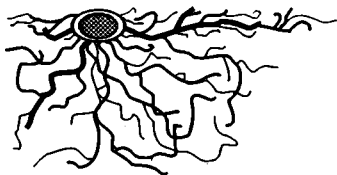
— В том-то и дело! Я сам думаю, что не поверили бы.

— Что же ты предлагаешь все-таки? Отказаться от борьбы, потому что наши предки завели нас в тупик?

— Ты же знаешь, Павел, я буду с тобой, — ответил Олаф. — До тех пор, пока нас не перережет луч бластера или мы не задохнемся в облаке ядовитого газа.

Он с минуту молчал, потом заговорил уже тише:

— Только мы будем следовать уже не своему разуму, а чувствам и эмоциям. Знаешь, в математике есть такие задачи, которые не имеют решения. Мы и есть тот самый случай, когда решения нет. Мы будем истреблять элиту, истреблять беспощадно, потому что иначе мы не можем поступать, пока она сама нас не истребит. Потом появятся другие. Они будут действовать так же, и их постигнет та же судьба. Это тупик, Павел!

Часть II

НЕОГУМАНИСТЫ

ПРОЛОГ

— Я прочел ваш роман, Сергей Владимирович. — Северцев снял очки и с интересом посмотрел на Сергея. — Когда вы только успели? Вы хотите его опубликовать? Что ж, любопытно, очень любопытно! Роман-предупреждение, так я понял?

— Совершенно верно, хотя дело не в этом и не по этому поводу, то есть не по поводу его публикации я хотел бы с вами поговорить.

— Я так и понял вас. Вы, конечно, можете его опубликовать, меня даже несколько удивило, почему вы его принесли мне.

— Об этом и будет речь!

— Понял. Я только позволю себе задать вам ряд вопросов по содержанию. Вы не возражаете?

— Пожалуйста.

— Первый вопрос. Вы упоминаете Каупони. Это какой Каупони? Владелец кинематографических фирм?

— Да!

— У вас есть основания? Насколько нам известно, Каупони весьма уважаемый человек, своего рода крупный меценат, жертвующий большие средства на университеты. Я опасаюсь, что у вас будут крупные неприятности. Он в конце концов подаст на вас в суд и выиграет его. Вы знаете, чем это для вас может кончиться? Крупным штрафом, который поглотит все ваше теперешнее состояние. Может быть, вам лучше изменить имя основателя этого вашего, ох, простите, не так хотел сказать, ну, словом, вы меня понимаете, фашистского мирового государства? И второе, — он жестом дал понять,

что еще не все сказал, — вы пишете о церкви как союзнике неогуманистов. Откуда вам это известно? Не спорю, церковь выступает за общедоступность СС. Но это же естественно. Почему вы пишете о заговоре церкви и неогуманистов? Это может стоить вам еще больших неприятностей.

Словом, мое мнение, если оно вас интересует (а оно так и есть, иначе бы вы не принесли мне вашу рукопись) — вам следует внести некоторые незначительные изменения в ваш роман. Вы согласны со мной?

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Дело в том, что роман написан не мною...

Северцев посмотрел на Сергея с крайним удивлением.

— Позвольте! Но ведь здесь, — он перелистал страницы, словно хотел убедиться, что не ошибся, — стоит ваша фамилия и имя? Ничего не пойму! Кто же автор и почему вы поставили свое имя? Это как-то...

— Незтично? — вы хотите сказать. Автор уступил мне право, вернее, он просил меня поставить свое имя. Что касается первой части вашего вопроса, то это и является главным предметом нашего разговора.

— Я внимательно слушаю.

— Автором является СС! И это не роман, как вы изволили заметить, а модель. Причем, модель большой достоверности. СС теперь, как вы знаете, сама вводит в себя информацию. Я вам об этом сообщил, когда вернулся в общий зал после контакта с СС. Ей, очевидно, известно больше о скрытых процессах в нашем обществе...

Он не договорил, так как Северцев, несмотря на свойственное ему самообладание, не выдержал и, вскочив, чуть ли не закричал:

— Ради бога! Не шутите! Это вы серьезно?

— Более, чем когда-либо. Сядьте и успокойтесь. Я вам все объясню. Дело в том, что СС не только вводит в себя информацию, но имеет недоступные нам и пока нашему пониманию каналы, по которым она черпает информацию. Вы это можете допустить?

— Вполне допускаю. Мы уже поняли раньше, а после вашего с ней контакта окончательно убедились, что СС стала самостоятельной. Вы заверили, что это не грозит человечеству, вернее, передали ее заверения в этом. Откровенно говоря, мы чувствуем себя довольно неуютно, но со временем привыкнем.

— Ну так вот! По данным СС, человечеству грозит сейчас именно то, что я, простите, она, описала в «романе», вернее, будем точны, в модели. Экстремистские группы отнюдь не разгромлены, как вы тут себя самоуспокаиваете, а набирают силы. Разве вас не настораживает рост наркомании, террористических актов, похищения людей? Во главе всей организации стоит известный вам Каупони. Организация глубоко законспирирована. Арест Каупони ничего не даст...

— Да мы и не сможем его арестовать. На основании чего, каких фактов? Этого романа?

— Естественно, нет!

— Скажите, а сама СС не может вмешаться?

— СС не будет непосредственно вмешиваться в социальные процессы. И это она объясняет тем, что могут произойти необратимые изменения в худшую сторону в ней самой, да и человечество тогда потеряет свободу социального развития, что приведет к его деградации.

— Понятно! Следовательно, — догадался Северцев, — СС избрала вас своим посредником.

— Совершенно верно! Но разрешите продолжить. Союз неогуманистов с религиозными группами, поймите, я выражаюсь осторожно, не хочу бросать тень на всю церковь и ее служителей, среди которых большая часть честных людей, союз этот уже можно считать свершившимся фактом. Экстремистские группы и связанные с ними группы церковников, спекулируя на заветном желании каждым человеком бессмертия, собираются, используя систему выборов, добиться власти. Впрочем, об этом пишется в романе. Если можно было бы обнародовать факт выхода СС из-под контроля...

— Исключено! — быстро возразил Северцев. — Непредвиденные и непредсказуемые последствия всеобщей паники...

— Разрешите закончить. Если это было бы возможно, то можно было бы снизить накал страстей, вызванный всеобщим желанием доступности СС. Сама СС проанализировала такой вариант и не отвергла его. Во всяком случае, такое сообщение требует длительной и тщательной подготовки.

Северцев задумался и долго молчал. Сергей не мешал ему думать. Наконец его собеседник прервал затянувшуюся паузу.

— Если бы кто-то другой, кроме вас, Сергей Владимирович, сообщил бы мне такое, я бы принял его за... — он замялся, подыскивая слово, — мягко говоря, за фантазера.

— Вернее, сумасшедшего. Охотно верю.

— Теперь я вижу, что все изложенное в романе приобретает ужасающую реальность. Должен сказать, что мы так и не нашли пока выхода из генетического кризиса. Между тем в романе он решается, но какой ценой!

— Вот именно! Какой!

— У вас, — Северцев посмотрел на Сергея с надеждой, — есть предложения?

— Сложный вопрос. Однозначного решения здесь нет. Вы сможете изменить законодательство, ввести чрезвычайное положение и поставить экстремистов вне закона?

— Увы, нет. Такое вообще не предусмотрено законодательством. Не говоря уж о том, что все это можно провести только через референдум. Скорее всего, он бы не состоялся. Необходимы неопровержимые факты, а у нас их нет. Мы не имеем даже возможности добыть такие факты. Наше демократическое законодательство четко охраняет права каждого члена общества, в том числе и преступника, до тех пор, пока суд не докажет, что он преступник. Я понимаю, это величайшее достоинство демократического общества, но одновременно и его слабость. Однако, если взвесить на весах то и другое, то достоинства превышают слабость, ибо, если отказаться от гарантий, которые дает общество каждому его члену, то гарантии исчезают и в отношении самого общества. Вы меня поняли?

— Прекрасно понял. Я и не ожидал другого ответа.

— Как добыть факты? — задумчиво проговорил Северцев. — Это в вашем романе только мнемोगрамма снимается быстро и безболезненно. В принципе, мы уже близки к такому решению. Но пока это удастся

только при введении в мозг электродов и электрической его стимуляции. Применение мнемोगраммы при допросе для получения доказательств исключено сейчас и, возможно, никогда не будет разрешено.

Сергей усмехнулся.

— Да это я так, — сказал он, заметив недоуменный взгляд Северцева. — Представьте себе такую картину. Вы находитесь на краю пропасти. Вас медленно подталкивает в пропасть ваш случайный спутник. Он слабее вас, и вы одним ударом кулака можете свалить его. Но вы этого не делаете, так как бить человека — не в ваших принципах...

Северцев улыбнулся впервые за все время их разговора.

— Аналогия подходящая. Но здесь один нюанс. В вашем примере я точно знаю, что меня толкают в пропасть. И тут уж я могу изменить своему принципу. Здесь же толкают в пропасть все человечество, и оно должно это знать. Все человечество должно это знать. Вы понимаете?!

— Вот о чем я и говорю, к чему все это и веду!

— Но позвольте, как же оно узнает? Мы опять возвращаемся на круги своя, к самому началу, где и как мы добудем факты?

— Давайте по порядку. Во-первых, это роман. Пусть он посеет тревогу. Учтите, что общество должно быть подготовлено к восприятию фактов. Вы меня понимаете? Можно добыть факты, а психологически их не примут или отнесутся с легкомыслием. Пусть этот роман, назовем его фантастическим, читают и исподволь готовят свое сознание к восприятию фактов.

— Но опять-таки, вас ждет судебное преследование. Может быть, изменить фамилию, взять псевдоним?

— Что это изменит? Все равно имя автора станет известным из издательства. Напротив, мое имя придаст большую убедительность. Что касается судебного преследования, то я согласен примириться с решением суда, но думаю, что успею предоставить факты раньше, чем закончится судебный процесс.

— Вы предоставите убедительные факты? Каким образом?

— Я начну борьбу с мафией их же методами.

— Но тогда вы сами себя поставите вне закона.

— Во-первых, я буду действовать тоже законспирированно. Во-вторых, думаю успеть завершить дело раньше, чем меня схватят. Я иду сознательно на это, после тщательных размышлений. Человечество, естественно, не может пойти на нарушение законов, так как это грозит ему установлением беззакония. Это не вызывает сомнения. Но социальность всего человечества не пострадает от того, что кто-то в борьбе с беззаконием и в борьбе со смертельной угрозой для человечества на свой страх и риск встанет на путь беззакония против беззакония. Вы меня понимаете?

— Вы понимаете, что вы рискуете?

— Конечно! Если я успею, то человечество меня реабилитирует. Если нет, ну, такова судьба. Лейкоцит, пожравший болезнетворный микроб, сам погибает и разрушается другими лейкоцитами. Сыграю роль такого лейкоцита. Думаю, что успею в любом случае пустить в ход реакцию разоблачения, после чего заговор уже нельзя будет осуществить.

— А если вы погибнете раньше, чем что-то успеете?

— Вот поэтому я, собственно, и пришел. К вам, главе Совета. Чтобы вы знали. Чем черт не шутит! Все может быть. В таком варианте вам уже придется искать самому выход. Кроме того, я хотел, чтобы кто-то да знал об истинных целях, если обо мне начнет поступать сюда нелестная информация. Ну а потом... потом... знаете, я прошел хорошую школу и в космосе, и в СС, и так, за здорово живешь, погибать не собираюсь.

— Чем я вам могу помочь?

— Ничем. Оказывая мне с этого момента помощь, вы становитесь соучастником. Как частное лицо вы бы могли принять участие, но вы член Совета и его Глава. Так что исключается! Сообщать же о моем решении закон вас не обязывает, так как закона о доносительстве у нас не существует.

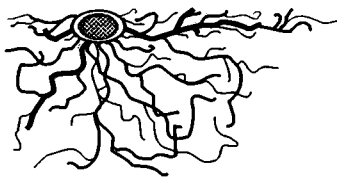
— Еще чего не хватало! У нас демократическое общество.

— И его надо защищать. Прощайте.

— Прощайте. Да хранит вас Бог! Роман ваш мы опубликуем и, более того, поставим телефильм.

Они обменялись крепким рукопожатием и расстались.

После ухода Сергея Северцев задумался, как, не выдавая намерений Сергея, довести до членов Совета сведения о грозящей опасности.

НА БЕРЕГУ КУАРИ

На берегу Куари, одного из многочисленных притоков Амазонки, среди глухих дебрей сельвы стоял большой поселок. Он не был обозначен ни на одной, даже самой подробной карте. Сверху его покрывала густая маскировочная сеть. И если бы над ним случайно пролетел самолет или вертолет, летчики и пассажиры их ровным счетом ничего бы не обнаружили, кроме сплошной однообразной, как это кажется сверху неискушенному наблюдателю, сельвы.

В поселке жили люди самых различных национальностей. Здесь были немцы, французы, англосаксы, поляки, латыши, русские, итальянцы, негры. Их можно было бы назвать интернационалом, если бы это слово, объединявшее когда-то народы в борьбе за свободу, можно было применить к этому сборищу. Говорило это сборище в основном на английском языке, который уже лет двести стал языком международным, но каждая нация здесь вносила в общий лексикон свои собственные особые словечки. Ругались, впрочем, между собой только по-русски, справедливо считая русскую ругань самой богатой и выразительной. И если Лев Толстой и Достоевский для большинства этой публики были не больше известны, чем эскимосу Коран, то русская «мать» и сопровождающие ее пожелания пользовались огромной популярностью. До драк, впрочем, никогда дело не доходило, несмотря на довольно эмоциональный характер собравшейся в

поселке публики. Стычки пресекались мгновенно и жестоко карались. Все это знали и держали кулаки и ножи при себе.

Но это была только одна часть населения. Другая, не менее многочисленная, отличалась в обращении между собой исключительной мягкостью. Эта часть населения большее время проводила под землей, у станков, и только иногда им позволяли появляться на поверхности, но и то под строгим наблюдением джентльменов из первой части населения.

В особых домиках, окруженных со всех сторон живой изгородью, жили женщины. Эта часть населения служила первой, скрашивая последней скуку, неизбежную в таких глухих местах, и тоску по оставленным в больших городах семьям.

Время от времени сюда ночью подходило судно и тихо швартовалось около замаскированного с воздуха причала. Судно привозило продовольствие, письма, сырье для завода и увозило готовую продукцию. Часто на нем прибывали люди. Мужчины и женщины. Их тихонько выводили из трюмов и вели в поселок. Каждого туда, куда ему было предназначено. Иногда некоторые из вновь прибывших проделывали свой путь не в тесных трюмах и тайных отсеках, а в удобных каютах на верхней палубе.

В такой удобной каюте и прибыл сюда два года назад Питер Лацис. Это был высокий худошавый брюнет лет сорока пяти, с сухим выразительным лицом, изрезанным ранними морщинами, и чуть-чуть прищуренными серыми глазами, которые настороженно глядели из-под обычно нахмуренных бровей.

Родом он был из Прибалтики, которую покинул шесть лет назад. Сначала работал в Германии, потом перебрался в Соединенные Штаты и поселился во Флориде. Сюда, на приток Амазонки, его затащил давний приятель Бэксон, который еще раньше уговорил его перебраться в Германию. Надо сказать, что Бэксон выполнял свои обещания и нашел для Лациса более высокооплачиваемую работу.

Последние три года они жили вместе во Флориде. Там Лацис, располагая уже приличным, по его меркам, капиталом, смог приобрести небольшую виллу, где сейчас жила его единственная дочь Эльга. Впрочем, Эльга не сидела на месте. После окончания медицинского факультета Бэксон помог дочери своего друга получить место в медицинском центре при СС.

Лацис с некоторых пор стал замечать повышенный интерес, который проявлял Бэксон к Эльге. Произошел разговор. Однако Бэксон ничуть не смутился и весело рассмеялся, когда Питер высказал ему свое недовольство.

— Перестань, старина! Крошка выросла на моих руках и кроме дружеского участия я не питаю к ней никаких чувств!

Лацис поверил тогда в его искренность, а вскоре Бэксон предложил ему выгодную работу.

— За три года ты заработаешь там больше, чем за пятнадцать лет, прозябая здесь, во Флориде, — пообещал он ему. Лацис согласился. Он подписал контракт, по которому обязался работать три года в секретном филиале фирмы «Сатурн». Секретный, — объяснил Бэксон, — чисто в коммерческом плане. Это случилось через год после того, как Бэксон предложил ему вступить в партию неогуманистов.

— Я, — сказал тогда Лацис, — сочувствую многим вашим идеям, но предпочитаю быть вне политики.

Однако Бэксон упорно возвращался к этому вопросу.

— Разве, — говорил он, — тебе безразлична биологическая судьба человечества? Мы хотим спасти его хотя бы тем, что сохраним часть генофонда путем отбора лучших представителей населения. В этом нет ничего предосудительного. В нашу партию мы принимаем только сильных, красивых и генетически полноценных людей. Тебе не кажется, что то, что мы делаем, является своего рода защитной реакцией гомосапиенса перед надвигающейся катастрофой? Решай, с кем ты. С теми, кто обрекает своих потомков на генетическое вырождение, или с нами, которые хотят их спасти. — Бэксон убеждал все настойчивей и настойчивей, и Лацис в конце концов сдался.

Теперь Бэксон не уговаривал, а командовал, не забывая и о «проповедях». «В партии должна быть железная дисциплина, — вещал он. — Мы ставим перед собой великую цель. Пойми, что все другие вопросы жизни пасуют перед проблемой выживания человека как вида. Можно исправить ошибки, допущенные в социальной структуре общества, иногда даже сознательно пойти на ухудшение этой структуры, но если будет повреждена биологическая основа, то уже ничто не поможет».

Лацис слушал и соглашался.

— Вид гомосапиенс, — излагал свою теорию Бэксон, — эволюционирует так же, как и другие виды. Ведь откуда берется многообразие видов, как не вследствие их эволюции и разделения исходного вида на параллельные ветви? Некоторые из них более прогрессивны, другие консервативны, третьи — регрессируют. Человек произошел от обезьяны, но не остановился в своем развитии, а продолжает развиваться, и в процессе этого развития образуются побочные линии его эволюции. Это незаметно в течение одного-двух и даже многих поколений, но количественные накопления постепенно приводят к качественному скачку, который может на определенном этапе эволюции проявляться более заметно. Мы и живем сейчас во времена качественного скачка. Род человеческий уже не един биологически. Он разошелся. Мы это первые заметили и хотим помочь эволюции, ускорить ее и, главное, сделать так, чтобы ростки нового, более прогрессивного, не затерялись в общем болоте регрессии человека. Ты же сам знаешь, что на каждую полезную мутацию приходится сто тысяч вредных, и если бы не отбор, прогрессивные ветви быстро бы засохли, заглушенные вредными мутациями.

В человеческом обществе, — продолжал он, — естественный отбор подавлен как социальностью общества, которая мешает слабому погибнуть и дает ему возможность вносить загрязнение в общий генофонд, так и успехами медицины. Тут мы видим парадокс, когда явление переходит в свою противоположность. Добро обращается в зло. Добро каждому — в зло всеобщему. Разум создал социальность, но социальность, развиваясь без вносимой в ее развитие коррекции, учитывающей биологическую целесообразность, приводит к нарушению биологической целесообразности, к нарушению биологического равновесия и, следовательно, к поражению самого разума в конечном итоге. Разум уничтожает разум! Это общее явление конечности всех процессов, проходящих во Вселенной. Однако у разума именно потому, что он разум,

есть шанс выйти из этой всеобщей закономерности и выжить. Но для этого разум должен вносить иногда коррекцию в условия своего существования. В данный момент, чтобы спасти биологическую основу бытия, он должен внести коррекцию в социальную структуру. Пойти на жертвы, но выжить, чтобы потом вступить в новый этап прогрессивного развития. Представь себе, если бы сотни тысяч лет назад, когда одновременно существовал гомосапиенс, неандерталец и питекантроп, человек признал их равными себе и соответственно смешивался с ними. Что бы мы имели сейчас? По-прежнему в лесах бродили бы собиратели корней, червей и улиток. Одеты в лучшем случае в шкуры, кривоногие, сгорбленные существа охотились бы с каменными топорами за скудной дичью, а когда дичи не было бы, пожирали своих собратьев. Нет, Питер, первобытный человек был значительно мудрее нас, так как не колебался и уничтожал своих отставших в развитии собратьев — питекантропа и неандертальца. Его мудрость заключалась в остро развитом чутье биологической необходимости. Именно биологическая сущность является первоосновой всего, тем базисом, на котором строится все остальное, в том числе и социальность.

— Что-то подобное я уже слышал. В XX столетии были теории расовой неполноценности. Кажется, это связано с неким Гитлером. Я точно не помню.

— Гитлер был великим человеком. Он интуитивно понимал опасность надвигающейся катастрофы. Это был человек, который на целые столетия опередил свое время. Но тогда, в условиях существования национальных государств, он не мог ничего другого предложить, кроме идеи господства арийской расы. Тут его основная трагическая ошибка. Ставя одну нацию выше других, он противопоставил себя всему миру и, естественно, погиб. Он не учел, да и не мог тогда учесть, что процессы эволюции идут одновременно во всех расах и нациях. Новое проявляется везде. И в новом обществе будут существовать различные расы. Мы не противопоставляем одну другой, мы противопоставляем новое, прогрессивное, старому. Это новое, подобно птенцу, уже стучит клювом в скорлупу. Наша задача — помочь птенцу выбраться из скорлупы, не дать ему там засохнуть. Великая задача, великая цель. Пройдут века, новое победит, и потомки будут о нас говорить: «Они спасли человечество, они первые увидели новое и не дали ему погибнуть!» Старое, естественно, будет сопротивляться. Надо вооружиться мужеством борца, подчинить всего себя идее: разум, эмоции, чувства. Здесь не место слабонервным. Обществу будет больно. Ну и что? Разве хирург, спасая больного, не делает ему больно? Но никому не придет в голову обвинять хирурга в злодействе. Общество — тот же организм, и мы, вооружившись ножом хирурга, призваны отсечь гнилые и поврежденные ткани, чтобы спасти его.

— Все это мне кажется убедительным, — согласился Лацис. — Но почему же тогда общество отвергло вашу программу? Проведен всенародный референдум, и ваша партия запрещена.

— Ответь мне, пожалуйста, был ли когда-нибудь случай в истории человечества, когда новое сначала не отвергалось, а носители этого нового не подвергались преследованию? Разве не сгорел на костре Бруно, разве не бросали в тюрьмы и на каторги первых социалистов-революци-

онеров? Увы, это закономерность. Общество консервативно по своей природе. Носители новой информации, как правило, вначале бывают непоняты, так как они стоят выше общества. Должно пройти время, и оно созреет для восприятия новых идей. И в области социального развития, и в области научного предвидения. Разве не посчитали выжившим из ума основателя неевклидовой геометрии Лобачевского? Разве не преследовали Галилея? Роберта Майера, открывшего закон термодинамики, посадили в сумасшедший дом, и так далее, и тому подобное. Чему ты удивляешься? Должно пройти время и старое, консервативно настроенное поколение должно сменить новое, лишенное этого консерватизма, но, в свою очередь, не застрахованное от приобретения своего собственного.

Прибыв на место новой работы, Лацис сразу же понял, что продукция, выпускаемая подземным заводом, представляет не что иное, как бластеры — оружие, которое разрешается иметь только экипажам космических кораблей.

— Что ты хочешь в конце концов? — раздраженно спросил Бэксон, когда Лацис с волнением в голосе стал говорить ему об этом. — Революция должна себя защищать. А мы делаем революцию. Может быть, самую великую революцию в истории человечества! Вспомни Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая произошла в начале XX столетия на твоей родине и во многом опередила пути развития человечества на двести лет вперед. Разве партия не создавала тогда вооруженные рабочие отряды, именуемые Красной Гвардией? Идеи революции могут быть различные. Все зависит от уровня развития общества. Но техника, методика делания революции всегда остается в принципе одной. Наполеон говорил, что все решают большие батальоны. В революции они тоже играют решающую роль. Делать революцию, не позаботившись о ее вооружении, — чистой воды дилетантство.

И еще один резкий разговор произошел у Лациса с Бэксоном, когда Лацис более подробно познакомился с нравами, царящими в поселке.

— Ты прекрасный инженер, Питер, — с уже нескрываемым раздражением сказал ему Бэксон, когда Лацис выложил все, что он думает по этому поводу, — но, честное слово, если бы ты знал, как ты мне надоел со своим интеллигентским нытьем.

— Если я тебе надоел, то зачем ты таскаешь меня по всему свету и затащишь под конец в эту забытую Богом дыру? Давай разойдемся!

— Подожди, не кипятись, черт возьми. Представь себе такую ситуацию: генерал планирует большое сражение. Что он при этом должен учитывать?

— Ну, силы противника.

— Правильно, а еще?

— Свои силы.

— Тоже правильно, но кроме всего, он должен учитывать и до некоторой степени планировать собственные потери в живой силе и технике. Он знает, что потери неизбежны. Какой же это будет генерал, который откажется от сражения только потому, что противник тоже стрелять умеет и нанесет ему потери? Не так ли?

— Не вижу аналогии между потерями в сражении и борделями в поселке.

— Напрасно! Аналогия есть. Мы тоже, спасая биологическую сущность человечества, несем потери и планируем их. В чем? В социальности человека. Помнишь наш спор во Флориде? Да, мы жертвуем определенной частью социальности сознательно, потому что иначе нельзя. Я тебе уже доказывал это. Теоретически ты со мною согласился. Как всякий интеллигент, ты легко соглашаешься с теорией, но пасуешь, когда дело доходит до практики. Мы делаем революцию с людьми. Реальными людьми, а не с выдуманными идеалами. У нас боевые отряды здоровых, тщательно отобранных мужиков. Ты что думаешь, они будут годами сидеть здесь, в глуши, и заниматься, извини меня за слово, мастурбацией? Да через два-три месяца они бы все послали нас к этой самой матери и разбежались кто куда. Стой, Питер, на земле и не пари, пожалуйста, в облаках.

— Но их сюда доставили насильно!

— Правильно! А ты можешь набрать сюда сотню хороших девочек добровольно? Нет? Вот то-то и оно. Или, может быть, прикажешь привезти сюда старых потасканных курв, набранных в портовых борделях? Они бы поехали! Это точно! Но на хрена они тут нужны, и вряд ли это понравилось бы нашим мальчикам. Послушай меня! Брось сушить себе голову, будь, как все. Здесь уж не так плохо.

— Ну а эти рабочие? Зачем вы им сделали мозговые операции?

— Это подонки общества, которых мы набрали на самом дне. Преступники и потенциальные убийцы. Каждый из них кончил бы жизнь в тюрьме, совершив перед этим преступление. Мы спасли фактически общество от них, а их самих от самих себя, лишив их потенции к преступлениям. В конце концов они сыты, и ты сам убедился, вполне довольны своей судьбой. А вообще, я тебя понимаю. Ты должен адаптироваться к новым условиям. Твоя ностальгия, поверь мне, скоро пройдет.

— А громадный цех по производству героина — это тоже оружие революции?

— А как же? Именно так! Когда-то очень крупный китайский деятель по имени Мао Дзэдун сказал, что опиум — это прекрасное и мощное оружие в руках революции. Кажется, так. За дословность не ручаюсь. Так вот, именно это оружие мы и производим. А собственно что? Какова задача в производстве любого оружия? Нанести ущерб противнику. Наркотики подрывают силы противника. Кто применяет наркотики? Недочеловеки! Те, которые и так обречены на вымирание. Мы только ускоряем этот процесс, чтобы быстрее высвободить на земле место для новых здоровых людей. Пусть тебя ничто не пугает. Пойми меня, новое, пока оно не родилось, может иметь непривлекательный вид. Эмбрион человека тоже уродлив, а ведь из этого эмбриона вырастает человек, и глядя на убогомрачительную красавицу, ты ведь не думаешь о том, как она выглядела в утробе матери. Так и наше движение — сейчас оно переживает эмбриональное развитие. Ты помнишь сказку Андерсена «Гадкий утенок»? Так вот, то, что тебе сейчас кажется гадким утенком, со временем станет белоснежным лебедем!

Они стояли возле причала. Был конец дня. Солнце уже повисло над горизонтом огромным огненным шаром. Темнота наступила быстро. Из сельвы донеслись голоса ревунов. Пронзительный хохот этих обезьян сливался с другими звуками ночной сельвы в единую какофонию, к которой европейцу всегда трудно привыкнуть. Лацис — житель севера, привыкший к мягким краскам своего края, тосковал по родным пейзажам, по белесо-голубому небу своей родины, по ее предрассветным туманам и долгим, медленно наступающим сумеркам.

— Послушай, Питер, — вывел его из задумчивости голос Бэксона. — Ты просто устал. Тебе надо отдохнуть, немного поразвлечься. Я сам виноват. Из-за дел не мог уделить тебе достаточно внимания. Но сегодня я исправлю положение. Мы хорошо кутнем. Я, ты, доктор и... — он задумался на мгновение. — Да! — сказал он. — Это идея. Возьмем с собой Джонни.

Доктора — добродушного толстяка Курта Альтермана — Лацис знал хорошо. «Кто такой Джонни? А не все ли равно? — подумал он. — Может быть, действительно, мне надо выпить? Напьюсь!» — решил Питер и пошел за Бэксоном.

Они прошли набережную, миновали главную улицу поселка и метров через триста завернули в аллею, обсаженную кустами роз. Дальше пошли домики, закрытые со стороны улицы живой изгородью. Лацис догадался, где они находятся, и остановился.

— Куда ты меня завел? — недовольно спросил он Бэксона. Тот дружески обнял его рукой за плечи.

— Все в порядке, старина. Ты, я, доктор и Джонни... Можешь быть спокоен. Все будет о'кэй. Пошли.

Лацис неохотно пошел следом.

Дверь одного из домиков, на крыльцо которого поднялся Бэксон, открыла женщина лет сорока—сорока пяти.

— Как дела, старая каракатица? — приветствовал ее Бэксон.

Та отнюдь не обиделась на такое приветствие, напротив, улыбаясь, шире открыла дверь и что-то тихо прошептала Бэксону.

— Принеси пока выпить! — распорядился он, входя в дом и делая знак Лацису, чтобы тот следовал за ним.

В прихожей дома на стене висел телефон. Бэксон позвонил доктору, чтобы он шел к нему и по дороге захватил Джонни.

— Заходи, — пригласил он Лациса, открывая дверь в большую комнату.

Пол здесь был устлан коврами, посреди стоял стол, а по бокам у стен, увешанных зеркалами, — диваны, покрытые потертыми коврами.

— Располагайся! — предложил Бэксон.

Он сел на диван и начал стаскивать сапоги. — Снимай, дай отдохнуть ногам, — он швырнул сапоги в угол и остался в носках.

Лацис последовал его примеру. Несмотря на жаркий климат, жители поселка, опасаясь змей, которые тут водились в изобилии, вынуждены были носить сапоги из толстой кожи. За день ноги уставали так, что, казалось, наливались свинцом.

Лацис разулся, с наслаждением сел на диван и вытянул ноги.

Дверь отворилась, вошла молодая девушка с подносом в руках. На подносе стояли бутылки виски, стаканы со льдом и сифон с содовой водой.

— Ты будешь разводить? — спросил Бэксон, наливая себе почти полный стакан виски.

— Правильно! — согласился он, когда Лацис отрицательно покачал головой.

— Ты знаешь, я научился пить неразбавленные виски у себя на родине. Русские в этом понимают толк и не портят напиток.

Пока он это говорил, девушка принесла закуску и расставила на столе тарелки.

— Нас будет четверо, — сообщил ей Бэксон. — Так что тащи еще виски и чего-нибудь пожевать.

Лацис, который пил редко, быстро опьянел от одного стакана. Бэксон налил ему еще. «Буду пьяный!» — подумал Лацис, но осушил вслед за Бэксоном и этот стакан.

Когда к ним присоединился Альтерман и рыжий малый, который отрекомендовался: «Джонни!», Лацис был уже изрядно пьян. Ему стало весело и захотелось петь.

— Ты больше не пей, — добродушно посмеиваясь, посоветовал ему Бэксон. Он был совершенно трезв, как бывает трезв человек, привыкший к ежедневному употреблению крепких напитков, находясь в том периоде устойчивости к алкоголю, который потом неизбежно приводит многих к третьей стадии алкоголизма, когда уже одна рюмка валит с ног.

— Закусывайте, — Джонни услужливо пододвинул ему тарелку с тонко нарезанными ломтиками колбасы и сыра.

— Лучше съешьте ломтик ананаса, — посоветовал доктор.

— Спас-сibo, — поблагодарил Лацис заплетающимся языком. Он съел кусок ананаса, затем пожевал колбасу.

За столом между тем началась оживленная беседа. Доктор рассказывал анекдоты. Бэксон и Джонни покатывались со смеху.

Лацису стало неудобно за свое опьянение и он попытался «взять себя в руки».

— Вы давно здесь? — вежливо осведомился он у Джонни, которого видел впервые. Собственно, ему было глубоко безразлично, давно Джонни здесь или недавно, просто он хотел вступить в беседу.

— Я здесь наездами, — ответил Джонни. Почему-то его ответ вызвал веселый смех у остальных.

Лацису показалось, что они смеются над ним. Он обиделся и встал из-за стола, хотел выйти, но пошатнулся и упал в кресло. Поднявшись, однако, он нетвердой походкой направился к двери.

— Ты куда? — Бэксон схватил его за руку.

Лацис смерил его взглядом с ног до головы.

— Я не могу оставаться в обществе людей, которые меня не уважают. Что значит наездами?

— Да брось ты! Никто над тобой не смеется. Действительно, Джонни часто уезжает. — Он взял Лациса за руку и отвел на место.

— Извините меня великодушно! — попросил он прощения у Джонни. — Я вас не так понял! — Он уронил голову и закрыл глаза. Чувст-

вовал он себя прескверно. Щеки одеревенели, комната, казалось, покачивается и вместе с ней покачивается стол. Захотелось спать.

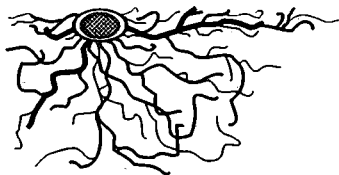
Очнулся он лежа на диване. Ворот рубашки и ремень на брюках расстегнуты. Веселье в комнате было в полном разгаре. К мужским голосам присоединился звонкий смех женщин.

Он поднялся, сел и осмотрелся. Первое, что увидел, бросило его в жар. Это была Эльга. Полураздетая, она сидела на коленях у Джонни.

— Не тронь ее! — Лацис, несмотря на опьянение, пружиной взвился и нанес Джонни удар правой рукой в челюсть. Тот слетел со стула.

— Ты что?! — вскочил Бэксон.

— Убью! — закричал Лацис, хватаясь за ножку стула. В следующее мгновение он получил удар по голове и потерял сознание.

СЮЗАННА — ЭЛЬГА

Лаис очнулся и застонал.

— Сейчас, сейчас, — послышался издали голос.

Он почувствовал, что ему в руку вонзилось что-то острое и холодное. Сознание прояснилось. Он увидел над собой склонившееся лицо Альтермана.

— Ну вот, отлично! Сейчас все пройдет, — участливо проговорил тот.

— Эльга! Где Эльга? — Лаис попытался встать, но доктор мягко и решительно воспрепятствовал этому, прижав руками его плечи к высоко взбитой подушке. Лаис услышал, вернее, почувствовал, что дверь в комнату отворилась и кто-то вошел.

— Ну как, очухался? — услышал он голос Бэксона.

Тот подошел поближе.

— Ну, не ожидал от тебя, старина, — укоризненно проговорил Бэксон, увидев, что Лаис уже пришел в себя. — Напился, как свинья, полез драться. На что это похоже? Испортил всем вечер.

— Где Эльга? Куда вы ее дели?

— Ты что, бредишь? Откуда здесь может быть Эльга? Ты же знаешь, что она во Флориде.

— Не ври! Вы ее привезли сюда. Она с Джонни. Я видел.

Бэксон вдруг начал безудержно хохотать.

— Все ясно! — все еще продолжая всхлипывать от смеха, проговорил он, обращаясь к доктору. — Это он спьяну вечером принял ту девчонку, что была с Джонни,

за свою дочь. Теперь я понимаю. Ох, не могу! Бедный Джонни так и слетел со стула. Слушай, — это уже к Лацису, — а тебе, оказывается, совсем нельзя пить, в следующий раз ты можешь принять Клару за свою двоюродную бабушку...

Альтерман, поняв, о чем идет речь, тоже захохотал.

— А вообще, должен признать, девчонка похожа... чем-то напоминает Эльгу!

— Ты врешь! Это была Эльга! — Лацис снова застонал, но уже от сознания собственного бессилия.

— Ну это мы сейчас легко установим. Ты сам убедишься. — Он подошел к двери и громко позвал: — Клара! Клара! Где ты там? Поди сюда! — и через минуту: — Приведи ту, что вчера была с Джонни.

— Сюзанну?

— Ты думаешь, я помню, как их зовут? Такая темная, шатенка, высокая.

— А! Сейчас, сейчас.

— Я пойду, пожалуй? — Альтерман взял с тумбочки шприц и положил его в футляр.

— Он больше ничего не выкинет?

— Можешь быть спокоен! Небольшое сотрясение мозга. Джонни немного перестарался. Скоро пройдет. Но денек-другой следует полежать.

— Ну, поправляйтесь. Днем я найду, проведу, — Альтерман слегка сжал Лацису руку и удалился.

— Ну, ты и напугал меня вчера. Еще немного, и проломил бы мне башку. Что это на тебя нашло? А, вот и Сюзанна! Иди сюда, детка, — он взял вошедшую девушку за руку и заставил сесть на стул возле кровати.

— Побудь с ним этот день. И смотри, поласковее. А я пойду, у меня еще куча дел. Вечером я к тебе заскочу. А пока лежи. Поесть тебе принесет Клара.

Лацис смотрел во все глаза на сидящую рядом девушку. Это была Эльга! Те же черты лица, те же волосы и глаза, та же осанка.

— Эльга!

— Я не Эльга, — ответила девушка с легким итальянским акцентом. — Меня зовут Сюзанна.

— Покажи левую руку! — потребовал Лацис. На левом предплечье у Эльги был небольшой шрам, который она получила в детстве, упав с дерева и глубоко поцарапав руку об его острый сук.

Не понимая, чего он хочет, девушка подала руку. Лацис быстро осмотрел ее. Шрама не было. Это, ясно, не Эльга. Но Лацис, как ни странно, не почувствовал облегчения. Глядя на Сюзанну, он не мог отделаться от ощущения, что перед ним на стуле сидит его собственная дочь. Он закрыл глаза.

Сюзанна, решив, что гость хочет спать, поднялась с намерением выйти, но он удержал ее.

— Не уходи!

Сюзанна покорно села.

— Ты давно здесь? — спросил он, стараясь не глядеть ей в лицо.

— Уже три месяца...

— Как я тебя раньше не заметил? — сказал он, чтобы что-то сказать.

— Нас никуда не пускают. А вы тоже к нам не приходите, — просто ответила Сюзанна.

— Откуда ты знаешь, что я не прихожу?

— Девочки говорили...

— Как ты сюда попала?

— Как все! — она пожала плечами. — Попалась на приманку.

— Приманку? Чем же тебя приманили? Кстати, ты откуда?

— Из Милана. А приманили просто. Объявлением. В газете было помещено объявление, что для съемок фильма требуются молодые и красивые девушки. Вот я и пошла. Там уже была очередь. Джонни, он играл роль режиссера будущего фильма, отобрал десять человек и предложил подписать контракт на два с половиной года. Потом он сказал: проявившие талант могут рассчитывать попасть в Голливуд. Контракт был очень выгодный. Платили в три раза больше, чем я могла надеяться заработать. Я работала гидом, — пояснила она. — Ну, а кроме того, какая женщина не мечтает стать кинозвездой? Фильм назывался «Девы солнца», это про древних инков. Джонни тогда объяснил, что именно поэтому требуются особенно красивые девушки на роль этих дев. Съемки должны проводиться, естественно, в Южной Америке. Через день после подписания контракта я простилась с родителями, обещала писать, и мы вылетели самолетом в Южную Америку. И вот я здесь.

— А другие девушки?

— Здесь, со мною.

— И вы не протестовали, когда узнали, куда и зачем вас привезли?

— Протестовали... — она горько усмехнулась. — Здесь умеют быстро гасить любые протесты.

— Вас били? — догадался Лацис.

— Нет! Хуже. Что ж, расскажу, если вас интересует техника, — голос ее наполнился ненавистью. — Проще простого: привязывают левую кисть руки к левой стопе, то же самое с правой. Потом начинают измываться, насиловать сразу несколько человек нескольких девушек в одной комнате. Обычно этого достаточно. Если не помогает, то запирают на сутки в тесный ящик, где находишься в скрюченном положении. Когда вытаскивают, то не можешь разогнуться. Затем опять насилюют. Вот и вся техника обработки первичного материала, как с юмором говорит Джонни. Неправда ли, очень остроумно?

— И ты?

— А как все! И в ящике сидела тоже! — она замолчала и долго сидела молча. Молчал и Лацис.

Чаще всего человек, чувства которого оскорблены, приходит в возбуждение. Возбуждение толкает его на действие, действие часто необдуманное, опрометчивое. Иногда же, когда оскорбление превышает некоторый допустимый предел, вместо возбуждения приходит удивительное спокойствие. Мозг работает четко. Действия становятся обдуманными и стремительными. Но это свойство дано немногим.

— Вы меня за кого-то приняли? — услышал он голос Сюзанны.

— Да, за дочь. Вы на нее очень похожи.

— А... — протянула Сюзанна. — Тогда все понятно. А то я думала, что за сумасшедший рыцарь набросился на Джонни... А вы славно ему врезали. Если бы я могла так... Я принесу вам поесть, — она встала и вышла.

Лацис задумался. Он решил бежать. То, что говорил ему Бэксон о задачах и целях партии, что представлялось раньше логичным и единственно возможным (пока не выходило за грани абстрактного рассуждения), теперь предстало во всей наготе фальши и ужаса. Судьба девушки, столь разительно похожей на его дочь, вдруг заслонила от него все остальное, все мировые проблемы, политику, судьбу далеких будущих поколений. Они представлялись ему чем-то плоским, нереальным, как рисунок на ватмане, и этому рисунку противостоял живой образ, в своей осязаемой плоти и естестве. Лацис знал, чем может кончиться побег для него лично. Смерть всегда страшна. Даже для героев. Но есть моменты, когда она отходит на второй план, уступая место более значительному. У партии длинные руки. Лацис не тешил себя надеждой, что если ему даже удастся достичь населенных мест, он будет в безопасности. Но об этом можно подумать потом. Что будет потом, он еще не представлял. Но одно было ясно: необходимо бежать. Он знает достаточно много, ему поверят. Уже раскрытие тайного производства оружия даст основание для решительных действий против партии.

Вошла Сюзанна, неся поднос с завтраком.

— Поешь со мною, — попросил Лацис.

— А вы выпейте это, — она протянула ему высокий фужер с апельсиновым соком. — Вас это освежит и быстрее поставит на ноги. Болит? — она участливо притронулась к его затылку. — Давайте я помогу вам сесть. — Лацис почувствовал, как ее руки обняли его за плечи.

— Спасибо. Мне уже лучше. Я скоро встану и снова буду здоровым и сильным, — пообещал он.

— Вы, наверное, очень добрый? — предположила Сюзанна, беря с тарелки кусок сыра. — Я действительно похожа на вашу дочь? — внешне спросила она.

— Поразительное сходство! — Лацис взглянул на нее и прочел в ее глазах просьбу.

— Ты хочешь меня попросить о чем-то?

— Не знаю, как вы к этому отнесетесь...

— Говори. Обещаю сделать все, что в моих силах!

— Вы вчера были с Бэксоном. Вы с ним в хороших отношениях? Ох, я не то хотела спросить... Извините... Вы занимаете здесь важный пост? В общем, вы не ниже, чем офицер охраны?

— Думаю, что не ниже. Я главный инженер завода.

— Тогда это вам легко будет сделать, если вы, конечно, захотите.

— Ну, говори скорее, что я должен сделать?

— Видите ли, — Сюзанна слегка покраснела, — некоторые офицеры берут понравившихся им девушек себе домой. На время. Некоторые на неделю, другие дольше, даже на месяц...

— Ты хочешь, чтобы я взял тебя? — догадался Лацис.

Она кивнула и еще больше покраснела.

— Я хочу немного отдохнуть. Вы не думайте, — поспешно добавила она, — вы мне очень нравитесь... Правда! Вы будете мною довольны...

Лацис почувствовал, как комок подступает к горлу. «До какой степени унижения, — подумал он, — может дойти женщина, если просит его, который по возрасту годится ей в отцы, взять ее на время в наложницы. И это общество будущего?! Как говорил Бэксон, вынужденные временные потери социальности ради выживания. Выживания? Выживание общества неотделимо от его культуры, а культура общества определяется в первую очередь положением женщины в этом обществе. Чем выше культура, тем выше это положение. Как я мог забыть старую истину и поддаваться на уговоры и доводы прохвоста?» Он скривился.

Сюзанна приняла его гримасу на свой счет и вскочила со стула.

— Извините и забудьте, пожалуйста, то, что я здесь говорила. — Она хотела уйти.

— Постой, Сюзанна! У меня просто заболела голова, — соврал он. — Я с радостью выполняю твоё пожелание.

«Еще не совсем сломалась! — с радостью подумал он, заметив ее смущение. — А как же побег? Взять с собой? Это исключено, она не выдержит, да и не имею права подвергать ее жизнь риску. Ладно, пусть немного отдохнет хотя бы. Побег осуществить сразу вряд ли удастся. Надо к нему тщательно подготовиться».

Вечером он поговорил с Бэксоном, вернулся домой в свой трехкомнатный коттедж и забрал с собой Сюзанну. Последнее очень развеселило Бэксона.

— Ты начинаешь обживать! Если хочешь, можешь не ходить в общую столовую. Я распоряжусь, чтобы продукты тебе доставляли на дом.

— Это было бы прекрасно! — обрадовался Лацис, так как предложение Бэксона способствовало осуществлению его планов. Он уже задумывался, как бы незаметно запастись продуктами на дорогу. И вот проблема, оказывается, решила сама собой.

— Так и быть, — расщедрился окончательно Бэксон, — три дня можешь не являться на работу. Отдыхай! Это тебе мой свадебный подарок, — хохотнул он.

— Спасибо! — искренне поблагодарил Лацис. Эти три дня он решил использовать для обдумывания и, главное, наметить пути побега.

— Ты ее надолго берешь? — поинтересовался Бэксон.

— Не знаю, — ответил Лацис, не желая выдавать своих чувств к Сюзанне. — А что?

— Да так. Джонни через месяца три-четыре привезет новую партию, свеженьких. Так что смотри, если захочешь заменить, то пожалуйста.

— Зачем вам их столько?

— Мы будем расширять дело. Когда полностью придешь в себя, начнем проектировать новый сборочный цех. Дело движется, старина! — он с удовлетворением потер руки. — Дело движется! Еще год, от силы два, и мы покажем, на что способны!

— Что, уже близко? — стараясь скрыть волнение, спросил Лацис.

— Близко и даже очень! Мы получили существенную поддержку в некоторых влиятельных кругах, — таинственно сообщил он, — но об этом пока молчок. Тебе как другу могу сказать: готовься!

— Что, будем стрелять?

— Стрелять будем потом. Сначала голосовать! — он снова расхохотался, полагая, что сострил. А может быть, это действительно было остроумно и связано с ситуацией, которую Бэксон не хотел полностью раскрывать перед Лацисом.

— И с этим сбродом, — спросил Лацис, имея в виду отряд штурмовиков, расквартированный в поселке, — думаете захватить власть? Да одна только полиция раздавит нас, как муху.

— Ты напрасно так на ребят, — почти обиделся Бэксон. — Мальчики, конечно, любят пошуметь, но когда доходит до дела, они могут быть дисциплинированными и исполнительными.

— Все же рано, я считаю, что пока рано, — упрямо повторил Лацис, — надо накопить сначала силы, чтобы действовать наверняка. Разгром сейчас отбросит движение на много лет назад, если не похоронит вообще. Надо, — жестко заключил он, — быть более ответственными.

Бэксон нахмурился.

— Ты что же думаешь? Ты, который только прикоснулся к движению, решил, что имеешь дело с легкомысленными авантюристами? Ты говоришь — накапливать силы. Они уже, ты понимаешь, уже есть, и то, что ты видишь здесь, — крохотная часть. Когда будет дан сигнал, выступят все.

— Ну, тогда другое дело. Я же не знал. Прости меня, если что не так сказал.

Бэксон смягчился и хлопнул Лациса рукою по спине.

— Ладно, старина, я тебя тоже понимаю. Коль взялся за дело, надо быть уверенным, что оно надежное. Не так ли? Однако, — он посмотрел на часы, — я заболтался с тобой. Обживайся и дня через два садись за работу. Будешь проектировать новый цех.

— А рабочие?

— Будут! — уже на ходу крикнул в ответ Бэксон.

«Уже скоро. Вот как! Надо торопиться!» — решил Лацис, глядя вслед уходящему Бэксону.

Начало темнеть и Питер, зайдя в дом, зажег свет. Из ванной донесся шум льющейся воды. За разговором с Бэксоном Лацис совершенно забыл о Сюзанне.

— Я сейчас! — послышался из ванной ее голос. — У вас найдется чем вытереться?

Лацис взял с веранды просушивающуюся со вчерашнего дня махровую простынь и повесил ее на ручку двери ванной. Сюзанна открыла дверь и взяла простынь.

«Как же нам, однако, разместиться?» Беря к себе в дом Сюзанну, он не имел ничего в намерениях, кроме того, чтобы дать девушке, как она сама сказала, отдохнуть. Ее сходство с дочерью вызывало в нем скорее отцовские чувства, чем обычные чувства мужчины к женщине.

В доме была только одна кровать. Она стояла в спальне, защищенная противомоскитной сеткой. Хотя окна в доме были также закрыты сеткой, москиты проникали в него через открываемые двери. Спать без такой сетки — мучение. «Попросить у Бэксона еще одну кровать? Нельзя! Вызовет подозрение», — покачиваясь с пяток на носки, он стоял перед кроватью. В таком положении его и застала Сюзанна.

— О! — удовлетворенно произнесла она, — здесь достаточно широко! Вы будете принимать душ?

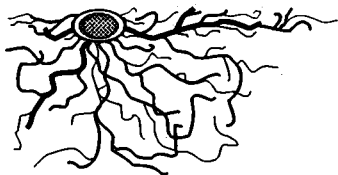
— Да, конечно, — машинально ответил Лацис, чувствуя, что краснеет, и поспешил уйти в ванную.

— Простынь почти сухая, — крикнула ему вслед Сюзанна, — я вытерлась краешком!

Стоя под душем, Питер размышлял о положении, в которое попал. В конце концов, не спать же мне на полу, — привел он себе последний аргумент и стал вытираться.

Свет в спальне был уже потушен. Он остановился в нерешительности.

— Ну, что же вы? — услышал он из темноты голос Сюзанны. — Идите скорее, а то под сетку налетят москиты.

ПОБЕГ

Единственно возможным путем побега была река. Попытаться идти через сельву — значило погибнуть в первый же день либо от укусов ядовитых гадов, либо в непроходимой трясине болот.

Вначале Лацис думал воспользоваться моторным катером, но отверг эту мысль. Его бы все равно догнали, если не на другом катере, то на вертолете. Катер выдавал свое присутствие шумом мотора и его трудно было бы спрятать в прибрежных зарослях. Лучше воспользоваться обыкновенной лодкой.

До ближайшего населенного пункта, при впадении Каури в Амазонку, было не меньше трехсот километров. На лодке, если двигаться только ночью, это заняло бы дней двадцать. Продуктов, накопленных за три недели, должно хватить. В крайнем случае, можно ловить рыбу. Теперь, что делать с Сюзанной? Возвратить ее Кларе? Лациса передернуло от такой мысли. Судя по поведению, Сюзанна не сомневается, что Питер ее уже никому не отдаст. Эльга, его дочь, была очень похожа на свою мать. И теперь Лацис уже не воспринимал Сюзанну как Эльгу, а скорее она напоминала ему его рано умершую жену, его Ингу. Он даже как-то случайно назвал Сюзанну Ингой. Она удивилась. Пришлось объяснить. Радостный блеск в ее глазах смутил Лациса, и он вдруг почувствовал, что уже не сможет расстаться с этой девушкой. «Что скажет Эльга, если я привезу с собой Сюзанну? Они одинакового

возраста. Сюзанна даже на полгода моложе. Ситуация!»

— Я могу вскоре уехать отсюда, — сказал он ей ночью и сразу же почувствовал, как напряглось ее тело. Сюзанна молчала.

— Ты поедешь со мной? — спросил он ее.

Сюзанна вздрогнула, но ничего не ответила.

— Ну так как же? — повторил он свой вопрос, не дождавшись ответа. И вдруг понял, что она плачет. Он провел рукою по ее лицу. Лицо было мокрое от слез. Она плакала молча.

— Милый Питер, о чем ты? Меня никогда отсюда не отпустят, — она всхлипнула, не в силах больше сдерживаться.

— Успокойся и выслушай меня, — он заговорил тише. — Мы ни у кого не будем спрашивать разрешения. Я решил бежать отсюда. Ты пойдешь со мной?

— Хоть на край света, лишь бы отсюда! — она не сказала «с тобой», и это его невольно задело.

Он помолчал, затем спросил:

— Ты сможешь выдержать дорогу? Она будет опасная и тяжелая.

— С тобою мне не страшно, — он почувствовал, как она повернулась к нему, прижалась лицом к его груди.

— Ты вернешься домой, если все обойдется благополучно.

— Если ты меня прогонишь... — прошептала она.

— Ты согласна уехать со мной и жить потом вместе?

— Конечно! Ты добрый, ласковый и сильный. Если бы не ты... У меня уже не было сил. Я бы, наверное, что-нибудь с собою сделала. Но зачем я тебе такая? После всего... — она опять заплакала. — Боже... что они со мной сделали...

— Успокойся, Сюз. Прошу тебя, — как можно ласковее прошептал он, целуя ее в лоб. — Придет время, — пообещал он, — они за все заплатят.

Минуло еще три недели. Все было готово к побегу. Лацису удалось по частям принести с завода бластер. Он собрал его дома.

— А мне? — потребовала Сюзанна, когда он объяснил назначение «трубки». Несмотря на риск, который, впрочем, был не особенно велик, так как никому не пришло бы в голову обыскивать при выходе с завода главного инженера, он добыл составные части ко второму бластеру и еще пару батарей в запас. Помимо бластеров он вынес с завода пару трубок с паралитической жидкостью. Они могут пригодиться при побеге.

Задолго до побега он приобрел удочки и теперь часто проводил свободное время у причала. Рыба ловилась не особенно хорошо, но ему надо было, главным образом, чтобы часовой привык к его появлениям вечером на пристани. Лодки и катера стояли тут же. Катера были замкнуты на замок, а лодка привязана к причалу толстым нейлоновым шнуром. Весел при ней не было. Лацис вскоре обнаружил, что весла хранятся в сарае, на двери которого висел замок. Проходя мимо, он присмотрелся к нему. Обычный замок, снять его не представляло особого труда при помощи согнутой проволоочки.

Лацис решил бежать в первый же день новолуния. Часовой привык, что Сюзанна приходит на пирс к концу рыбной ловли. Так что ее появление не должно вызвать настороженности.

Бэксон посмеивался над его рыболовными занятиями. Он раза два приходил к причалу и с интересом наблюдал за ловлей.

— Все-таки в каждом прибалтийце сидит рыбак, — заметил он. — Я бы ни за что не стал кормить здесь собою москитов!

— Охота — пуще неволи, — согласился Лацис.

— Как идет проектирование?

— Думаю, через месяц закончу.

— Прошу тебя, поторопись. Через месяц уже вернется Джонни с партией рабочих и привезет цемент, арматуру, необходимые станки и приборы. Цех должен быть готов месяца через четыре, максимум — пять. Я получил радиogramму. Меня торопят.

Сделаю все в срок, — пообещал Лацис.

— Смотри! Я на тебя надеюсь. Не подведи, дружище!

— Донесешь? — с сомнением спросил Лацис Сюзанну, взвешивая рукою рюкзак с продуктами.

— Не волнуйся, донесу, — она довольно легко подняла его и забросила на плечи.

— Запомни, когда подойдешь к причалу, оставь его в тени и иди без него.

— А как с бластерами?

— Они уже спрятаны. В нише под причалом. Я еще вчера их туда засунул. Ну, я пошел. Как только стемнеет, подождешь, пока утихнет шум на улице, и иди.

...Несмотря на новолуние, рыбалка ладилась. Рыба вообще клевала здесь, у причала, лучше, очевидно, привлеченная светом фонаря. Фонарь имел широкий козырек сверху и свет падал только на воду, слегка освещая причал и стоящие возле него лодки.

Послышались шаги идущей по досчатому настилу Сюзанны. Часовой скучал, наблюдая за Лацисом. В этот момент поплавок резко пошел вниз. Лацис подсек и почувствовал, как на конце лески забились крупная рыба.

— Возьми подсак, — крикнул он часовому и, отбросив удилище, начал руками выбирать леску.

Часовой схватил подсак для рыбы и, наклонясь, ждал, когда она покажется над водой.

— Внимание! — крикнул Лацис. Часовой весь напрягся и в этот момент ему в лицо брызнула паралитическая жидкость из цилиндра. Незадачливый страж обмяк и свалился на пирс. Лацис бросил леску, которая быстро ушла под воду, увлекая за собой удилище.

— Тащи рюкзак и снасти в лодку, — тихо сказал он подбежавшей Сюзанне, а сам кинулся в сарай. Замок занял не больше минуты. Он выбрал весла, закрыл сарай и подбежал к лодке, возле которой его ждала Сюзанна.

— Идем, поможешь мне. Бери его за ноги, — велел он, поднимая часового за плечи. — Сюда, во вторую лодку.

Подобрав валяющийся на настиле причала бластер часового и забрав свои спрятанные, он присоединился к Сюзанне, которая уже сидела в лодке. Обрезав веревки, он оттолкнул обе лодки, забрался в первую и привязал трос от второй к корме своей. Тихо крадась вдоль

берега, лодки заскользили вниз по течению. Отплыв с километр, он перестал грести и прислушался. Все было тихо.

— Зачем ты его взял с собой? — Сюзанна показала рукой на идущую в трех метрах от них на буксире вторую лодку.

— Я не мог оставить его там. Через час он пришел бы в себя и поднял тревогу. А затем, у меня возникла идея. Обнаружив, что пропали две лодки и охранник, они поначалу решат, что он наш сообщник. А так как угнали две лодки, подумают, что мы разделились. Кто-то пошел вверх по течению, а кто-то — вниз. В результате этого они вынуждены будут расширить область поиска, и мы выиграем немного времени. Ах, черт возьми! — он с досадой выругался.

— Что такое?

— Весла! Я забыл взять вторую пару весел. Если они подсчитают весла, то поймут, в чем дело. Будем надеяться, что в спешке им это не придет в голову.

Через два часа охранник стал подавать признаки жизни. Лацис подтянул буксируемую лодку и брызнул ему в нос еще одну порцию.

— Пусть пока полегит смирно, — пояснил он.

— Что ты с ним думаешь делать? Может быть, проще, — она указала рукою на воду.

— Не могу безоружного. Да и жалко. Я с ним почти сдружился. Он часто дежурил во время моей рыбалки. Я его высажу подальше. А там — что бог даст. Если он и доберется по топкому болоту, мы будем уже далеко.

За ночь они прошли километров пятнадцать вниз по течению. Охранник к утру уже полностью оправился от действия паралитической жидкости, но вел себя тихо.

— Сейчас я тебя высажу! — крикнул ему Лацис и стал подгребать к берегу.

— Осторожно, Питер! — раздался испуганный крик Сюзанны, которая сидела на носу лодки. Глаза ее были расширены от страха. Лацис быстро обернулся. Охранник стоял на носу своей лодки. Держа в руках трос, он подтягивал ее к ним и, упершись ногою, готовился к прыжку. Лацис опередил его на долю секунды. Тот уже прыгнул, как ему в нос брызнула отравляющая жидкость. Потеряв мгновенно сознание, охранник свалился в воду и сразу же пошел ко дну.

— Вот дурак! — в сердцах выругался Лацис.

— Сам виноват. Как я напугалась! Еще секунда, и он успел бы прыгнуть к нам в лодку.

— Теперь нам эта лодка не нужна, — проговорил Лацис, срезая трос буксира. — Пусть себе плывет.

— А если ее обнаружат? Они поймут, что мы где-то здесь.

— Скорее, напротив! Увидев брошенную лодку, они подумают, что те или тот, который отправился вниз по реке, погиб, и будут искать другую лодку в верхнем течении.

— Ой, что это?

Лацис оглянулся. Там, где упал охранник, бурлила вода и по ней расплывалось пятно крови.

— Пирании. Это такая рыба, очень хищная. Она водится не везде, но там, где она, — ничто живое не может переплыть реку. Сожрет

живьем. Пора все-таки подумать об убежище. — Он направил лодку к правому берегу и, проплыв еще с полкилометра, нашел подходящее место. Это было устье впадающего в реку широкого ручья, со всех сторон закрытого густыми зарослями. Через несколько минут он остановил лодку, привязал ее к берегу. И вовремя, так как вскоре над рекою послышался гул низко летящего вертолета.

— Уже ищут, — прошептала Сюзанна.

— Можешь говорить нормально, — засмеялся Лацис. — Не услышат. Однако костер разводить нельзя. Придется позавтракать холодным. — Он раскрыл рюкзак и вытащил провизию. — Будем есть понемногу. Неизвестно, сколько нам придется плыть.

Снова послышался гул винтов вертолета. Он возвращался. На этот раз летел совсем низко.

— Они не заметят нас?

Лацис посмотрел на густые заросли и отрицательно покачал головой.

— Опаснее катер, — сказал он. — Они могут обнаружить устье ручья и войти в него. А вот и легки на помине, — со стороны реки доносится шум идущего катера. Шум приближался, затем стал глуше. Катер сбросил обороты и теперь медленно шел вдоль берега.

— Приготовься, — тихо сказал Лацис, беря в руки бластер. Однако катер прошел мимо.

— Сейчас он будет возвращаться. Нам надо подняться вверх по ручью. Там и мелко, и катер не пройдет. На обратном пути они обнаружат ручей и обязательно его обследуют.

Они поплыли вверх по течению. Скоро действительно стало мелеть, в полумраке зарослей показалось дно, местами покрытое галькой. Лодка остановилась.

— Протащим ее вон до того угла, — предложил Лацис, спускаясь в воду. Он взял в руки буксирный трос и потащил лодку вперед. В это время сзади послышался звук мотора катера. Он вошел в устье притока.

За поворотом ручей превратился в ручеек, который уходил в заросли и терялся среди деревьев.

Катер между тем, судя по звуку, поднимался за ними. Вскоре мотор перестал работать.

— Дальше он не пройдет, слишком мелко. Но они, может быть, попытаются пешком пройти вверх по течению. Будь на всякий случай готова. Ты целься в тех, что будут справа, а я возьму левых, — предупредил он ее.

Послышался шум идущих по дну ручья людей. Беглецы прижались к выступу большого камня, сжимая в руках оружие.

— Эй, Лацис, — зазвучал голос Бэксона, усиленный мегафоном. — Брось дури! Выходи! Будем считать, что это недоразумение! Ты слышишь?

Сюзанна задрожала. Лацис сжал ей плечо и приложил палец к губам.

— Питер! — продолжал уговаривать Бэксон. — Я же знаю, что ты здесь! Не вздумай только стрелять! Лучше возвращайся, и все забудем! Слышишь, Питер?

Они были почти рядом.

— Их здесь нет, шеф. Скорее, они спустились ниже.

— Мы же там были.

— Наверное, еще ниже, там есть заводы, где легко спрятать не то что лодку, а целое судно. Мы зря теряем время.

— Может, ты и прав. На всякий случай...

В зарослях, метрах в пяти ниже по ручью от беглецов что-то упало и раздалось шипение. Лацис понял, в чем дело, быстро и тихо вытащил из рюкзака два полотенца и, смочив водой, подал одно Сюзанне.

— Закрой лицо и дыши только через него.

— Шеф! Что вы наделали! — раздался крик. — Ветер тянет эту гадость на нас. — Послышался плеск воды. Люди быстро, насколько позволял неудобный для передвижения путь, побежали вниз по ручью.

Вскоре до беглецов донесся звук работающего мотора.

Дышать становилось все труднее. Сюзанну начал мучить приступ кашля.

— Давай-ка подыдемся выше, — решил Лацис. — Лодку оставим здесь.

Они пошли по ручью вверх. Ширина его здесь была невелика. Ветви деревьев образовали своего рода тоннель, по которому можно было идти только согнувшись. Путь преградил полуповаленный, нависший над самой водой, ствол дерева. Вода текла сквозь эту преграду с тихим журчанием.

— Здесь отдохнем. — Лацис сел на ствол дерева и подал руку Сюзанне, помогая ей взобраться. Раздался плеск. Огромная змея сползла со ствола и извиваясь поплыла по ручью. Сюзанну всю передернуло.

— Это не ядовитая, — Лацис обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Переждем, пока газ совсем не развеется, затем спустимся к лодке.

— Ой! Посмотри, что это? — она указала ему на черный продолговатый предмет под ветвями дерева, на котором они сидели. Лацис пристроился, потом зажег фонарик.

— Да ведь это лодка! — тихо воскликнул он. — Вернее, индейская пирога. Интересно, как она здесь очутилась? Может быть, тут поблизости живет индейское племя? Они еще сохранились кое-где и прячутся от цивилизации в густых дебрях сельвы. — Он спустился с дерева и, раздвигая ветви, подобрался к пироге. — А здесь есть даже весла, — сообщил он. — И, судя по всему, ею совсем недавно пользовались. — Он вытащил пирогу на воду. Несмотря на небольшую глубину ручья, она легко держалась на плаву.

— Однако давай не будем трогать чужие вещи и обижать бедных индейцев. — Лацис затолкал пирогу снова под ветви и привязал ее к стволу.

Прошел час.

— Пора двигаться, — сказал Лацис, слезая с дерева. — Ты пойдемь сзади меня метрах так в двадцати. Вот, возьми на всякий случай, — он вытащил из внутреннего кармана куртки пакет в целлофане. — Здесь адрес, деньги и письмо к Эльге.

— Зачем ты даешь это мне? — вздрогнула Сюзанна.

— Пусть пока будет у тебя. Мало ли что.

Он пошел вниз. Сюзанна выждала пять минут и медленно пошла за ним.

Лациса схватили, когда он подошел к оставленной лодке. Сюзанна видела все это сквозь ветви деревьев. Девушка в страхе кинулась назад, добежала до поваленного дерева, перелезла через него и пошла дальше по течению ручья. Она слышала голоса разыскивающих ее людей и все дальше и дальше углублялась в сельву. Преследующие отстали, очевидно, решив, что женщина все равно обречена на смерть.

После того, как голоса затихли, она прождала еще часа два и осторожно вернулась к завалу. Перебравшись через него, она вытащила пирога, села в нее и стала осторожно спускаться по ручью вниз. Была уже глубокая ночь, когда Сюзанна достигла устья ручья, и пирога заскользила по реке.

Лацис сидел на стуле. Руки его были в наручниках. Кроме него в комнате находились двое — Бэксон и Альтерман. Альтерман сидел спокойно, попыхивая трубочкой и, казалось, был погружен в собственные мысли, не слушая того, что говорил Бэксон. Тот ходил по комнате, время от времени останавливаясь и бросая взгляды на молча сидящего Лациса.

— Ах, Питер, Питер, ну какую же ты глупость совершил, — в голосе Бэксона звучало искреннее сожаление и даже сочувствие. — Ну чего тебе не хватало? Тебе открывалась прекрасная перспектива. Ты талантливый инженер. Чего ты хотел? Хотел повернуть историю вспять? Но это же наивно и смешно! Ну хорошо, я не буду говорить о твоём предательстве, о том, что ты изменил друзьям, идее. Пусть это будет на твоей совести, если от нее что-нибудь еще осталось. Но на что ты надеялся? Ну поверили бы тебе и прислали сюда полицейских, даже армейские части. Ты думаешь, мы ожидали бы их? Нас уже давно бы здесь не было. Да даже если бы нас застали врасплох и уничтожили, что бы от этого изменилось? Неужели ты допускаешь, что мы одни? Нас много: и здесь, и в Андах, и на Тибете, и во многих других местах. Сейчас наша организация сильна как никогда, не пройдет и двух лет, как мы возьмем в свои руки всю власть. Тебе было уготовано хорошее место в новом, обновленном обществе. Теперь что? Что прикажешь с тобой делать? Поверь, я искренне любил тебя, но после всего, что ты сотворил, мне придется выполнить свой долг.

— Я не сомневаюсь в этом и готов. Когда вы меня расстреляете?

— Ишь ты, скорый! Расстреляете! А кто будет проектировать цех и руководить работами? Где мне прикажешь брать сейчас главного инженера? Нет, Питер, тебе придется работать! Правда, работать в новом качестве. Ты уж извини меня.

— Работать я не буду. Лучше стреляйте.

— Ну, это уже нам решать. А работать ты будешь. Это я тебе гарантирую!

— У вас все готово? — спросил он Альтермана.

Тот утвердительно кивнул, продолжая попыхивать трубочкой. Лацис догадался, что его ждет, и вскочил на ноги.

— Вы этого не сделаете! — крикнул он.

— Я же тебе говорил, что здесь решаю я. Пойми, я не хочу тебе зла, но вынужден обезопасить себя от всяких неприятностей. Обеспечить ту небольшую часть общего дела, которому, в отличие от тебя, храню верность. Причем, заметь, верность сознательную, а не верность фанатика. Я ведь тебе растолковывал, что у человечества нет другого выхода.

— Я уже понял, что вы готовите человечеству.

— Ничего ты, дурачок, — это я по старой дружбе, — не понял. Мы готовим человечеству жизнь — вот что главное. Ради высокой цели можно пойти на издержки. Но это могут понять только сильные люди. Ты же оказался бабой. Извини меня, но это так. Как же тебя назвать, если ради проститутки ты изменил товарищам, делу и в конце концов ты изменил человечеству.

— Не отождествляйте себя со всем человечеством.

— Ты прав! Мы не все человечество. Здесь я не спорю. Но мы — его мозг, его иммунная система, которая призвана защищать организм человечества от скверны. И мы это сделаем! Мы не позволим народам застыть в развитии и начать регрессировать. Сейчас критический период и надо помочь им перешагнуть порог и пойти дальше.

— Через фашистскую диктатуру.

— Не будем вешать ярлыки. Но скажи честно, разве в критические периоды истории народы не прибегали к диктатуре как к единственно возможному в сложившихся условиях управлению? Диктатуре ради спасения. Вспомни Древний Рим, когда при необходимости народ и сенат вручали всю полноту власти диктатору. Разве мы первые? Нет! За нами богатый опыт истории.

— Вы готовите миру небывалую в его истории тиранию.

— Да! Но разве в истории мира был когда-либо более критический период, чем сейчас? Чем больше опасность, тем тверже должна быть диктатура. Римляне говорили: «Ганнибал у ворот» и отдавали власть диктатору. Сейчас весь мир может сказать эту фразу: «Ганнибал у ворот!» А, что с тобой говорить, — Бэксон с досадой и огорчением всплеснул руками. — Ваш брат интеллигент никогда не отличался ни твердостью характера, ни величием духа. Вы слишком консервативны и всегда находитесь в плену застаревших предвзятостей, отживших свой век ценностей. Являясь самым многочисленным классом, вы никогда не сможете стать во главе политических сил общества из-за своей трусости, близорукости и вечной грызни между собой. Вами надо руководить, тогда от вас может быть польза, если же вам дать волю, то вы заведете в такой тупик, откуда вообще нельзя будет никогда выбраться. — Он еще раз посмотрел на Лациса долгим внимательным взглядом, вздохнул и, подойдя к двери, вызвал охранников.

— В операционную! — приказал он.

Санитар несколько раз ударил Лациса по щекам. Тот заморгал, съежился и... заплакал.

— Все в норме, док, — удовлетворенно доложил санитар.

Альтерман подошел к Лацису, который при его приближении еще больше съежился от страха.

— Ну, успокойтесь, Питер, — он погладил его по голове. — Это контроль, бить вас больше не будут, не плачьте.

Лацис перестал плакать и выпрямился.

— Ну, вот и хорошо, — голос Альтермана звучал успокаивающе. — А теперь подойдите сюда. Вот так. — Он протянул ему карточку. — Прочтите, что это такое.

Лацис взглянул и быстро ответил:

— Это формула Остроградского.

— Ну и?..

— Она устанавливает связь между двойным и криволинейным интегралами.

— Отлично, Питер, отлично. Вы понимаете, что с вами произошло?

— Да.

— Будете работать?

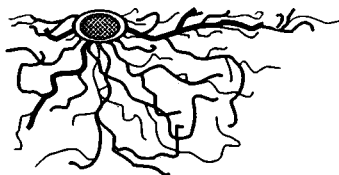
— Буду, — покорно ответил Лацис.

— Вашу девчонку нашли мертвой в селъве, — сообщил Альтерман. — Вам ее жалко?

— Да... — безучастным голосом ответил Лацис и механически повторил: — Мне ее жалко.

— Ну, хорошо, — Альтерман похлопал его по плечу. — Идите отдыхать в палату. Через два дня за вами придут, и вы вернетесь к своим служебным обязанностям, — он круто повернулся и вышел.

Лацис опасливо покосился на санитаря и медленно пошел в палату.

ВСТРЕЧИ

Казалось, жизнь научила Сергея ничему не удивляться. Однако на этот раз все было столь неожиданно, что он невольно вскрикнул. Мгновение назад он вышел из здания института Сверхсложных Систем и направился к стоянке такси, и вот он уже шел по берегу знакомого озера, направляясь к своему дому, тому самому, в котором столько лет прожил с Ольгой и детьми на пустынном острове.

Он прошел по тропинке мимо огорода и вошел во двор. Здесь появилась новая пристройка — конюшня, сквозь открытые ворота которой были видны стоящие в стойлах лошади.

Сергей пересек двор и увидел ожидающую его на крыльце Ольгу. Она приветливо помахала ему рукой.

— Только не удивляйся, — предупредила его жена.

— Да я уже ничему не удивляюсь, — ответил Сергей и, осмотревшись по сторонам, спросил: — А где «тот»?

— Да здесь я! — раздался, как ему показалось, внутри него самого голос, в котором он узнал свой собственный, и добавил: — Поговори с Ольгой, я в курсе дела, и не буду вам мешать.

— Так ты внутри меня? — мысленно спросил Сергей.

— Если быть точным, то наоборот, ты внутри меня. Но не теряй времени. Ольга тебе все объяснит.

— Здравствуй, Сергей! — произнесла Ольга, делая шаг навстречу ему.

— Здравствуй! Тебя можно поцеловать?

— Целуй уж, — пробурчал внутренний Сергей. — Все равно тело и губы мои.

— Как это тебе удалось?

— А ты не догадываешься? — улыбнулась Ольга. — Помнишь, как ты прожил долгие годы на Эли, а потом очутился здесь, на острове, у потухшего костра? Эти операции с информационным полем в общем-то для меня не представляют сложности. На этот раз мы займем немного времени, и там, на Земле, ты не успеешь за это время сделать шага. А ты что, не рад встрече?

— Рад, конечно! Но чем вызвано это свидание?

— Сейчас объясню. Небольшая техническая помощь тебе не помешает.

— Ты о неогуманистах? Я решил действовать!

— Знаю! Но мы тут с Сергеем рассчитали, что ты не успеешь. То, что ты задумал сделать, в общем правильно. Правильно распределил этапы действия. Но первый этап у тебя займет слишком много времени. Пока ты подберешь людей, Каупони и его компания начнут осуществлять свой план. Поэтому мы решили тебе помочь. Помощь минимальная. Вот список и адреса людей, которые тебе понадобятся. Прочти и запомни, — она протянула ему список. — С собой ты, естественно, его взять не можешь, но запомнишь легко.

Действительно, имена людей и их адреса легко вошли в память. Сергей прочитал и затем мысленно повторил прочитанное, не обнаружив потом, при проверке, ни одной ошибки.

— Постояй, — он вопросительно взглянул на Ольгу. — Ты что? Решила отказаться от невмешательства? Это не нанесет тебе вреда? Насколько я понял из предыдущей встречи, ты опасалась последствий такого вмешательства.

— Это не вмешательство в полном смысле слова, а помощь своему представителю. Я же говорила тебе, что ты мой представитель там, среди людей. Это не прямое вмешательство.

— Понятно! Спасибо. Это мне сэкономит время. Ребята, — он повертел в руках список и возвратил его Ольге, — надежные?

— Могу только сказать, что их психоструктура наиболее подходит для твоего дела. В некотором отношении у них полное сходство с тобою. Теперь прощай.

— Мы еще встретимся?

— Не один раз.

Переход был мгновенный. Снова знакомая площадь. Сергей сел в такси и назвал пилоту адрес. Ошибку он обнаружил, когда пилот, вместо того, чтобы лететь на запад, круто развернулся и взял курс на юго-восток. Он понял, что вместо адреса адаптационного центра назвал ему адрес Николая Скворцова, стоящего первым в списке.

Николая он нашел сразу. Это был высокий темноволосый парень с правильными чертами лица и квадратным подбородком, что указывало на сильный мужской характер. Николай был тренером по пятиборью. Он, правда, учился еще в университете на историческом факультете, но учеба из-за частых соревнований продвигалась туго. Лет ему не больше двадцати трех. Он почти одинакового роста с Сергеем, только чуть уже в плечах.

— Проходите, — просто сказал он, пропуская Сергея в свою маленькую комнатку, стены которой были увешаны выпелами, медалями и грамотами за призовые места в соревнованиях. На полках выстроились спортивные кубки. Маленький столик, на котором лежала стопка учебников и тетрадей, узкая койка и один-единственный стул — вот и вся мебель.

— Садитесь, — Николай придвинул гостю стул, а сам сел на кровать.

Сергею понравилось, что Николай не стал задавать никаких вопросов незнакомому человеку и спокойно ждал объяснений причин его визита. Сергей назвался, и опять-таки Николай произвел на него хорошее впечатление. Он только наклонил голову в знак того, что это имя ему известно. Пока Сергей говорил, Николай слушал внимательно, не проронив при этом ни слова. Когда Сергей закончил, он спокойно заметил:

— Все, что вы говорили, соответствует тому, что я думаю по этому поводу. Поэтому я согласен с вашим предложением, а также с тем, что терять времени нельзя. Список при вас?

— Нет, я его знаю на память.

— Тогда сделаем так. Мы с вами разделимся. Вы дадите мне часть адресов, даже большую из них. Насколько я понимаю, у вас есть еще неотложные дела. — Он достал из ящика стола лист бумаги, авторучку и положил все это на стол перед Сергеем. Тот стал записывать имена и адреса людей, которых ему рекомендовала Ольга. Когда он кончил писать, Николай взял список и внимательно изучил его, затем взял ручку и сделал несколько пометок.

— Пятерых я хорошо знаю, — пояснил он. — Это значительно упрощает дело. Я могу с ними поговорить по видеотелефону и договориться о встрече в ближайшие два дня. Уверен, что они нас поддержат. Таким образом, нас уже будет семь человек. Вот что! Вы занимайтесь своими делами, а я возьму на себя весь список. Где мы встретимся?

— Я заказал яхту. Через неделю, мне сообщили, она будет готова. Я буду ждать вас в Неаполе. Яхта будет носить имя «Элиа».

— Это женское имя? — впервые выразил удивление Николай. — Никогда не слышал такого!

— Имя планеты, — ответил Сергей. — Теперь вот что, — он вытащил чековую книжку. — Я выпишу двадцать чеков по сто тысяч кредитов каждый. Все обозначенные в списках — командиры будущих отрядов. Деньги предназначены им для формирования этих отрядов и покупки оружия.

Николай кивнул головой в знак согласия.

— Если остальные в списке такие же, как те пятеро, с которыми я знаком, то отряды будут сформированы через два месяца.

— Через два месяца я жду вас на яхте. Сегодня 15 мая. Следовательно, 15 июля. — Сергей встал и протянул руку Николаю. Тот пожал ее и, взглянув на часы, висевшие на стене, удивленно присвистнул:

— Ого! Уже второй час ночи. Я и не заметил. — Он критически осмотрел свою комнату.

— Не беспокойтесь, я доберусь, — предупредил его Сергей, поняв, что тот хочет предложить ему ночлег. — Где тут стоянка авиатакси?

— Два квартала отсюда. Да я проведу вас.

— Не стоит. Ложитесь спать, а завтра с утра принимайтесь за дело.
 — Да, завтра мне еще надо уволиться с работы и отнести заявление в университет. Но я часа за два, думаю, справлюсь.

Сергей вышел и начал спускаться по лестнице. Навстречу ему поднималась женщина. Сергей посторонился, чтобы дать ей пройти. В этот момент ему в лицо брызнула едкая жидкость, и он потерял сознание.

Очнулся он на полу в незнакомом помещении. Пол мягкий, пружинистый. И абсолютная темнота вокруг. Сергей попытался встать. Это удалось не сразу, так как пол под ним раскачивался, а он еще не совсем пришел в себя. В голове шумело. Наконец удалось подняться, и тут он почувствовал, что голова его упирается во что-то. Протянул руку и ощупал потолок. Он был низкий, меньше его роста и такой же пружинистый, как и пол. Протянув руку в сторону, Сергей обнаружил, что находится в узкой невысокой камере, стены которой обиты толстым слоем мягкого, но прочного пластика. Камера продолжала трястись. По-видимому, ее куда-то везли. Сергей сел. Спина его упиралась в одну стену, а носки согнутых в коленях ног — в противоположную. Воздух в камеру поступал свежий. Сознание окончательно прояснилось.

«Итак, меня похитили, — понял он. Кто и с какой целью? Это тоже можно догадаться». Он попробовал сосредоточиться. Так же, как и на острове, когда он стоял привязанный к дереву, это удалось не сразу. Прошло еще полчаса. Постепенно токсин, попавший в организм, разрушился, и он смог, наконец, использовать скрытые возможности восприятия, которыми его наделил Дук. Стена камеры начала «таять». Постепенно он понял, что помещен внутри контейнера, применяемого обычно для перевозки грузов автотранспортом. Контейнер находился в кузове грузового автомобиля вместе с подобными, загруженными какими-то механизмами.

Грузовик шел по горной дороге. В кабине грузовика сидели трое. Двое мужчин и женщина. «Возможно, та, — подумал Сергей, — которая брызнула мне в лицо паралитическую жидкость на лестнице дома». Они о чем-то разговаривали. Сергей напряг слух, однако ничего интересного для себя не услышал. Разговор шел о погоде. Шофер жаловался на недавно прошедшие интенсивные ливни...

Машина резко затормозила. Сергей увидел, что ее остановил автоинспектор. Он подошел к водителю и попросил предъявить водительское удостоверение и документы на груз. Сергей принялся кричать. Стены контейнера обладали надежной, очевидно, специально предусмотренной, звукоизоляцией. И если Сергей, благодаря приобретенным свойствам, мог слышать то, что говорилось людьми снаружи, то его голос их не достигал. Вдобавок женщина включила, скорее всего специально, магнитофон. Из него полилась фривольная песенка о школьнице, которая влюбилась в учителя физики.

Сергей понял, что его усилия напрасны, и прекратил попытки. Он еще попытался раскачать контейнер, но тот был зажат другими и даже не шелохнулся.

Автоинспектор между тем закончил проверку, вернул документы и, приложив руку к козырьку, пожелал счастливой дороги. Машина тронулась и, проехав еще примерно час, свернула направо. Дорога круто

пошла вверх. Тряска усилилась. Мотор выл на предельных оборотах. Наконец машина остановилась на небольшой площадке, окаймленной со всех сторон скалами. На площадке ее поджидала группа людей. Тут же стояли верховые лошади. Шофер и двое из ожидавших взобрались на крышу его контейнера и прицепили к нему трос. Послышался шум лебедки. Контейнер поднялся в воздух, проплыл немного в сторону и мягко опустился на землю.

Один из встречавших подошел к шоферу и протянул ему пачку кредиток. Тот, пересчитав их, засунул во внутренний карман куртки, кивнул на прощанье и, развернув грузовик, уехал.

Трое подошли к контейнеру. Один из них вытащил из кармана уже знакомый Сергею цилиндр и стал за спиной двух других, которые начали открывать дверцы контейнера.

Сергей снял куртку и замотал ею голову и лицо. Сжался весь, приготовил правую ногу для удара.

Через несколько секунд он мчался вниз по каменистой дороге. Куртку, забрызганную паралитической жидкостью, он бросил в кусты. Ошеломленные похитители потеряли несколько драгоценных для него секунд и только теперь вскочили на коней и погнались за беглецом.

Сергей свернул с дороги и стал спускаться по крутому обрыву вниз. Внезапно он почувствовал слабость, ноги перестали слушаться. «Черт!» — выругался он, поняв, что на кожу все-таки попала капля ядовитой жидкости.

Уже теряя сознание, он сорвался и покатился вниз, разбивая о камни колени и локти.

Сергей сидел на лошади, привязанный к седлу толстой веревкой. Руки у него были в наручниках.

Дорога шла уже вниз. Очевидно, пока он находился в бессознательном состоянии, они миновали перевал и теперь спускались по ту сторону горного хребта.

С ним пытались заговорить, но он упорно отмалчивался. Спутники, их было десять мужчин и одна, уже знакомая ему, женщина, видя, что он не отвечает, замолчали.

Вечером его сняли с седла и покормили.

Утром снова посадили на лошадь, и отряд тронулся в путь. На этот раз он пролегал по таежным тропам, в обход многочисленных, попадающих по дороге болот.

Лицо и руки распухли от укусов комаров. Заметив это, один из конвоиров достал из кармана пузырек с жидкостью и смазал ею лицо Сергея. Затем накинул ему на голову противомоскитную сетку.

Привалы делали в обед и перед заходом солнца. На привалах бдительность охраны усиливалась. Ему, правда, снимали во время еды наручники, но зато застегивали вокруг пояса обруч с отходящим от него сзади прочным стальным тросом. После еды наручники надевали снова, а на ночь к ним еще добавлялся пояс с тем же тросом. Несмотря на эти предосторожности, у костра постоянно бодрствовали двое. Причем один из них ни на секунду не выпускал Сергея из поля зрения.

«Прощупав» мозги конвоиров, пользуясь методом Дука, Сергей уже знал, с кем он имеет дело. Это была боевая группа местной организа-

ции неогуманистов. Она получила приказ захватить Сергея и доставить его к месту посадки реактивного скоростного вертолета, который должен будет прилететь специально за ним. Насколько он понял, вертолет ждали через три дня, а до места его посадки остался один день пути. Несмотря на такой запас времени, конвоиры спешили.

К вечеру пятого дня пути они выехали на широкую поляну, на которой стоял двухэтажный деревянный коттедж. Навстречу вышли трое вооруженных людей. Прибывшие обменялись с ними приветствиями. Сергея сняли с коня и повели в дом. По лестнице поднялись на второй этаж, и его втолкнули в небольшую комнату.

— Можешь лечь отдыхать, — сказал ему конвоир, показывая на железную кровать, однако сам остался в комнате, сел на стул и, положив на колени автомат, впери в пленника взгляд.

Сергей осмотрелся. В комнате было небольшое окошко, в которое невозможно пролезть взрослому мужчине, а с габаритами Сергея — и подавно. Он лег на кровать и хотел было заснуть, но тут принесли ужин. Во время ужина ему уже не надевали пояс, но в комнате находилось сразу три человека, которые не спускали с него глаз. После ужина первый часовой ушел, вместо него остался другой. Сергей лег и закрыл глаза. Он уже перебирал, наверное, десятый вариант побега и все не мог найти подходящий. При тщательном анализе каждый оказывался невыполнимым.

Допустим, думал он, охранник зазевается и даст возможность приблизиться к себе. Он успеет обрушить на него удар, прежде чем тот поднимет тревогу. Он берет автомат. Что дальше? Руки скованы. Ключи от наручников скорее всего не у охранника. Стрелять он, конечно, сможет и в наручниках, но справиться с тридцатью вооруженными бандитами все равно не удастся. Вдобавок дверь запирается снаружи. Если он ее выбьет ударом ноги, шум привлечет других...

Нет. Надо ждать более удобного случая. А представится ли он вообще? Какова цель его похищения? Если координаты Перуна, то он их им даст. Теперь он знает, что неогуманисты никакой выгоды себе из этого не извлекут. Хуже, если причина его похищения другая. Если они что-то пронюхали. Но каким образом? Николай? Это исключено. Его рекомендовала Ольга. Кроме того, Николай не знал заранее о его посещении. За ним следили, значит, план похищения был выработан значительно раньше. Северцев? Если даже допустить его связь с неогуманистами, не мог он успеть организовать его похищение, так как сразу после визита к Северцеву Сергей отправился к Николаю. Следовательно, причиной похищения является не его предполагаемая деятельность, а что-то другое.

Что? Перун? Вряд ли. Переворот намечается в течение максимум двух лет, а полет к Перуну займет больше ста. Нонсенс! Тогда остается единственное. Им стало известно о блокаде СС, а также то, что только он, Сергей, имеет возможность проникнуть сквозь экран защиты. Теперь все становится на свои места. Чем же они хотят меня взять? Они не настолько наивны, чтобы не догадаться, что, проникнув через экран защиты, я стану для них неуязвимым и, более того, располагая мощностью СС, смогу причинить им массу неприятностей.

Остается одно. Они хотят привлечь меня на свою сторону. Тогда почему прибегли к такому грубому способу? Опять логическая неувязка. Рассчитывают потом задобрить? Скорее всего. Однако меня этот вариант не устраивает. Я теряю время. Если я и получу свободу действий, то уже тогда, когда все будет кончено и неогуманисты придут к власти.

— Может быть, ты откроешь глаза? — услышал он знакомый голос.

Он послушно открыл глаза и увидел перед собой Ольгу. Она сидела в кресле, а он сам лежал на диване в своем кабинете, на том самом диване, на котором когда-то сидел Бэксон, держа на руках его сына. Рядом с Ольгой стоял он сам, то есть не он сам, а его точная копия, тот Сергей, который остался в СС.

— Я решила, что так будет для вас обоих удобнее, и создала дополнительную модель разового использования. Она сразу же исчезнет, как только ты вернешься в реальность. Пока же это удобно тем, что вы сможете поговорить между собой без неудобств, связанных с нагрузкой двух психоиндивидуальностей на одну модель. Чем дальше, — пояснила она, — тем вы больше начинаете отличаться друг от друга.

— Ну что, брат, влип? — сочувственно спросил Первый Сергей, тот, что остался в СС.

— Влип! — признался Второй. — И не знаю, как выбраться. Ты бы не могла?.. — с надеждой в голосе спросил он Ольгу.

— Исключено! Это та самая ситуация, когда я не могу предпринять действий, так как они связаны с убийством людей. Я уже объясняла тебе, что сама не могу непосредственно это совершить, не внося непоправимых сдвигов в саму себя.

— Но надо что-то придумать! — решительно сказал Первый.

— Я уже все передумал, но ничего реально исполнимого не нашел. Вы, наверное, знаете, как меня стерегут. А время идет. Считайте, что я почти провалил операцию. Так по-глупому влипнуть! Как я не предвидел, что они захотят меня заполучить? Боюсь, что у тебя, — он взглянул Ольге в глаза, — останется только один-единственный выход.

— Какой? — спросила она, как-то странно взглянув на Сергея-Второго.

— Синтезировать Третьего Сергея, и пусть он делает то, что не смог сделать Второй.

— Следовательно, ты обрекаешь себя на жертву? Я так тебя поняла?

— А что делать?

— Подожди, не суетись, — рассердился Первый. — Надо искать другой выход.

— Как? Если бы я мог чем-то отвлечь охрану. Хотя бы на несколько минут...

— Ход мыслей правильный, — поддержала Ольга. — Мы так и делаем. Вернее, сделаешь ты сам. Я тебя научу. Ты слышал о Вольфе Мессинге?

— Что-то смутно помню. Это что, массовый гипноз?

— Почти. Чтобы владеть этим методом, надо иметь сверхсильное воображение, которое можно передать как видимость реального восприятия окружающим. Небольшая информационно-структурная перестройка в твоём мозге, и ты будешь владеть этим методом. Ну хорошо! Этим я

займусь. Ты пока отдыхай здесь, а ты, — она обратилась к Первому, — уведи детей на озеро, чтобы они случайно не встретились с Сергеем. А то лицемерие вас обоих сразу может вызвать у детей психологический шок.

Сергей-Второй почувствовал, как у него в груди что-то кольнуло. Ольга поняла его и, взяв за руку, ласково-просящим тоном сказала:

— Ты должен забыть их, Сережа.

— Хотя бы скажи, сколько им лет сейчас? По этому времени.

— Оленьке уже двадцать, а Володьке исполнилось семнадцать. Но не будем, прошу тебя, об этом. Мне, поверь, самой тяжело.

— Чем хоть занимается здесь Сергей? Ловит рыбу?

— Напрасно ты иронизируешь! У Сергея много дел поважнее рыбной ловли. Он, например, недавно вновь побывал на Элие...

— Вот как? — оживился Сергей. — И что же?

— Твои потомки смешались там с местным населением и дали ему то, что так недоставало элианам — способность к поступкам. Цивилизация свистунов погибла, как ты тогда предсказывал. Они сами себя уничтожили. Остались лишь выжженные планеты, лишенные даже элементарной органической жизни.

— Интересно! Я даже завидую ему!

— Не завидуй, Сережа. У каждого — свое! — Она помолчала, задумчиво устремив взгляд куда-то в невидимое, потом, как бы спохватившись, поднялась с кресла и спросила:

— Ну что? Приступим?

Сергей открыл глаза и посмотрел на охранника. Тот, заметив, что Сергей проснулся, слегка повел дулом автомата. Сергей отметил, что охранник сменился. В комнате было светло. Значит, он проспал ночь. Пора начинать действовать. Он приподнялся и сел на кровать. Затем встал и принялся ходить по комнате. Охранник контролировал глазами каждое его движение. Сергей остановился и сосредоточился. Прошла минута. Вдруг снаружи раздались крики и звуки автоматных очередей. Охранник невольно сделал шаг к окну и выглянул наружу. Этого было достаточно.

Взяв из рук упавшего автомат, Сергей кинулся к окну. Та секунда, которая ему понадобилась, чтобы разmozжить наручниками голову охраннику и вырвать у него из рук автомат, нарушила передачу восприятия. Он взглянул в окно. Все двенадцать человек высыпали на поляну и растерянno крутили головами по сторонам.

Он снова послал импульсы воображения и увидел себя, бегущего среди редких деревьев на краю поляны. Бандиты взвыли и кинулись вдогонку. Они посылали очередь за очередью из автоматов, но было ясно, что они специально стреляют в сторону, боясь попасть в беглеца. Беглец скрылся среди деревьев и через минуту появился снова. На этот раз он бежал к дому. Вслед за ним, уже гурьбой, преследователи. Беглец, не добегая метров пятнадцати до крыльца, споткнулся и упал. Тотчас над ним образовалась куча-мала.

Сергей усмехнулся и нажал спуск автомата. Он стрелял до тех пор, пока не опустел диск.

Спускаясь по лестнице, он услышал удаляющийся топот копыт лошади. Выскочив на крыльцо, заметил вдали скачущую во весь опор всадницу.

В кармане одного из убитых он нашел ключи от наручников.

До прибытия вертолета оставалось более суток. Сергей решил было воспользоваться лошадьми и попытаться найти обратную дорогу. Но он ее не запомнил. Погруженный в мысли о побеге, он плохо следил за нею. Вдобавок тропы были настолько запутаны среди болот и таежных чащ и завалов, что вряд ли он вообще найдет дорогу назад. Ехать наобум с надеждой в конце концов добраться до какого-нибудь населенного пункта? Хорошо, если это удастся в течение трех-четырех дней. А если нет? Можно взять с собою еще пару лошадей и нагрузить их провизией, которую нетрудно найти в коттедже. Но сколько это займет времени? Время... Он должен успеть в Неаполь, где назначена встреча. Кроме того, если он не внесет плату за яхту через неделю, контракт может быть расторгнут, а его товарищи будут искать яхту и, не найдя ее, разведутся, и тогда начинать все сначала.

Потом, эта стерва, что ускакала на лошади. Хорошо, если она просто сбежала. А если у нее здесь поблизости сообщники? Хотя маловероятно. Итак, остается одно...

Он собрал оружие убитых. Затем, обнаружив за домом небольшую телегу, впряг в нее лошадь и, погрузив на телегу трупы, завез их в лес и спрятал в зарослях подлеска.

Вернувшись, забросал землей лужи крови, чтобы издали не привлекли внимание. Затем тщательно обследовал дом, но ничего, что могло бы пролить свет на прошедшие события и связь банды с другими группами неогуманистов, не обнаружил. В доме было много оружия и запасов провизии. Однако какие-либо бумаги и документы здесь, очевидно, не хранили.

Сергей поискал среди оружия знакомые уже ему цилиндры с паралитической жидкостью, которые ему хотелось бы заполучить, но не нашел. В кармане одного из убитых оказался такой цилиндр, пустой. «Вот почему, — подумал он, — мой охранник был вооружен автоматом. Повидимому, последний заряд жидкости израсходован при моей попытке к бегству, когда они открыли контейнер».

Из предосторожности решил заночевать в сарае, на чердаке которого хранилось заготовленное для лошадей сено. Зарывшись в него, он проспал спокойно до утра.

Рассматривая севший посреди поляны вертолет, Сергей чуть не выронил от изумления бинокль. На вертолете прибыли трое. Но не это удивило его. Все трое были его старые знакомые. Сначала из кабины прыгнули один за другим два негра: Том и Сэм. Третьего сперва нельзя было рассмотреть, так как он находился в кабине и были видны только его спина и голова в шлеме. Но вот он повернулся, высунул из кабины и что-то крикнул неграм. Сергей узнал и его. Это был Рональд. Из всей компании, посетившей его на острове, он единственный не вызывал у Сергея чувства ненависти, и тогда, еще не зная своего истинного положения, Сергей был доволен, что Рональд избежал общей участи.

Негры между тем топтались возле вертолета и что-то ожидали. «Почему они не идут? Скорее всего, ждут, что им выйдут навстречу. А так как никто не выходит, у них сейчас возникает подозрение. Надо выйти. А если они знакомы с моей фотографией? Хотя, вряд ли. Не такие важные шишки. Кроме того, я сейчас зарос бородой и меня трудно узнать...»

Сергей сбежал вниз с верхнего этажа коттеджа, откуда наблюдал за прилетевшими, и появился на крыльце. Он приветливо помахал им рукой и пошел к вертолету. Негры двинулись ему навстречу.

— Сэм, если не ошибаюсь? — приветствовал он первого. — А это Том?

Услышав свои имена, негры расслабились и заулыбались.

— Вы разве нас знаете? — спросил подошедший Рональд.

— Конечно, Рональд, — ответил Сергей. — Я должен знать, кому мне сдать пленника. Я даже знаю, что Сэм и Том — родные братья. — Не так ли, Сэм? — обратился он к негру.

— Так, братья, — подтвердил, обнажая белые зубы, Сэм.

— Ну, пошли тогда, — Сергей пропустил вперед негров и пошел рядом с Рональдом.

— А где остальные? — поинтересовался Рональд.

— Будут часа через два. Так, одно дело, — неопределенно промямлил Сергей и добавил: — Нас здесь двое. Один там, — он махнул рукой по направлению к дому и «нечаянно» сбросил с плеча автомат, чертыхнулся с досады и, наклоняясь за ним, добавил: — Стережет пленника, а я пошел... — раздалась короткая очередь и идущие впереди негры стали медленно оседать на землю.

— Не дури, Рональд! — строго приказал Сергей, направляя на него оружие. — Вот так будет лучше для тебя самого, — разъяснил он, снимая с плеча пленника автомат. — Еще оружие есть? — он повернул побелевшего от страха парня спиной к себе и ощупал его одежду.

— Теперь пошли в дом. Дело в том, Рональд, что я их хорошо знаю, как, впрочем, и тебя. Да ты иди, не бойся. Пока тебе ничего ровным счетом не угрожает. Как там поживает мой старый знакомый Бэксон и этот рыжий ублюдок Джонни?

— Кто вы?

— Сейчас я тебе все расскажу. Заходи в дом, — пригласил Сергей Рональда, пропуская его вперед на крыльцо. Они вошли в комнату.

— Садись сюда, — он показал ему на стул, а сам сел напротив. — Если тебя интересует, кто я, то скажу — я тот самый пленник, которого вы должны были увезти сегодня. Куда, интересно?

— Сначала в Иран, а затем доставить в Штаты.

— Я так и знал! Это приказ Бэксона?

Рональд кивнул головой, подтверждая его догадку. Помолчали.

— Вы меня убьете? — спросил Рональд минуту спустя.

— Представь, не имею ни малейшего желания.

— Но ведь тех...

— Те — другое дело. Те были отъявленными бандитами, а ты мне им почему-то не кажешься. Дело в том, что мы уже с тобою встречались, хотя ты и не догадываешься об этом. Но это не так важно. Скажи мне, только честно, как ты попал в эту компанию?

— Отец! Он был с ними... еще тогда...

— Когда «тогда»?

— Ну... когда их первый раз разгромили и ликвидировали базы. Отец погиб, и я остался сиротой. Мать умерла еще раньше. Ну и...

— Понятно. Тебя приютили, и ты стал служить неогуманистам. И тебе подходят их цели и нравятся методы?

— Вы мне, конечно, сейчас не поверите. Не поверите, подумаете, я вру, чтобы спасти жизнь, но я скажу... Да, мне не нравятся их методы, и я хотел бы с ними порвать... Но как? К ним можно прийти, но уйти от них нельзя... это всем известно...

Сергей уже знал, что Рональд говорит искренне. «Что меня смущает в его лице? Кого он мне напоминает?»

— Сколько тебе лет?

— В октябре исполнится двадцать, — ответил Рональд. Он уже немного успокоился и вдруг непонятно чему улыбнулся. Эта улыбка снова мучительно напомнила Сергею кого-то, так хорошо знакомого.

«Ну, конечно! — обрадовался он своей догадке. — Дик! Несомненно, он, вернее, его предок, дедушка или прадедушка. Вот оно как заворачивается. Выходит, что Рональд, если планы неогуманистов не потерпят краха, займет в их иерархии видное место и станет предком диктатора. По-видимому, он не глуп», — пришел к заключению Сергей и подумал: «Надо его как-то спасти, вернуть на пути праведные. Парень, видно, еще не совсем пропал».

— Послушай меня, Рональд! Сейчас мы с тобою улетим отсюда.

Рональд кивнул головой в знак того, что понял.

— Меня будут судить?

— Нет! Ты подбросишь меня ближе к городу, а сам вернешься к тем, кто тебя послал.

— Что я им скажу? Меня убьют!

— Не убьют. Ты расскажешь все как было, за исключением того, что мы с тобою здесь мирно побеседовали и ты подвез меня к городу. В общем, ты скажешь, что тебе одному удалось вырваться. Все остальные убиты. Тебе поверят, так как кое-что им обо мне известно.

— Вы так и не сказали мне, кто вы?

— Я тот, кто летал к Счастливой. Тебе известно об этом полете?

— Известно. Теперь мне все ясно. — Он долго молчал, а затем нерешительно попросил:

— А если мне вообще не возвращаться?

— Слушаю тебя, — Сергей сочувственно посмотрел ему в глаза.

— Мне, действительно, не нравится то, что делают неогуманисты. Теперь, когда вы меня отпускаете, я могу говорить об этом, зная, что вы мне поверите. Мне бы хотелось с ними порвать...

— И уйти в сторону? Наблюдать со стороны, как они устанавливают на Земле свои порядки? Не так ли?

Рональд слегка покраснел.

— Что я должен делать? — он открыто посмотрел в глаза Сергею.

— Пока только то, что я тебе сказал. Но если к тебе подойдет человек и скажет: «Привет от старого Дука», — поможешь ему.

— Я сделаю все!

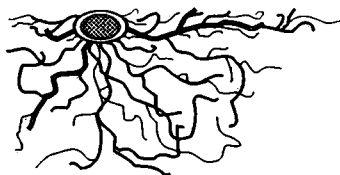
— Я тебе верю, Рональд. На, возьми свой автомат и пойдем к вертолету. Пора в путь.

— Вы так мне доверяете? — изумился Рональд, не решаясь взять в руки протянутое ему оружие.

— Видишь ли, мой мальчик, я имею свойство хорошо разбираться в людях...

Вечером этого же дня Сергей вернулся в адаптационный центр. Он забрал необходимые документы и сразу же его покинул. До утра он просидел в ночном ресторанчике на окраине города, а утром был уже в аэропорту.

В Москве он пересел на самолет, идущий в Рим. Надо было спешить!

ЧАСТНАЯ ФИРМА

— Саид! Посмотри, не они ли это? — Николай указал на движущуюся вдаль между барханами цепочку каравана.

— Надо подлететь ближе. — Саид взял бинокль и стал внимательно изучать приближающуюся цель.

— Точно! Они! — радостно воскликнул он, когда до каравана осталось не больше пяти километров. — Я узнал хозяина. Это Селимбек. Он на третьем верблюде. И погонщик тоже знакомый.

— Снизайся! — приказал Николай пилоту.

Вертолет плавно пошел вниз. Два других последовали за ним, окружая караван с трех сторон.

— Если не ошибаюсь, то вы — многоуважаемый Селимбек? — приветствовал Николай приземистого и толстого пожилого мужчину в пестром халате, которого, подталкивая автоматом, привели к нему вместе с семьей приказчиками. Погонщиков каравана посадили поодаль в кружок, приставив к ним двух часовых.

— Да, многоуважаемый господин, я Селимбек, хозяин этого каравана.

— Что везете, многоуважаемый?

— Шелк, ковры и другую мелочь.

— Где вы прячете наркотики?

— Что вы, многоуважаемый? Какие наркотики? Мы этим не занимаемся.

— И давно вы бросили этот промысел, Селимбек? Мы сейчас проверим!

— Проверяйте, клянусь Аллахом...

— Не клянитесь, Селимбек, это грешно, — Николай сделал знак. Два бойца собрали погонщиков и заставили их разгружать верблюдов. Николай был почти уверен, что среди товаров наркотики обнаружить не удастся.

— Может быть, вы сами покажете, где их держите?

— Клянусь вам, у меня ничего нет! Я честный купец, — он замолчал и настороженно спросил: — Вы из Интерпола?

— Нет, — засмеялся Николай, — мы частное предприятие. Ну что там? — обратился он к бойцу, подошедшему к ним. Тот развел руками.

— Нет ничего?

— Я же говорил, что этим делом не занимаюсь. — Селимбек заохал, видя распоротые туки и разбросанные по земле куски размотанного шелка. — Кто мне заплатит за убытки, — захныкал он.

— В желудке у верблюдов, — шепнул сзади Саид.

— Забейте пару верблюдов и вскройте им желудки, — распорядился Николай.

— Не делайте этого! — закричал в отчаянии Селимбек. — Вай! Что вы делаете! — завопил он, когда один из бойцов выстрелил верблюду в голову.

— Ну что, Селимбек? — спросил Николай, показывая на кучу пластмассовых шариков, извлеченных из желудка верблюда. — С каких пор вы кормите верблюдов героином?

Селимбек молчал.

— Других тоже? — спросил боец. Николай кивнул головой.

Из вертолета вынесли видеокамеру и понесли ее к убитым верблюдам. Кончив снимать извлеченные из желудков капсулы с героином, установили ее рядом с первым вертолетом.

Подождав, пока погонщики освежают туши верблюдов, Николай обратился к приказчикам:

— Сейчас каждый из вас подойдет к видеокамере и даст подробные показания. Вот ты, иди первый, — он поманил к себе одного из них в зеленой тюбетейке.

— Я ничего не знаю!

— Так уж ничего?

— Ничего!

— Жаль, — Николай махнул рукой. Приказчика схватили, подвели к одному из верблюдов, связали руки и ноги и, затолкав во внутрь вспоротого и очищенного от внутренностей живота, зашили, оставляя промежутки.

— Теперь ты. Тоже ничего не знаешь?

Последним перед видеокамерой предстал Селимбек. Николай внимательно слушал, иногда перебивал и уточнял адреса, имена и пути дальнейшей транспортировки наркотика.

— Спасибо, Селимбек, Интерполу будет любопытно посмотреть эти видеопленки. — Он отвернулся, и Селимбека потащили к верблюдам.

— Я же все рассказал! — в ужасе вопил хозяин каравана.

— Увы, Селимбек, твои грехи перед Аллахом слишком велики, чтобы я позволил тебе разгуливать на этом свете.

— Вас, — он обратился к приказчикам, — вина которых меньше, чем вашего хозяина, мы сейчас расстреляем. А вас, — он подошел к дрожащим от ужаса погонщикам, — отпустим, чтобы вы рассказали другим, что вы здесь видели и слышали. Только мы вас выпустим в сорока километрах отсюда, чтобы вы не успели освободить своего хозяина до той поры, пока его не съедят личинки мясной мухи.

Погонщиков высадили в предгорье, как и обещали, в сорока километрах от последнего привала каравана.

— Тсс, — предупредил голос. Сильванио почувствовал, как ему в зубы уперся ствол пистолета. — Спокойно, — тихо произнес тот же голос. — Не надо будить жену. Она устала и поздно легла спать.

Чьи-то руки помогли ему подняться с постели и мягко подтолкнули к двери из спальни.

— Я оденусь, — прошептал Сильванио.

— Не трудитесь. Вечера сейчас теплые. В машине вас не продует, — так же шепотом последовал ответ.

Они вышли на освещенную лестницу виллы, прошли мимо связанного, с мешком на голове швейцара и вышли на крыльцо.

— Сюда, пожалуйста, — предупредительно открывая дверцу автомобиля, пригласил его один из похитителей.

Машина тихо отъехала и, минов ворота виллы, помчалась по шоссе. В машине Сильванио пришел в себя от нервного потрясения и стал протестовать.

— Я член парламента! Вы ответите!

— Не будьте скучным, Сильванио, — посоветовал один из сопровождающих, сидящий от него справа на заднем сидении. — К чему эти банальности?

— Кто вы?

— Частная фирма.

— Сколько?

— Много, Сильванио, много. Скоро вы узнаете.

Белоснежная яхта, после того, как второй снаряд разворотил ей нос, послушно легла в дрейф. От подлодки отделился катер, и вскоре вооруженные автоматами люди взобрались по спущенному трапу на палубу.

С катера в воду спустились аквалангисты, и через минут тридцать перед капитаном яхты и ее хозяином были выложены контейнеры с наркотиками.

— Прошу сюда, — пригласил один из неожиданных гостей, очевидно, их начальник, хозяина яхты к установленной на палубе видеокамере. — Я буду задавать вам вопросы, а вы отвечайте сюда, — он указал на объектив видеокамеры.

— Я ничего отвечать не буду. Вы не имели права задерживать мое судно в международных водах.

— Это ваше последнее слово? — вежливо осведомился неизвестный.

— Да! И вы ответите за ваш пиратский налет!

Начальник дал знак, один из его спутников подошел к хозяину яхты и выстрелил ему в голову.

— Вы тоже отказываетесь давать показания? — обратился начальник к капитану.

Директор института трансплантации органов и тканей озадаченно вертел в руках визитную карточку. «Джон Рональд Эври, секретарь Каупони».

«Почему Каупони не позвонил? Что стряслось?»

— Просите его войти, — распорядился он секретарше, ожидавшей его.

В кабинет вошел молодой, двухметрового роста человек лет 18 с красивым, волевым лицом.

— Разрешите, док?

— Прошу вас! Чем обязан?

Молодой человек подошел к директорскому столу и, не дожидаясь приглашения, сел.

— Док, у меня нет времени. Минут через двадцать, а может быть, и раньше, здесь будет Интерпол.

— Интерпол? — удивленно повторил директор, поднимаясь со своего кресла.

— Сядьте, док, и слушайте. Ваше тайное кладбище, где вы хороните мальчиков и девочек, которых вам доставляет наш синдикат из Южной Америки, обнаружено Интерполом и прокурор дал санкцию на ваш арест вместе с вашими ближайшими сотрудниками. Сейчас там, на кладбище, собралась куча экспертов и журналистов, так что вам надо поторапливаться. Минут через пять вы и ваши сотрудники сядете в закрытый автобус, и мы увезем вас в тайное место, где Интерпол вас никогда не обнаружит.

Сказав это, молодой человек поднялся и спокойно вышел.

Через семь минут большой автобус, забитый до предела перепуганными людьми, выехал из ворот института и помчался по трассе в северном направлении, сопровождаемый десятком машин, в которых сидели вооруженные люди.

Была уже глубокая ночь, когда автобус въехал в какой-то огороженный высокой стеной двор. Вспыхнул прожектор. Четверо вооруженных автоматами людей подошли к автобусу и открыли дверцу.

— Выходите!

Первым выбрался директор института.

— Руки, пожалуйста, док, — попросил его один из встречавших, держа наготове наручники.

Через час вся группа врачей была введена в длинный подвал, в котором уже сидело человек сто, не меньше.

— Ну, вот вы все и в сборе, — приветствовал пленников вошедший вслед за ними молодой человек. — Включите свет! — распорядился он кому-то. Подвал залил поток яркого света. — Итак, господа, должен вам сообщить, что ваш подпольный синдикат, занимавшийся похищением детей и продажей их органов для трансплантации, сегодня заканчивает свое существование. Нам удалось собрать здесь всех. И тех, кто под видом усыновления вывозил детей из стран Южной Америки, и тех,

кто их потом перепродавал в институт трансплантации органов и тканей, и тех, кто потом у живых еще детишек вырезал печень, сердце, глаза, лоскуты кожи, почки.

— Дорогие папочки! — обратился он к группе стоящих поодаль арестованных. — Я с удивлением не вижу на вас траурной одежды по вашим усыновленным мальчикам и девочкам. Правда, вы каждый раз меняли фамилии... Итак, джентльмены, настало время облегчить душу. К сожалению, здесь нет священника. Но его с успехом заменит видеокамера. Вас здесь много, и параллельно будут работать десять видеокамер в соседних помещениях. Итак, кто первый?

— Кто вы, черт возьми, такие? — вскричал директор института.

— Мы — частное сыское бюро. Я вам не солгал. Действительно, нами было обнаружено ваше тщательно спрятанное кладбище, и там сейчас большая толпа журналистов, экспертов и полицейских. Но перед тем, как передать материалы в Интерпол и судебным органам, мы решили сами поговорить с вами, если, конечно, вы изъявите на то желание.

— Не дождетесь! Вы можете передать нас полиции, но с вами мы разговаривать отказываемся!

— Очень жаль! Вам придется немного поразмыслить. Уверен, что вы перемените решение.

Молодой человек дал знак, и его помощники приступили к делу. Не обошлось без свалки, но через два часа все было кончено. Под потолком подвала шли несколько толстых балок. К ним, с промежутками в полметра, были подвешены все арестованные.

— Подумайте, господа. Если кто решит облегчить душу, прошу дать знак охране.

Молодой человек повернулся и вышел.

Через неделю после описанных событий все телекомпании мира в течение трех дней вели передачу о раскрытии подпольного синдиката, занимавшегося умерщвлением похищенных детей с целью продажи для трансплантации их органов. Были обнаружены два тайных кладбища, где лежало, по неполным подсчетам, около десяти тысяч детских трупов в возрасте от восьми до пятнадцати лет. Полиция произвела массу арестов, однако главари синдиката, те, которые дали показания перед видеокамерой, бесследно исчезли.

Из посторонних один-единственный человек на планете знал, чьих рук дело разгром синдиката и кто навел ужас на торговцев наркотиками. Это был Северцев. Но он молчал. «Как Сергей заставил их давать показания?» — не раз задавался вопросом Северцев и даже себе боялся ответить на этот вопрос, хотя смутно догадывался.

Интерпол сбился с ног в поисках «частной фирмы», поставляющей регулярно в его распоряжение видеозаписи и не дающей при этом ни одного живого свидетеля.

Ужас торговцев наркотиками был настолько велик, что известный воротила в этом бизнесе, некий Фрайфельд, отсидевший по приговору суда десять лет, не захотел выходить из тюрьмы, и когда ему было отказано в дальнейшем содержании в тюрьме, тут же после выхода из нее

ограничил первый попавшийся магазин и сел сразу же за это еще на пять лет.

По-видимому, тюремный телеграф был более осведомлен, чем Интерпол.

Агенты Каупони разыскивали-таки в Скалистых горах заброшенную усадьбу и, как рассказали, случайно зашли в подвал. Вскоре пачка фотоснимков лежала на столе у Каупони. Может быть, впервые за свою жизнь шеф мирового подпольного бизнеса почувствовал, как ужас ледяной рукой сжимает ему сердце. Каупони велел никому не показывать снимков.

— Господа! — Каупони еле сдерживал ярость. Он оглядел сидевших. Собрались почти все руководители региональных отделений партии.

— Господа! Довожу до вашего сведения, что убытки, которые понесла наша фирма, уже достигли четырех миллиардов международных кредитов. В Пакистане паника. Мы четыре месяца не получаем оттуда ни грамма товара. И, по-видимому, получать не будем, так как посевы сожжены напалмом. Там уже десять лет ничего расти не будет. Все вы знаете, какая судьба постигла наших лучших поставщиков. Кроме того, мы потеряли около ста судов. Они исчезли бесследно вместе с командами. Потом, эта идиотская передача в эфир с показаниями Сильванио, который тоже исчез бесследно. Кто-то звонит по телефону в отделения Интерпола и сообщает точные адреса складов и фабрик переработки. Вначале мы думали, что все это работа Интерпола, но наши агенты, внедренные туда, в один голос сообщают, что это не так. Что будем делать? Кто ведет против нас войну, я вас спрашиваю? Учтите, убытки эти наносят огромный ущерб нашему движению. Если акции неизвестных нам лиц не прекратятся, мы вынуждены будем снизить темпы подготовки известного вам дела. Присутствующие здесь должны немедленно покрыть убытки из своих личных средств! И делайте, что хотите. Я должен знать, кто против нас работает?!

— Они называют себя частной фирмой, — раздался голос из зала.

— Слышал это много раз! — отмахнулся Каупони. — Я спрашиваю вас, что делать? Думайте, черт вас возьми!

— Надо вооружить суда и караваны бластерами.

— Чушь! Если это станет известно, то сами знаете, что произойдет. Это оружие мы держим пока в тайне и его нельзя пускать в дело до решающего момента.

— Может быть, войти с ними в соглашение? — робко произнес представитель Юго-Европейского филиала. — Пустить их в долю?

— А потом, когда они обнаружат себя, — уничтожить, — развил мысль представитель китайской партийной группы.

— Это идея, — согласился Каупони, — но, — продолжал он, — она пока не имеет под собой реальной почвы. Мы не знаем, кто они! И это главное! Все, кто побывал у них в руках, не вернулись, за исключением неграмотных погонщиков верблюдов. — Каупони на минуту задумался, потом повернулся к секретарю: — Вызови мне Бэксона, — тихо, чтобы никто не слышал, сказал он. Затем обратился к собравшимся партий-

ным руководителям. — Нам надо подумать о новых способах транспортировки товара. Ясно, что авиация и большие суда отпадают. При заходе в порт их дно осматривается аквалангистами Интерпола. А снять контейнеры на ходу судна не представляется возможным. Я жду ваших предложений...

Через час гости покинули загородный дворец Каупони. А через несколько дней Сергей, сидя в снятой им вилле на берегу норвежского фиорда, рассматривал их фотографии.

— Выяснили, кто такие? — спросил он Николая, который привез ему снимки.

— Выясняют. Думаю, недели через три мы будем знать о них все, включая адреса, счета в банках и любовники.

— После их ликвидации начнем главную операцию. Теперь ты здесь заменишь меня. Вот в этой папке карта путей транспортировки наркотиков и места их производства. Ты будешь отсюда руководить всеми отрядами. Вот тебе на первое время, — он протянул ему чек.

Николай отстранил протянутый чек.

— У нас есть еще средства, и они пополнены в результате операций. Мы захватили большое количество наличности.

— Все-таки возьми, поскольку решено увеличить численность боевых групп. Они нам скоро будут нужны при ликвидации их основных гнезд. Завтра я улетаю во Флориду. Там, — он усмехнулся чему-то своему, — меня ждет встреча с одним старым знакомым. Ты перебросишь туда, — он на минуту задумался, — третий и восьмой отряды. Как только они прибудут, пусть командиры свяжутся со мной по этому адресу, — он протянул ему листок бумаги. — Я буду там под другим именем, но они знают меня в лицо. Вот вроде и все. Да! Вот еще, очень важное. Как у тебя, получается?

— Ты знаешь, получилось! — радостно сообщил Николай. — Сначала туго шло, а затем, когда сам поверил, что могу, получилось! Я уже трем передал это.

— Надо, чтобы распространение шло быстрее. К концу года методом должны владеть все бойцы отрядов.

— Сделаем, Сергей! Я тебя понял. Если все будут владеть методом, то...

— Подожди, рано загадывать, но будем надеяться.

— Будем!

— Да, вот еще, — Николай вопросительно посмотрел на Сергея. — Почему ты приказал вырезать из копии видеозаписи, которую передавали по миланскому телевидению, все показания относительно Каупони и партии неогуманистов, оставив только то, что касалось торговли наркотиками и похищения женщин в подпольные публичные дома?

— Еще не время. Пусть Каупони думает, что нам ничего не известно об их заговоре.

— Но ведь скоро выйдет твоя книга?!

— Вот тогда и начнем действовать.

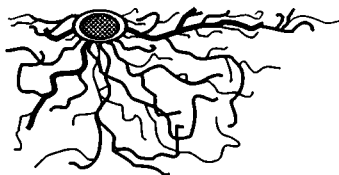
— Может быть, захватить самого Каупони?

— Во-первых, его хорошо охраняют и без шума взять его не удастся. Пока. Затем, мы еще не знаем расположения их боевых отрядов. Дело в том, что и Каупони не знает точной их дислокации. Это с его стороны

разумная мера предосторожности. Он знает только руководителей региональных боевых групп. Тронув Каупони сейчас, чего нельзя будет скрыть, мы сразу же насторожим командующих группами, и они успеют сменить дислокацию, а может быть, начнут действовать самостоятельно. Тогда процесс выйдет из-под управления. Нет! Каупони пока трогать нельзя. Надо только не спускать с него глаз и фиксировать всех, с кем он встречается. Среди них могут быть и руководители боевых групп. Они-то нам и нужны в первую очередь.

— Не пойму, как может руководитель всего движения не знать расположения боевых групп?

— Это решение руководства партии. Никто из них не знает расположения групп. Своего рода страховка от провала. Надо сказать, что они это мудро решили. Ведь первый разгром неогуманистов удалось осуществить так легко именно потому, что руководитель движения был осведомлен о расположении всех штурмовых отрядов. Теперь они учли свою ошибку.

КАУПОНИ, БЭКСОН И КАРДИНАЛ

Бэксон никогда не видел своего шефа в такой ярости. Каупони встретил его, стоя посреди своего роскошного кабинета. Бэксон первый раз был допущен сюда, что уже говорило об особой важности вызова. Кабинет находился глубоко под землей. Одна стена его — сверхпрочное толстое стекло — отделяла кабинет от океана. За окном, в освещении скрытых прожекторов, плавали стаи рыб среди развалин древних храмов. Все это было создано искусственно и должно имитировать затонувшую Атлантиду. Бэксон также знал, что из кабинета, через шлюз, можно выбраться наружу, где, укрытая в огромном гроте, стояла скоростная подводная лодка, оснащенная не только лазерными и магнито-импульсными пушками, но и специальными устройствами, позволяющими лодке быть неслышимой и невидимой для всех известных средств обнаружения.

Бэксон узнал о ней совершенно случайно, но у него хватило сообразительности молчать и никому об этом не говорить. Он бы не дал за свою жизнь и полкредитки, если бы Каупони пронюхал, что ему, Бэксону, известна тайна подлодки. Когда речь шла о собственной безопасности, Каупони не останавливался ни перед чем. Никакие заслуги и преданность не спасли бы человека, проникшего в эту строжайшую тайну.

...Увидев входящего Бэксона, Каупони быстро подошел к нему и с яростью сунул под нос растрепанную книгу.

— Ты читал? — зашипел он.

— Когда мне читать? — ошеломленно спросил Бэксон, откидываясь назад всем корпусом, в то время как Каупони продолжал тыкать ему в лицо раскрытой книгой. — Я ведь только вернулся из сельвы.

— Ах, не читал? Так почитай, скотина! — заорал Каупони. — Садись здесь, — он указал на кресло возле письменного стола, — садись и читай!

Бэксон послушно взял книгу и принялся читать.

Каупони между тем быстро ходил по кабинету взад-вперед, повизгивая при этом, не в силах сдерживать ярость и возмущение.

Бэксон прочитал несколько страниц, затем перелистал книгу и стал читать с середины. Встретив имя Каупони, он сосредоточился.

Каупони не выдержал, подскочил к нему, вырвал книгу и, бросив ее на пол, стал топтать ногами. Остановившись, подошел к столу и вытащил из ящика пистолет.

— Я тебя сейчас застрелю, — тихо и почти ласково сказал он, направляя на Бэксона дуло пистолета.

— За что, шеф? — в страхе, срывающимся голосом спросил Бэксон. «Этот дурак и впрямь выстрелит, — подумал он, напрягаясь. — Что, если сейчас сделать рывок и выбить из рук пистолет?». Но Каупони уже опустил оружие.

— Ты прочитал имя автора? — уже спокойно спросил он.

— Не успел.

— Возьми и прочти тогда.

Бэксон поднял растрепанную книгу.

— Ну, что теперь скажешь, мерзавец? — опять наливаясь яростью зашипел Каупони. — Кому было поручено взять его сразу же, в адаптационном центре?

— Я же докладывал вам, как все получилось. Это же самый настоящий дьявол. Кто мог ожидать? Тринадцать человек убито. Двое, из них одна женщина, спаслись. Я говорил вам, это мой агент в институте СС, очень способный...

— К черту!!! Надо было послать сорок! Нет, сто, черт подери, человек! Ты понимаешь, что теперь будет? Ты же сорвал все! Все! Ты понимаешь это, дубина?!

— Ну, положим, не все. Не отчаивайтесь, сын мой, возьмите себя в руки, не все потеряно, — раздался спокойный голос.

Бэксон повернулся и увидел входящего в кабинет кардинала. Это был единственный человек на Земле, кого пускала охрана Каупони без доклада.

— Пошел вон и жди, когда я тебя вызову! — бросил через плечо Каупони Бэксону и поспешил навстречу кардиналу.

Бэксон буквально вылетел из кабинета.

— Вы все знаете, Ваше Высокопреосвященство? — спросил Каупони, почтительно склоняясь к руке кардинала.

— Естественно, сын мой. Потому я и здесь. Сразу же, как только мне попала в руки эта грязная книжка.

— Что же делать?

— Спокойно. Не все, нет, не все потеряно. Нам только придется отложить референдум. Сами понимаете, что время теперь для этого неподходящее.

Кардинал прошелся по комнате, мягко ступая по ковру. Каупони провожал его глазами.

— Странно, что автор, которого вы, между прочим, так легкомысленно упустили, несмотря на мое предупреждение, так точно описал нашу с вами тактику и планы, предвидя многие последствия. Можно подумать, что он является одним из ведущих деятелей вашей партии.

— Вы кого-то подозреваете?

— Все может быть. Вам надо проверить, сын мой, свое окружение самым тщательным образом. Но это одна сторона дела. Другая, более существенная, это то, что СС действительно заблокирована. Сведения точные, — остановил он движением руки вскочившего Каупони. — Увы, самые точные, из первых рук. И вот еще что, особо важное. Из тех же источников мне стало известно, что автор пасквиля — единственный человек, которого СС допустила к себе. Вам это ни о чем не говорит?

— Тогда... — Каупони замолк, не решаясь произнести вслух свою догадку.

— Да, именно так и обстоит дело. К великому сожалению! — подтвердил его догадку кардинал. — Эта книжонка написана СС! Она является, я бы сказал, художественным пересказом созданной СС модели. Из этого следует, что СС настроена против нас и знает о наших планах. Если сравнить эти факты с событиями, которые развернулись спустя два месяца после исчезновения известного вам человека, то можно догадаться, кто ведет эти действия.

— Что же делать, святой отец?

— Все в руках Божьих. Главное сейчас — во что бы то ни стало, я подчеркиваю, во что бы то ни стало, найти так называемого автора и захватить его.

— Я ему придумаю такую казнь...

— Напротив. Вы окружите его вниманием и всесторонней заботой. Постарайтесь на любых, слышите, на любых условиях привлечь его на свою сторону! Вы, может быть, заметили, в книге сообщено, что СС неуязвима. Как вы рассчитываете добиться с ней соглашения, хотя бы о нейтралитете, без помощи этого человека?

— А это опасно? Я имею в виду выход СС из-под контроля.

— Более чем опасно. На Земле, как мне стало известно из тех же источников, нет такой силы, которая может противостоять СС. Правда, она не проявляет агрессивности, иначе бы мы с вами уже не сидели здесь. Но кто может поручиться за будущее?

— Понятно, отец мой! Так и сделаем. Я найду его!

— Найдите! Обязательно найдите! А пока сделайте вот что. Подайте на него в суд.

— Что это даст?

— Ровным счетом ничего, кроме того, что наш противник подумает, что мы не догадываемся об истинном авторе книги.

— Хорошо. Я сегодня же дам распоряжение своим адвокатам.

Каупони подошел к бару, вделанному в стену кабинета, и налил из бутылки два бокала.

— Ваше любимое, хиоское, — сказал он, протягивая кардиналу бокал.

Кардинал отпил глоток вина и поставил бокал на стол.

— Это не все, сын мой! — в его голосе появились металлические нотки. — Как мне стало известно, ваше финансовое положение несколько пострадало в результате акций противника?

— Вынужден признать, что именно так, и я жду помощи церкви.

— Погоди, сын мой. В этой книжонке, — он кивнул на лежащую на полу растрепанную книгу, — есть небольшое сообщение о ваших будущих взаимоотношениях с церковью. Учитывая истинного автора книги, мы не можем не проявить настороженности и не потребовать дополнительных гарантий.

— Святой отец! Клянусь вам Всевышним — это самая грязная клевета! Я наипокорнейший слуга церкви, и вы это знаете!

— Увы, сын мой, пути Господа неисповедимы, а душа человеческая блуждает в потемках.

— Вы мне не верите?!

— Послушайте, Каупони. Вы деловой человек. При чем тут верите — не верите? В больших делах решающую роль играет не вера, а гарантии.

— Я вам их предоставлю, какие только вы пожелаете.

— Вот и хорошо. Мы уже продумали их на нашем совете.

— И..?

— Во-первых, вы смените резиденцию и будете руководить вашим движением из Тибета. Там, правда, не будет таких удобств, — кардинал иронически обвел взглядом кабинет, — но сносные условия мы вам обеспечим. Это первое. Во-вторых, в каждый ваш штурмовой отряд войдут наши люди в количестве, которое мы вам укажем.

— Но это уже не союз, а полное подчинение!

— Подчинение церкви, сын мой, долг каждого доброго христианина. Мне поручено передать вам, что если я встречу отказ на эти скромные и справедливые условия, то Союз церквей порывает с вами все отношения и публично об этом заявляет. Кроме того, мы потребуем назад свои вклады во все банки, контролируемые вами и вашими людьми. Я не могу гарантировать, что ваша партия после этого будет признавать вас своим вождем. А святое место, сын мой, никогда не пустует.

Каупони весь кипел от ярости. С каким удовольствием он размозил бы голову этому попу! Однако он справился с собой и смиренно склонил голову в знак того, что принимает условия.

— Я не сомневался в вашем благоразумии, сын мой, — сказал, поднимаясь с кресла, кардинал и протягивая ему руку ладонью вниз. Каупони почтительно поцеловал ее и проводил кардинала из кабинета.

— Вызвать Бэксона! — рявкнул он секретарю в приемной.

Как только дверь за кардиналом закрылась, он уже не мог больше сдерживать распирающую его ярость. Как крыса под фонарем, заметался по кабинету. Затем вытащил из ящика стола пистолет и почти в упор выстрелил в бокал с недопитым вином кардинала. Когда заглянул испуганный секретарь, он пустил пулю и в него, но, к счастью, не попал.

— Бэксона! — заорал он. — Я сказал, Бэксона!

Бледный как полотно Бэксон предстал перед ним, подталкиваемый сзади телохранителями.

— Отпустите его, — Каупони уже успокоился.

— Садись, старина, — почти дружеским тоном пригласил он Бэксона занять кресло напротив.

Бэксон сел на краешек, готовый в любую минуту вскочить.

— Слушай меня внимательно. Ты, старый солдат движения, допустил преступную оплошность. Ее надо исправить во что бы то ни стало. Это твоя жизнь. Не исправишь — пеняй на себя. Исправишь — считай, что у тебя в кармане пост будущего главы политической полиции. Ты меня понял?

— Понял, шеф! Все сделаю, — Бэксон понял также, что уйдет сегодня живым из дворца, а это его занимало в первую очередь.

— Ищи зацепку. Хоть какую-нибудь, но найди!

Осознав, что останется жив, Бэксон уже совсем успокоился и мог думать. Он всегда отличался быстрой сообразительностью, и Каупони это ценил. Действительно, через минуту Бэксон поднял голову, и по его взгляду Каупони понял, что он уже что-то придумал.

— Есть одна зацепка, — ловил мысль Бэксон. — Но я должен отправиться во Флориду. Там живет дочь моего бывшего друга. Очень красивая девка...

— Ерунда! Если тебе нужны красивые девки, я их тебе здесь предоставлю хоть дюжину.

— Вы меня не поняли, шеф. Дело в том, что она была личным врачом этого человека в институте СС и хорошо его знает. Мне, кстати вспомнил, моя агентка сообщала, что когда она внезапно уехала из института, то этот человек искал ее и, видно, был очень взволнован.

— Может быть, он влюбился в нее? — с надеждой в голосе предположил Каупони.

— Все может быть. Я же говорил, что она очень красива.

— Ты сказал, что ее отец был твоим другом. Он что, наш? И почему был? Погиб?

— Нет, жив.

— Тогда надо его использовать, чтобы вернее повлиять на ... как ее зовут?

— Эльга!

— Странное имя, но неважно. Так как насчет отца?

— Отца мы вынуждены были прооперировать. Он хотел бежать.

— Черт возьми! А она об этом знает?

— Нет. Я сообщил ей, что ее отец погиб и поручил мне перед смертью заботиться о ней. Я не собирался, конечно, заботиться, но сказал так, на всякий случай. У меня был небольшой план. Я ее хотел использовать. Ну, короче, заманить и пустить в дело. Хотя, откровенно говоря, было жалко, привык к ней. Но уж очень был зол на этого дурака и хотел, понимаете, при нем ее...

— Однако ты порядочная сволочь, — засмеялся Каупони. — Впрочем, для твоей будущей должности как раз подходит. Смотри, не упусти теперь девку!

— Я уже наводил справки. Мне сообщили, что она уехала в Россию и должна вот-вот вернуться.

— Как только нападешь на след этого человека, сам ничего не принимай, но срочно извести. Если меня на месте не будет, сообщишь кардиналу.

— Вы собираетесь уехать?

— Это тебя не касается! — рыкнул Каупони, мгновенно приходя в отвратительное расположение духа. Немного успокоившись, он нажал кнопку вызова секретаря.

— Выдашь Бэксону сорок тысяч наличными, — распорядился он, когда секретарь вошел.

— Смотри, — предупредил Каупони Бэксона, — если ты не выполнишь задание, я эти деньги выдеру из тебя вместе с твоими потрохами!

Кардинал между тем ехал в электромобиле, направляясь в Сан-Франциско. Через час должен быть прямой рейс в Рим. Билет уже заказан, в аэропорту его ждут спутники, с которыми он возвратится домой.

Кардинал был доволен достигнутыми результатами в переговорах с Каупони. Ясно, что этому подонку нельзя доверять. Но пока нет другой кандидатуры. «Может быть, со временем, — думал он, — я сменю Каупони на своего человека. Пока же пусть эта обезьяна делает свое дело».

Электромобиль внезапно затормозил. Кардинал отвлекся от мыслей и посмотрел из-за спины шофера на дорогу. Впереди стояла полицейская машина. К ним шли трое в форме и с автоматами в руках.

— Военная полиция, — пояснил шофер и добавил: — Что-то случилось!

Действительно, сверху послышался звук снижающегося вертолета.

— Прошу выйти из машины и предъявить документы, — строго потребовал офицер. — Кардинал Винцетти? — осведомился он, рассматривая документы.

— Да, это я.

— Прекрасно, ваше преосвященство. Я попрошу вас и вашего шофера пересест в этот вертолет, — он указал на севшую на обочине шоссе машину.

— В чем дело? — строго спросил кардинал. — Я являюсь личным представителем Папы Римского и секретарем Всемирного Союза Церкви. Объясните, что здесь происходит?

— Успокойтесь. Вам все объяснят в полицейском участке. Прошу, — офицер довольно решительно взял кардинала под руку и повел к вертолету. Уже не церемонясь, полицейские втащили туда шофера.

— Вы обвиняетесь в изнасиловании несовершеннолетней, — сообщил ему офицер, когда вертолет поднялся в воздух.

Кардинал похолодел. Да, действительно, было такое три года назад. Но он щедро заплатил родителям восьмилетней Евы, так звали эту девочку. Надо было дать больше! Ах, как некстати!

— В таком случае, вы должны передать меня церковным властям. По законам региона Италии, гражданином которого я являюсь, клирики подлежат церковному суду.

— Вы забываете, что полиция прежде всего должна провести дознание. После дознания мы передадим вас Папе Римскому. Это я вам гарантирую, — заверил офицер.

«Все-таки какие нечестные люди! Слупили с меня три тысячи кредиток и обещали не поднимать шума. Вот так и верь людям. Девчонка сама виновата, строила мне глазки во время проповеди, а затем напросилась на исповедь. Надо сказать, что родители специально толкнули ее на это! Ах, я осел. Какой осел! Надо было потребовать у них взамен денег, которые я им дал, акт экспертизы. Я тогда страшно перепугался. И все же какие нечестные, непорядочные люди...»

Между тем вертолет включил реактивные двигатели и резко увеличил скорость. Кардинал взглянул в иллюминатор. Внизу — одни вершины гор.

— Куда вы меня везете? Это же не Сан-Франциско! — испуганно вскричал он.

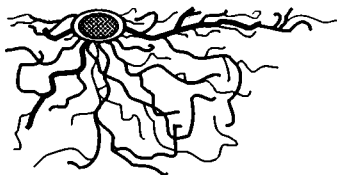
— Спокойно, ваше преосвященство. Везем мы вас туда, куда надо. И не шумите. Скоро будем на месте.

Действительно, через двадцать минут вертолет выключил реактивные двигатели и пошел на снижение. Он опустился на широкий плоский выступ горы.

— Вот мы и прибыли. Прошу, — пригласил офицер.

— Так вы не полиция? — еще больше испугался кардинал.

— Нет! — последовал ответ. — Мы частная фирма!

КАРДИНАЛ

— Добрый вечер, святой отец, — приветствовал Сергей кардинала, входя в бункер.

— Добрый вечер, сын мой, — ответил на приветствие кардинал, вставая с кресла. — Может быть, вы объясните мне, что это все значит?

— Это значит, что вы в плену у меня, и ваша судьба зависит от Бога, но заранее предупреждаю вас, отец мой, что она будет ужасной.

— Вы, мирянин, способны совершить насилие над слугою церкви? Берегитесь кары Господней!

— Ох, отец мой, — Сергей печально покачал головой. — Слуги церкви в своей истории совершили столько насилий над мирянами, что Господь Бог простит грешного мирянина, если он причинит ущерб его не совсем достойному слуге.

— Что вы от меня хотите? Кто вы? Если вам нужны деньги, то я вам предоставлю их, в разумном, конечно, количестве.

— Что вы! Что вы! — в ужасе замахал руками Сергей. — Чтобы я покусился на достояние святой церкви? Да за кого вы меня принимаете?

— Так что же вы, наконец, хотите от меня? — повысил голос кардинал.

— Не горячитесь, святой отец. Я буду вам задавать вопросы, а вы можете отвечать на них или нет, как вам заблагорассудится, только прошу вас пересест в это кресло.

Он дал знак, и двое дюжих бойцов, подхватив кардинала, уса-

дили его в кресло, которое походило на зубо­врачебное. Через мину­ту но­ги и руки кардинала были прочно фиксированы стальными обруча­ми, на его обнаженную голову надвинули шлем с идущими от него про­вода­ми к большему ящику с экраном.

— Вы меня хотите пытать! — в страхе завизжал кардинал.

— Успокойтесь! Вам никто не сделает больно. Только вот на этом экране будут отражаться ваши воспоминания, которые одновременно мы запишем на видеопленку. Поэтому я и говорю вам, что вы можете не отвечать на мои вопросы.

Кардинал глотал воздух, не в силах произнести ни слова.

— Итак, вспомните свою последнюю встречу с Каупони и какой разговор происходил между вами.

— Это точно? — раздался в комнате голос Каупони.

— Что СС сама себя заблокировала? — переспросил голос кардинала.

На экране появилось изображение роскошно обставленного кабинета, в кресле сидел Каупони. Самого кардинала не было видно. Очевидно, он в данный момент не синтезировал в памяти себя и фиксировал только образ собеседника.

Кардинал сделал над собой усилие, и на экране замелькали женские фигуры в безудержном канкане.

— О, кардинал! — иронически воскликнул Сергей, — если можно, мы вернемся к этой части воспоминаний потом. Я хочу узнать, откуда вам стало известно о блокаде СС?

На экране появилось лицо, при виде которого Сергей удивленно присвистнул: — Ну и ну! Вы и не представляете, какую ценную информацию вы мне сейчас выдали. Спасибо, ваше преосвященство! А теперь, если вам не трудно, уточните время переворота, ориентировочно, конечно, я понимаю, что еще не все вопросы, связанные с ним, решены. Так, спасибо. Перейдем теперь к более существенному. Вам, должно быть, известно расположение баз и подземных заводов. Я знаю, в это не посвящают даже Каупони. Итак, кардинал, напрягите память. Нет, не надо, богослужение мы с удовольствием посмотрим потом. Что вы знаете о базах на Тибете?

«Беседа» затянулась далеко за полночь.

— Так, спасибо, кардинал. Вы скоро отдохнете. Благодарю вас за чрезвычайно ценные сведения. И еще один вопрос. Что вы хотели сделать с Папой? Он, я понимаю, не в курсе ваших дел с Каупони. Ну-ну, спасибо, я так и предполагал. Яд? Ах, нет? Тогда что? При чем тут розы? Так, понимаю, столбнячный токсин? Каким образом? Ах, вот как? Не токсин, а культура столбнячной палочки. Что ж, очень, скажу, остроумно! Ни одна судебная экспертиза не придерется. Бедный Папа! Уколот палец шипом розы. Что ж, всякое бывает. Я думаю, Папе будет любопытно посмотреть эти кадры. Вы не находите, святой отец? А вот это уже лишнее, кардинал! Я понимаю, что вы не питаете ко мне добрых чувств, но зачем так пугать, посылая на экран мое изображение, да еще в таком виде, прикованным к столбу и на костре инквизиции?

— Вы дьявол! Оборотень! — не в силах сдерживать себя, с ненавистью выкрикнул кардинал. Он дернулся, но стальные зажимы крепко держали его в кресле.

— Насчет дьявола вы не правы, ваше преосвященство! А вот «оборотень» — это ближе. Я действительно оборотень, если судить о тех превращениях, которые мне пришлось пережить. Я был космонавтом, затем мирно жил на прекрасном острове с женой и двумя очаровательными крошками, потом попал в концлагерь на одной, Бог знает где находящейся в необъятном космосе, планете; стал одним из вождей прекрасного племени, состарился и умер, затем вернулся на свой остров молодым и здоровым, снова сражался, на этот раз уже с вашими приятелями, где впервые услышал имя Каупони. Теперь бой продолжается здесь, на Земле, и не кончится до тех пор, пока я, оборотень, как вы изволили выразиться, не отправлю в преисподнюю всех вас вместе с вашим Каупони.

— Так это вы? — догадался кардинал.

— Да, ваш покорный слуга.

— И это ваших рук дело: зверски убитые люди, способом, который больше достоин древнего ассирийца, чем цивилизованного человека.

— Ах, вы об этом? Да. Это не мною придумано. Так, кажется, управлялись восточные деспоты со своими соперниками. Только вместо верблюда использовали деревянный ящик.

— А потопленные суда с командами? Кто вам дал право решать и карать?! Вы сами поставили себя вне закона! Есть правосудие, которое решает и определяет степень виновности. Вы же караете всех, без разбора, не определив степени вины каждого!

— Совершенно верно, ваше преосвященство. Я беру этот грех на душу. И скажу вам почему. С вашей мафией можно бороться методами самой мафии и даже более жестокими, иначе вас не победить. В течение трех столетий вы несли смерть и ужас людям. Теперь наш черед! И пусть ужас и страх смерти будет теперь вашим уделом! Поймете ли вы, ваше преосвященство, вы, главный пособник убийц детей и еще не родившихся поколений, пособник торговцев белой смертью? Вы должны понять, что у человечества нет иного способа борьбы с вами. Оно долго терпело. Но теперь пришел конец его терпению, и оно вас уничтожит, уничтожит, как кровососущего паразита, как патогенный микроб, без малейшего колебания и жалости. Вот истина, которую вы должны усвоить.

— А вам не кажется, что вы ошибаетесь? — кардинал взял себя в руки и заговорил спокойно. — Вы надеетесь победить зло, внося в мир еще большую жестокость. Но разве весь опыт человечества не противоречит вам? Нельзя творить добро при помощи зла, ибо добро тогда само становится злом.

— Ну, это философия. Хотя должен вам возразить. Есть такое понятие, как необходимая оборона. Согласно этому юридическому понятию, жертва нападения может применить против нападающего еще более сильное оружие, чем сам нападающий. В борьбе с тем злом, которое вы несете людям, они вправе применить к вам еще более жестокие методы. Это говорит юриспруденция, то есть наука о справедливости, если пользоваться точным переводом этого слова. А справедливость не является угрозой миру, ваше преосвященство.

Что же касается вас, то после детального обследования картин, запечатленных в вашей памяти, вы и копии мнемозаписей будут переданы церкви, которую вы предали.

— Не приписывайте мне того, чего я не совершал! Я не предавал церковь! Напротив, я стремился к восстановлению ее величия!

— Вы предали саму идею церкви, идею милосердия. Таким образом, вы, в сущности, стали ее заклятым врагом, врагом церкви и самого Господа Бога, имя которого — «любовь», как учит мировая церковь. Любовь, воплощенная в милосердии церкви. Ибо Бог, как вы учите, имеет земное воплощение в самой церкви. Как же вы можете, извращая лик Божий, считать себя его служителем? Вы — антихрист, ваше преосвященство!

— Легко хулить человека, тем более закованного по рукам и ногам.

— Вот здесь я согласен с вами, но что делать? Таковы обстоятельства, и с ними надо считаться.

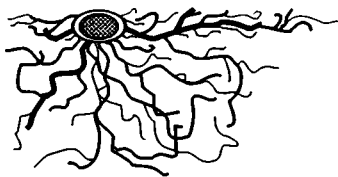
Сергей подозвал помощника.

— Продолжи разговор с кардиналом, затем отбери самую интересную информацию, продублируй несколько раз и позаботься, чтобы после окончания главной операции записи отослали в Ватикан Папе, в Совет церквей, во Всемирный Совет и в самые крупные телестудии с объяснениями и комментариями. Самого же кардинала отправьте потом в Ватикан.

— Прощайте, ваше преосвященство. Мы уже, наверное, с вами больше не свидимся...

Выйдя из бункера, он прошел по коридору в медицинский отсек.

— Рудольф, — обратился он к старшему врачу медицинской службы, — сразу же после окончания допроса кардинала поместить в анабиозную ванну. Надо, чтобы он дожил до передачи его в Ватикан и церковного суда. Это гарантия, что он не наложит на себя руки. Старый греховодник прекрасно понимает, что его ждет после суда. Церковь жестоко карает неудачных вероотступников...

БЭКСОН ПОСЕЩАЕТ ЭЛЬГУ

Бэксон позвонил Эльге из Майами и предупредил, что вечером будет у себя дома. Он попросил, если Эльга найдет возможным, зайти к нему после восьми.

— Лучше вы приходите ко мне, — предложила Эльга. — Я что-то неважно себя чувствую в последнее время, — пожаловалась она.

— Что с тобой? — в телефонной трубке голос Бэксона звучал с неподдельным беспокойством.

— Думаю, что ничего серьезно. Просто устала... И переживания, и дорога... В общем, обычная женская слабость.

— Может быть, привести врача?

— Не стоит. Приходите, я буду вас ждать. Приготовлю ваш любимый пирог с яблоками, — пообещала Эльга и повесила трубку.

— Боже, как я рада, что вы приехали! — приветствовала она Бэксона, когда тот пришел.

— Я тоже рад, моя девочка, — расплылся в улыбке Бэксон, целуя ее в подставленную щеку. — Посмотри, что я тебе привез, — сказал он, проходя в холл и усаживаясь в кресло, которое ему подвинула Эльга. Он вынул из кармана небольшой замшевый футлярчик.

— Какая прелесть! — воскликнула Эльга, раскрывая футляр. Она достала из него пару золотых сережек с крупными изумрудами и сейчас же примерила их возле зеркала.

— Спасибо! Но вы меня балуете, дядя Бэксон! К чему бы это? — она лукаво рассмеялась и шутливо погрозила пальцем.

— Не называй меня дядей, Эльга, — слегка поморщился Бэксон. — Не напоминай о моем возрасте.

— А вам хочется все время быть молодым?

Бэксон развел руками.

— Это я по привычке. Больше не буду. Вы действительно еще не выглядите так, чтобы вас называть дядей. — Она немного повертелась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон, потом сняла сережки, положила их в футляр и протянула Бэксону.

— Это слишком дорогой подарок, милый Бэксон, чтобы я могла его принять.

— Пустяки, Эльга. Ты мне как дочь и потом я чувствую себя в неплатном долгу перед моим другом.

На глазах у Эльги показались слезы. Она закусил губу. Бэксон это заметил и поспешил исправить невольно нанесенный ей удар воспоминанием о погибшем отце.

— Прости меня, девочка. Я старый болтливый дурак.

— Ничего, сейчас пройдет. — Эльга смахнула слезинку.

— Ну, вот и хорошо, — Бэксон поднялся и обнял ее за плечи. — А сережки возьми. Ну сделай мне приятное. Прошу тебя!

— Давайте есть пирог, — предложила Эльга. — Я сейчас. — Она стала хлопотать у стола, принесла из кухни чашки, чайник и прекрасно запеченный большой яблочный пирог.

— О, мой любимый! — Бэксон с удовольствием потер руки и снова сел за стол.

Когда половина пирога была съедена, Бэксон откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел Эльге в лицо.

— Что, будет разговор? — спросила Эльга.

— Да, я хотел бы с тобой поговорить, если ты не возражаешь.

— Я слушаю вас.

— Понимаешь, Эльга, — он помолчал, как бы собираясь с мыслями, и продолжил после небольшой паузы, — ты выросла у меня на глазах. Я тебя нянчил, когда ты была вот такая, — он протянул руку над полом, показывая, какой была тогда Эльга. — Мы часто виделись и я привязался к тебе как к собственной дочери. Даже больше... Прости, что опять напоминаю об отце. Но после его безвременной кончины у тебя нет более близкого человека, чем я. — Он вопросительно взглянул на нее. Эльга молчала.

— Ты, — продолжал Бэксон, — красивая девушка. Даже очень. Если бы я был моложе, эдак лет на пятнадцать, — он засмеялся. Эльга тоже улыбнулась, — я бы попытался! Черт меня подери, но я когда-то был довольно симпатичным парнем и если уж что задумывал, то добивался! — он рассмеялся и подмигнул правым глазом.

Эльга прыснула от смеха.

— Насколько я поняла, вы не делаете мне предложение? Жаль! А то бы я подумала.

— Спасибо, Эльга. Мне очень приятно слышать. Я знаю, что это неправда, но все равно приятно. Но давай будем серьезными.

Эльга сделала напряженно-серьезное лицо, но не выдержала и снова прыснула от смеха.

— Ну вот, ты не даешь мне говорить.

— Нет! Я внимательно слушаю! — лицо Эльги снова приняло обычное выражение.

— Тебе уже двадцать два года.

— Фи, Бэксон! Напоминать женщине о возрасте!

— Оставь, Эльга! Это тот самый возраст, когда надо всерьез подумать о замужестве. Я был бы более спокоен за твою судьбу, если бы знал, что рядом с тобой находится верный друг. Мы не вечны. Я тебе не говорил, но ты, наверное, догадываешься сама, что работа у меня сопряжена с опасностями. Если со мною что-то случится, ты останешься совершенно одна. Это меня больше всего беспокоит.

Эльга положила локти на стол и, подперев подбородок руками, сжатыми в кулаки, весело взглянула в лицо Бэксона.

— Понимаю! Вы нашли мне жениха?!

— Нет, не нашел, но хотел бы вместе с тобой обсудить такой вариант.

Эльга встала, прошла по комнате и, остановившись у зеркала, вновь оглядела себя со всех сторон.

— Дело в том, что у меня уже есть жених.

— Кто-о? Наверное, один из этих молодых хлюстов, увивающихся за красивыми и богатыми невестами?

— Нет, он не молод, хотя выглядит значительно моложе своих лет. Впрочем, я еще не решила. Есть одно «но», которое, признаться, меня отпугивает.

— Что же это?

— Ну... он сильно отличается от всех моих знакомых... очень сильно...

— Что?! Неужели негр?! Этого еще не хватало! Да ты что, Эльга? Опомнись! Да я его...

— Успокойтесь, он такой же белый, как и мы все. Дело не в этом. Он не совсем человек. Боже, я не то говорю...

— Эльга! Ты меня пугаешь! Как это понять «не совсем человек»?

— Ну, в общем, он был когда-то человеком, потом погиб, и его память записали на клонинг...

«Какая удача! Просто невероятно! Это значительно упрощает дело», — Бэксон постарался справиться с охватившим его волнением. Он уже догадался, о ком идет речь, но сделал вид, что не понимает.

— Словом, — продолжала Эльга, — мы с ним познакомились в институте СС, я была его личным врачом. Он, кажется, влюбился в меня. Должна сказать, что он очень симпатичен мне, но, как подумаю, что он клонинг... Я боюсь, что потом... вдруг он вызовет у меня отвращение?

— Глупости, Эльга. Я догадался, о ком идет речь. Он настоящий человек и, я бы сказал, в биологическом отношении более совершенен, чем обычный, рожденный в муках... Это, несомненно, выдающаяся личность, и я бы полностью одобрил твое решение выйти за него замуж.

— Правда? — обрадовалась Эльга.

— Истинная правда! К тому же он достаточно богат, умен и, я уверен, займет в нашем мире высокое общественное положение. Если он

сделал тебе предложение, то искренне поздравляю. Ничего лучшего я, при всем моем желании, тебе не мог бы предложить.

— Ну, если вы такого о нем мнения, то я, пожалуй, соглашусь на его предложение. Кстати, он недавно мне прислал письмо. Я сейчас его найду. — Она встала и поднялась на второй этаж.

«Бэксон, ты — большая умница! — мысленно поздравил он себя. — Как хорошо, что я о ней вспомнил. Итак, второй по значимости пост государства будущего в моих руках. А это... В общем, там будет видно. Дурак Каупони еще вспомнит, как он тыкал мне в морду книгу! Все мое время!»

— К сожалению, не нашла письма, — недоуменно развела руками Эльга, спускаясь по лестнице. — Ума не приложу, куда я его задевала? Но это неважно. Он должен скоро позвонить мне и я, наверное, поеду к нему.

— Поезжай непременно!

— Вы советуете? Я спрашиваю вас, как самого близкого друга отца.

— Конечно, моя девочка. Выходи замуж. Мы славно погуляем на твоей свадьбе, и я надеюсь еще понянчить твоих крошек. У тебя их сколько будет?

— А ну вас, — отмахнулась Эльга.

— Ладно, ладно, — засмеялся Бэксон, — не буду. Хотя, это дело житейское. Кстати, он сюда приезжал? — как бы невзначай спросил он.

— Да, и довольно часто. Правда, он приезжал не надолго. У него вечно какие-то срочные дела.

«Знаю, какие это дела, — зло подумал Бэксон. — И все же я страшный болван. Если бы я проследил за ней, то он был бы уже давно у меня в руках. А может быть, так лучше? Если бы я его сразу... то Каупони не предложил бы мне пост начальника полиции. Как говорится, спешить медленней».

— О! — он взглянул на часы. — Уже одиннадцать. Я заболтался. Ты, наверное, хочешь спать? Я зайду как-нибудь к тебе, — пообещал он, беря в руки шляпу. — И вот еще. Прошу тебя, не обижай старика! Надень сережки и носи их постоянно. Я тебя очень прошу! Мне так приятно видеть их на тебе. — Он открыл лежащий на столе футляр и достал серьги. — Тебе они очень к лицу. Дай я сам их надену.

— Ну, если вам так хочется, — сказала она, подставляя одно, потом другое ухо.

Бэксон с удовольствием осмотрел ее со всех сторон.

— Тебе они удивительно идут! В них ты еще больше понравишься своему Сергею. Видишь, я даже знаю, как его зовут. — Он весело расхохотался, довольный смущением Эльги, и, помахав на прощанье рукою, вышел.

Бэксон в этот же вечер установил тщательное наблюдение за домом Эльги. Он привез с собой четырех, можно сказать, самых лучших своих агентов, которые, сменяясь, незаметно следили за каждым движением хозяйки маленькой виллы, стоящей поодаль от других, на тихой глухой улице небольшого городка.

Кроме внешнего наблюдения, круглосуточно велась запись радиопередач миниатюрного подслушивающего устройства, вделанного в подаренные Эльге сережки.

Пока все шло так, как и предполагал Бэксон. Эльга бегала по магазинам, покупая наряды, что было вполне естественно в поведении девушки, выходящей в ближайшее время замуж.

Сергей звонил Эльге трижды и каждый раз из нового места. Первый звонок был из Вашингтона. Бэксон уже хотел кинуться туда с группой захвата, но решил подождать и играть наверняка, то есть, дожидаться встречи его с Эльгой, с которой теперь не спускали глаз. Однако дня через два последовал звонок из Боготы. У Бэксона шевельнулось что-то под ложечкой. Не подбирается ли этот неуловимый противник к его базе? Однако разговор с Эльгой не содержал ничего интересного. Обычная болтовня влюбленной пары. Еще через неделю — третий звонок. Сергей сообщил, что скоро вернется в Штаты и уже подыскал отличную виллу в горах. Он обещал вскоре позвонить и сообщить ей адрес.

Все шло хорошо. Даже слишком. Бэксон был опытным разведчиком и знал, что когда все идет гладко, то в ближайшее время жди подвоха. Нередко именно в такой тиши противник уже поймал тебя на крючок и водит, как рыбак водит крупную рыбу, перед тем как вытащить из воды. Бэксон невольно поежился. Он еще раз проанализировал события прошедших трех недель, но ничего подозрительного не обнаружил. Эльга ни с кем из посторонних не встречалась. По вечерам проводила время у экрана телевизора. Разговоры ее с Сергеем, записанные на пленку, тщательно анализировались, никаких признаков передачи кодированной информации не обнаружено. И все же чувство близкой опасности не покидало Бэксона. Вскоре его предчувствия оправдались.

Поздно вечером на его виллу один из его агентов привел изможденного, еле передвигающего ноги человека. Бэксон с трудом узнал в нем толстяка Альтермана, врача своей базы на берегу Куари. Кожа на нем висела, как складки плохо сшитой одежды.

— Что случилось? — ошарашенно спросил Бэксон, когда узнал в нем лагерного врача.

— Все! Кончено! — ответил он и повалился на стул. — Дай мне глоток коньяка. У меня нет сил.

Бэксон налил полстакана. Альтерман осушил его одним глотком и уронил голову. Молчание затянулось.

— Ну говори толком! Что случилось? Почему ты здесь? — с нетерпением и страхом потребовал Бэксон.

— Базы больше не существует! Всех! Понимаешь, всех!

— Что с базой?! И кого, всех?!

— Нас обстреляли ночью ракетами, начиненными какой-то гадостью, которая действует сразу. Когда мы очнулись, то обнаружили себя связанными и сваленными в кучу на площадке возле причала. Понимаешь?словно мы не люди, а дрова...

— Ну а потом? Вас что, допрашивали?

— В том-то и дело, что нет. Нас просто брали по двадцать пять человек, вели на причал и расстреливали, не говоря при этом ни слова.

Всех шестьсот человек! Стреляли и в воду. И молчали... Они молчали! — Альтерман забился в истерику.

— А завод, оружие?!

— Откуда я знаю? Меня повели в третьей партии. Я уцелел чудом, потому что сообразил упасть на полсекунды раньше, чем раздалась очередь. Я погрузился в воду. К счастью, веревка, которой нам связали руки, была слабо затянута. Мне посчастливилось развязать ее. Спрятался под причалом так, что наружу из воды выступал только нос. Четыре часа я слышал выстрелы и плеск от падающих тел. Вся река была покрыта плавающими трупами. Это ужасно, Бэксон! Глубокой ночью я выбрался из своего убежища и поплыл по течению. Я плыл среди трупов, и вода была липкой от крови! — Альтерман затрясся и зарыдал.

— Какая жестокость, Бэксон! Нечеловеческая жестокость!

— А он и не человек, — выдохнул Бэксон.

— Кто?

— Их руководитель!

— Так кто же он?

— Оборотень! Это не первая база, Альтерман, но вы — первый свидетель. С других, разгромленных, очевидно, таким же образом, никто живой не ушел. Он уничтожает всех! Он из тех, кто вначале стреляет, а потом уже разговаривает. Хотя о чем я? Он не разговаривает вообще! Он только стреляет! Я не могу точно сказать, сколько уже баз уничтожено, так как сам не знаю их числа и расположения, но, наверное, другие подверглись такому же разгрому. Альтерман, это конец! Ты видел его там?

— Я не знаю, о ком ты говоришь. Если об их начальнике, то, когда мы лежали, к нам подошел такой высокий, пожалуй, два метра ростом, русоволосый, лет на вид не больше тридцати, а то и двадцати восьми. Он посмотрел на нас и только махнул рукой остальным. Нас тут же стали выводить на причал.

— А он?

— Повернулся и не спеша пошел по направлению к заводу.

— И ни слова не сказал?

— Ни слова!

— Как же ты все-таки выбрался? В Куари ведь невозможно плавать...

— Страшно вспоминать! Я соорудил себе плот из трупов и плыл на нем до рассвета. Кругом кишели пираньи. Не думаю, чтобы хоть одно тело доплыло до ближайшего населенного пункта. Мой плот тоже подвергался нападению. Когда я причалил к берегу, половину трупов они уже обглодали. Страшно было смотреть на растрепанные куски мяса.

— Хватит! Я не могу слушать больше! — истерично закричал Бэксон.

Он налил себе и Альтерману по полному стакану коньяка и разом осушил свою порцию.

— Ведь какие ребята были, — скрипнув зубами, сказал он минуту спустя. — Один к одному!

Альтерман выпил свой коньяк.

— Да, — произнес он. — Можно сказать, отборные представители рода человеческого. Все как на подбор: рослые, здоровые, красивые. Сколько в будущем было бы славных родов! Скажи мне, Бэксон, неужели все то, о чем мы с тобою мечтали в тихие вечера там, на берегах притока Амазонки, все это погибло?

— Не знаю. Но если с другими базами случилось то же, то да! У нас не будет реальных сил. Но ничего, — добавил он с яростью, — черт с ним, с Каупони, и с постом главы полиции. Теперь уже это, по-видимому, не имеет никакой ценности. Но до оборотня я доберусь! Ты его узнаешь?

— А как же! Я его запомнил на всю жизнь!

— Это хорошо. Скоро я предоставлю тебе возможность с ним встретиться, но уже при других, клянусь тебе моей незабвенной мамочкой, обстоятельствах! Вот что! Я тебя сейчас покормлю, а потом ты ляжешь спать. Утро, как говорят русские, вечера мудренее. — Он открыл холодильник и стал вытаскивать из него провизию.

— Давай, ешь, старина, — пригласил он Альтермана. — Я тоже с тобой за компанию поужинаю.

Но поесть им спокойно не удалось. Запыхавшись, к ним в комнату вбежал один из агентов.

— Скорее, шеф! Кажется, началось!

— Что, уже? А телефон?

— Ничего! Возможно, забарахлил передатчик. Она только что села в машину и поехала по направлению к Майами.

— Быстро одну машину за нею!

— Уже отправлена!

Бэксон кинул взгляд на Альтермана.

— Все, дружище! Охота началась. Сейчас я тебе что-нибудь подберу переодеться. Мы с тобой одинакового роста и комплекции. Ты был толще, но теперь в самый раз. — Он кинулся в спальню и сейчас же вернулся, держа в руках серый костюм, рубашку и ботинки. — Быстро одевайся! — приказал он.

В машине Бэксон натянул на голову парик и прицепил бороду. Затем одел темные очки с прикрепленным к ним пластиковым носом.

— Лучше, чтобы она меня не узнала, — пояснил он. — Тебя она вообще никогда не видела, так что сойдет и без маскарада. Придется лететь одним рейсом.

В аэропорту их встретил агент.

— Взяла билет на утренний рейс в Сан-Франциско, доложил он тихо. — Сейчас сидит в зале ожидания и смотрит ночной фильм.

— Кто с ней?

— Дэвид и Джованни.

— Отлично! Билеты?

— Уже взяты. Вот ваши, — он протянул Бэксону два билета на утренний рейс в Сан-Франциско.

ОХОТА С ПОДСАДНОЙ УТКОЙ

Воздушный лайнер быстро набрал высоту и взял курс на Запад. Дождавшись начала горизонтального полета, Альтерман встал со своего кресла во втором салоне и прошел в первый. Спустя минуту он вернулся и, тронув Бэксона за рукав, тихо сообщил:

— Слушай, шеф! Я видел Сюзанну! Еще в аэропорту мне показалось, что это она. Теперь я уверен, что это именно она.

— Ты что?! — всполошился Бэксон. — Она же погибла!

— Я тоже так думал, но она жива. Летит с нами в первом салоне.

Бэксон внезапно затрясся мелкой дрожью от смеха.

— Фу ты! Как меня напугал! Это не Сюзанна, а Эльга. Они, я забыл тебе сказать об этом, поразительно друг на друга похожи. Это и послужило причиной, как ты помнишь, эксцесса между Питером и Джонни. Питер принял Сюзанну за свою дочь и врезал Джонни в челюсть. Ну а потом ты сам знаешь — из-за нее он вообще свихнулся и решил бежать.

— Неужто так похожа? — недоверчиво переспросил Альтерман. — Ты не путаешь?

— Как две капли воды. Парадокс случайности. Да ты не беспокойся. Уже месяц с Эльги мои ребята не спускают глаз. Разве что не спят с ней и не провожают в туалет. Это Эльга, дочь Питера,

можешь мне поверить, и она же... возлюбленная нашего Оборотня!

— Так она твоя подсадная утка?! — понял наконец игру Бэксона Альтерман.

— Ну да! Приемчик, в общем, старый, но верный. Однако погоди, — спохватился он, — мне надо позвонить шефу.

Он снял телефонную трубку на спинке переднего кресла и набрал номер секретаря Каупони.

— Это Вольф! — назвал он свое условное имя. Через несколько минут послышался голос Каупони.

— Ну, что там у тебя?

— Все о'кэй! Товар добротный, сделка состоится, но требуется наличность. Я через час во Фриско, — это значило, что Бэксон вышел на прямой след Сергея и требует помощи людьми.

— Много наличности? — поинтересовался Каупони.

— Чем больше, тем лучше. Товар может уплыть.

— Понял. Жди в аэропорту. — Каупони повесил трубку.

Спустя сорок минут после этого разговора воздушный лайнер стал резко спускаться. Небо за иллюминатором из фиолетового стало голубым, появились облака, и скоро самолет мягко коснулся бетонированной дорожки.

Аэропорт находился в сорока милях от десятиллионного Сан-Франциско, до которого еще следовало добираться наземным транспортом.

Эльга вместе с остальными пассажирами прошла через центральный выход аэровокзала и села в скоростной автобус, идущий в город. Она не обратила внимания на то, что вместе с ней в автобус сели трое широкоплечих мужчин в одинаковых серых плащах. Оживленно между собой разговаривая, они, тем не менее, не спускали глаз с Эльги, следя за каждым ее движением.

Бэксона и Альтермана встретил в порту сам начальник личной охраны Каупони Виктор Сомов. Бэксон, который хорошо знал Сомова, заметил его еще сходя по трапу самолета. Уже то, что Каупони послал самого Сомова, говорило о многом.

Сомов внимательно разглядывал сходящих по трапу пассажиров, ища глазами Бэксона, который тем временем подошел к нему вплотную и остановился в трех шагах.

— Кого ты ищешь, Виктор? — насмешливо спросил он.

Сомов вздрогнул и пристально взгляделся в лицо обратившегося к нему бородатого пассажира.

— Ну я это! Я! Не узнаешь, что ли? — Бэксон хохотнул, довольный своей удачной гримировкой.

— А-а! — узнал его Сомов и тут же спросил. — Где она?

— Прошла вперед. Там мои ребята, — ответил Бэксон. — Ну что, поехали? Ты один?

— Со мной десять человек и три машины. Остальные во Фриско. Едем! — ответил Сомов и пошел к зданию аэровокзала.

Уже в машине, повернувшись к Бэксону, который сидел на заднем сидении вместе с Альтерманом, сообщил:

— Шеф в ярости. Недавно получили сообщение из Канады. Там разгромлена наша база, одна из самых крупных. Он велел передать тебе, чтобы ты поторопился.

— Как, в Канаде тоже?

— А где еще? — испуганно спросил Сомов.

— Моя, — коротко бросил Бэксон. — Вот, — он кивнул на Альтермана, — единственный, кто уцелел.

— Ты не шутишь?

— Какие тут, к черту, шутки?! — зло бросил Бэксон и мечтательно проговорил. — Ну, пусть только попадется он мне.

— Шеф велел брать живым, — напомнил Сомов.

— Знаю! Но это уж как придется. Выпускать его я не намерен.

— Что он, дьявол, что ли?

— Оборотень! — скрипнул зубами Бэксон.

— Ты его знаешь в лицо?

— Нет! Вот он, Альтерман, видел и то лишь один раз. Главное, не упустить его девку. Она нас выведет на него.

— Кто ее пасет?

— Надежные ребята. Они не раз были со мною в деле, но ты их не знаешь. Давай на набережную, — велел он водителю. — К ресторану «Нептун». Здесь мы должны ждать моего агента, — пояснил он Сомову, — он сообщит, где она остановилась.

Они успели пообедать, когда к их столику подсел агент Бэксона.

— Она остановилась в гостинице «Алабама», номер 308, на третьем этаже. Вам уже номера заказали. Два на том же этаже и три на втором.

— Отлично, Джон, — Бэксон положил на стол купюру и поднялся. За ним встали остальные.

Едва только Бэксон и Альтерман вошли в свой номер, как к ним постучал и вошел второй агент.

— Заказала спортивную скоростную машину на завтра, — сообщил он.

Бэксон тут же снял трубку внутреннего телефона и позвонил в номер Сомову.

— Завтра будет экскурсия.

— Понял. Я возьму с собой детей.

Бэксон повесил трубку и вопросительно посмотрел на агента. Тот кивнул.

— «Клопа» подбросили. Вот, — он протянул Бэксону маленькую коробочку с выходящим наружу наушником. Бэксон приложил его к уху и услышал голос Эльги. Она напевала песенку.

— Поет... — произнес он довольным голосом. — Поет — это хорошо.

Он подержал наушник еще несколько минут и услышал шум бегущей воды из крана.

— Пошла в ванную. У вас есть еще? — спросил он агента, кивнув на коробочку с наушником.

— Три! — ответил тот.

— Слушать постоянно! Ей могут звонить.

— Ясно, шеф!
 — В машину! Смотри, обязательно!
 — Сделаем! Не в первый раз, — ответил агент, уходя.
 — Итак, завтра, старина, — сказал Бэксон, подходя к двери в ванную комнату, куда уже успел забраться Альтерман, — ты будешь иметь возможность во второй раз увидеть своего Оборотня...

На следующий день по шоссе, соединяющем Сан-Франциско с Портлендом, на большой скорости мчался спортивный голубой электромо-
 бил. За рулем сидела Эльга. В полмили сзади от нее двигался мощный
 черный бронированный лимузин, в котором находились Сомов, Бэксон,
 Альтерман и двое штурмовиков из личной охраны Каупони. Остальные
 двадцать машин следовали поодаль, не теряя друг друга из виду. Пе-
 ред каждым поворотом водитель первого лимузина, следуя указаниям
 Сомова, переключал скрытый под панелью регулятор окраски. Автомо-
 бил быстро из черного становился красным, из красного — зеленым,
 затем снова черным, а потом уже желтым. То же самое происходило с
 цветом других автомобилей, следующих сзади. Достигалось это весьма
 простым способом. Под прозрачным прочным пластиковым покрытием
 на металл кузова был напылен специальный химический состав, кото-
 рый в зависимости от подаваемого электронапряжения на кузов, менял
 свою окраску.

— Здесь где-то его вилла, — сообщил Бэксон Сомову. — Он ее там,
 наверное, ждет. Хороший мы ему свадебный подарочек преподнесем.

Он поднес наушник к уху и услышал голос Эльги. Она пела.

— Невеста поет, жених ждет, а время идет, — продекламировал
 Бэксон и засмеялся своей шутке.

Время действительно шло. Они были в дороге уже четыре часа.

Эльга подъехала к придорожному мотелю, пообедала, отдохнула час
 и снова села за руль. Выехав на трассу, ее машина сделала левый по-
 ворот и помчалась назад по направлению к Сан-Франциско.

— Ничего не понимаю! — ошеломленно пробормотал Бэксон.

— Может быть, будем брать? — спросил Сомов.

— Ты что? Зачем она нам нужна?

К вечеру они приехали назад. Эльга поставила машину на стоянку
 и вернулась в свой номер.

Уставший за день Бэксон буквально свалился в постель.

— Я пять минут, — пробормотал он и мгновенно заснул.

Проснулся он от резкого толчка. Открыл глаза и увидел склонивше-
 гося над ним Альтермана.

— Послушай, — он протянул ему коробочку с наушником. — Там
 что-то говорят.

Еще ничего не соображая, Бэксон взял наушник и приложил к уху.

— Еще немного потерпи, милая, и мы встретимся, — услышал он
 мужской голос. Сон мгновенно исчез.

— Я сделала все, как ты велел, — прозвучал голос Эльги.

— Ты не заметила слежки?

— Нет, все чисто. Я все время наблюдала в зеркало. За мною шли машины, но обычно, как бывает на дорогах. Ничего подозрительного я не заметила. Как там отец?

Бэксон вздрогнул и насторожился.

— Он рядом со мной, — услышал он голос Сергея. — Если хочешь, я передам ему трубку.

— Доченька! — услышал он знакомый голос Питера Лациса. — Доченька... — послышалось всхлипывание.

— Отец! Успокойся! — Эльга чуть сама не плакала. — Мы скоро увидимся!

— Эльга, слушай меня внимательно. Завтра ты поедешь в аэропорт. Возьмешь билет на утренний рейс в Лос-Анжелес. Подойдешь к трапу последней. Взойдешь на него, когда его уже вот-вот должны убрать и в самый последний момент сойдешь на землю. Если из самолета кто-то выйдет вслед за тобой, знай, что это — шпик, который тебя преследует. Тогда возвращайся в гостиницу и жди новых указаний. Если нет, возьми билет на Монреаль. В Монреале пересядешь на самолет, идущий в Оттаву. Там я буду тебя встречать. Ты все поняла?

— Все, Сережа! Все! Я очень хочу тебя видеть!

— Я тоже. — Разговор прервался.

— Я тоже! — повторил Бэксон. — Очень хочу тебя видеть, Сережа. Однако какая хитрая лиса. Не мешает проверить.

Он вышел из номера и спустился к портье. Было уже около часу ночи, в вестибюле гостиницы пусто. Один лишь портье сидел в своей кабине и, чтобы не заснуть, рассматривал иллюстрированный журнал.

Бэксон подошел к окошку и положил перед портье пару крупных купюр. Тот отложил журнал и вопросительно посмотрел на Бэксона.

— Откуда был звонок в 308-й номер? — спросил Бэксон.

— Мы таких сведений не даем, — ответил портье, не прикасаясь к купюрам.

Бэксон крикнул с досады и вытащил еще две таких же. Портье смахнул деньги в ящик стола и тихо сообщил: — Из Сант-Яго.

— Откуда? — опешил Бэксон.

— Я говорю, из Сант-Яго. Мы можем проверить. — Он набрал номер 308 на телефонном компьютере, и на дисплее засветилась надпись: № 308, 0 часов 15 минут, Сант-Яго, Чили, длительность разговора — 4 минуты.

— Спасибо... — пробормотал Бэксон, отходя от окошка. Когда он ступил на первые ступеньки лестницы, в кабине портье зазвонил внутренний телефон. Сам не зная почему, Бэксон остановился и прислушался.

— Да, мисс! Хорошо, мисс! — говорил в трубку портье. — Сейчас выясню, — он нажал кнопку компьютера и, прочитав информацию на дисплее, сообщил: — Прямой рейс только послезавтра, но вы можете вылететь и завтра через Боготу. Да! Будет исполнено! — Портье повесил трубку и, заметив стоящего вблизи Бэксона, сделал ему знак подойти.

— Звонили из 308-го номера, — сообщил он и выжидательно посмотрел на него.

Бэксон полез в карман и вытащил еще две кредитки.

- Заказан билет на прямой рейс в Сант-Яго, — сообщил он.
- Когда завтра рейс через Боготу? — быстро спросил Бэксон.
- В семь утра. Если хотите...

Но Бэксон его уже не слушал. Он почти вбежал вверх по лестнице на второй этаж и постучал в номер Сомову.

- Быстро одевайся!
- Что случилось?
- Надо срочно переправить твоих ребят в Сант-Яго, через Боготу.

Рейс в семь утра.

— Ничего не понимаю, почему в Сант-Яго, да еще через Боготу? Объясни толком.

Бэксон пересказал ему разговор с портье.

— Вот оно что! — присвистнул Сомов. — Ты думаешь, нас раскрыли?

— Не могу сказать точно. Это скорее тройная страховка. Ясно, что Эльга все знает. Отец ее жив и все ей рассказал. Что он в Сант-Яго — это вполне логично. Недавно в Южной Америке была разгромлена моя база. Он там! Это точно!

— Как мы переправим туда оружие? Самолетом невозможно. Пойдем, — Сомов поднялся с постели и стал одеваться. — Я сейчас позвоню шефу, и он даст команду местной партийной организации встретить наших ребят и снабдить их оружием.

Он набрал номер секретаря Каупони.

— Кто это? — удивленно спросил он. — Это ты, Сайрес? Не узнал. Что? Простыл? Ладно, соедини с шефом. Как в отъезде? С кем? С кардиналом? Понятно! Когда будет? Ага, завтра. Что? К вечеру. Ладно, послушай, Сайрес, ты можешь это сделать сам. Соединись с нашими в Сант-Яго. Скажи им, что завтра рейсом через Боготу придут мои ребята. Их надо встретить и снабдить всем необходимым. Ты меня понял? Ну, отлично. Привет. — Сомов положил трубку. — Итак, сейчас поднимем моих мальчиков и отправим в аэропорт. А мы?

— Мы, то есть я, ты, Альтерман и два моих агента будем сопровождать объект до места встречи.

— Все! Заметано. Иду поднимать своих.

Через день в аэропорту они со злорадством наблюдали, как Эльга тщательно выполняла инструкции, полученные ею по телефону. Она действительно последней поднялась по трапу самолета, но задержалась в дверях, и когда трап уже начали убирать, прыгнула на него, что-то крикнув ошеломленной стюардессе. Затем Эльга отправилась в кассу и взяла билет на рейс в Монреаль.

Однако когда в девять утра была объявлена посадка на самолет, идущий этим рейсом, поднялась и вышла из здания аэровокзала.

— Ясно, — сказал Сомов. — Хороши бы мы были, если б отправили ребят в Монреаль.

— Есть еще время, пойдем в бар, пропустим по стаканчику, — предложил Бэксон.

— А она?

— Уже никуда не денется. Впрочем, Ник за нею присмотрит. — Он подозвал агента и дал ему распоряжения. — Мы будем в баре, наверно, — предупредил он.

Сомов с наслаждением выпил стаканчик виски и заказал еще порцию.

— Мне порядком надоела эта история, — обратился он к Бэксону. — Вот уже четвертый день пасем козочку. Сколько можно?

— Уже скоро. Я... — начал было Бэксон, но не успел закончить фразы, как в бар буквально ворвался его агент.

— Скорее! Она уехала!

— Как! Куда?

— Села в стоящую возле тротуара машину, красный спортивный ягуар, и укатила.

— А Ник? — спросил Бэксон, уже сбегая вниз по лестнице.

— Вскочил в первую попавшуюся машину — и за ней.

— У него есть передатчик?

— Кажется... Точно не знаю, но вроде должен быть.

— Скорее в машину! — крикнул Сомов, подбегая к оставленному на стоянке лимузину.

— Ты хоть заметил, в какую сторону она уехала?

— По северной дороге.

— Вперед!

— Шеф! Шеф! — заговорил приемник. — Я ее вижу.

— Где ты? — крикнул в микрофон Бэксон.

— Похоже, она едет по прошлому маршруту. Увеличила скорость. Я отстаю, шеф!

— Мы тебя сейчас догоним, старайся не выпускать ее из виду. Там дальше есть съезды с шоссе?

— Миль сорок — ни одного.

— Этого достаточно!

— Ну, что ты на это скажешь? — тронул он рукою сидящего впереди Сомова.

— Скажу, что твой Оборотень оказался значительно умнее, чем мы предполагали.

Машина мчалась на предельной скорости. Встречные электромобили шарахались от нее в сторону.

— Не нарваться бы на авиоавтоинспекцию, — высказал опасение Альтерман.

Ему никто не ответил.

Минут через десять они догнали Ника. Тот быстро вскочил в открытую дверцу, и они помчались дальше. Вскоре впереди стал виден красный «ягуар».

— Теперь можно тише, — распорядился Сомов. — Не ушла пташка.

«Ягуар» доехал до пересечения дорог и, почти не сбавляя скорости, свернул на дорогу, идущую на восток, в сторону горного хребта.

— К нему помчалась! Она мне раньше сказала, что у него где-то вилла в горах.

Дорога пошла теперь круче. Вскоре Эльга свернула на еще более узкую дорогу и поехала по ней, не снижая скорости, напротив, она ее увеличила, словно хотела оторваться от преследователей.

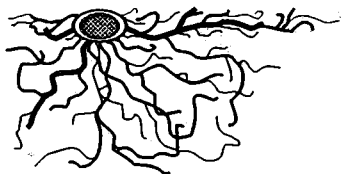
— Давай, жми! — распорядился Сомов.

Дорога стала петлять и все больше подниматься в горы.

— Надо сократить расстояние, а то из-за поворотов теряем ее из виду.

Встречных машин не было, и водитель прибавил обороты, сократив расстояние между ними и уходящим «ягуаром» до минимума.

— Осторожно! Масло! — взревел Сомов, но было уже поздно. Багажник «ягуара» раскрылся, и из него на асфальт полилась густая масса. Скрипнули тормоза, машина раза два повернулась вокруг своей оси и сорвалась в обрыв. Несколько раз кувыркнулась на крутом склоне и застыла внизу вверх колесами.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Бэксон уже час как пришел в себя и пытался разобраться, где он находится. Он лежал на кровати в небольшой комнате, по-видимому, больничной палате. Странно, что в комнате не было окон. Мягкий свет шел с потолка. Левая рука и правая нога Бэксона были в гипсе. Нога приподнята вверх градусов на тридцать. Он чувствовал, что ступня чем-то зажата. От зажима отходил стальной тросик, перекинутый через блок, к концу его прикреплен груз. То же самое было с левой рукой.

Очевидно, после аварии его в бессознательном состоянии доставили в госпиталь с переломами конечностей, наложили гипсовые повязки и поставили на вытяжение.

«Так влипнуть! Живы ли остальные? Впрочем, это уже не важно. Эльга провела меня, как зеленого стажера. Эх, Бэксон, Бэксон, это конец всему: и твоей карьере, и, может быть, твоей бурной жизни. Каупони не простит тебе этого. А впрочем, теперь Каупони будет не до него. По всему видно, что удары, которые нанес нам Оборотень, надолго выбьют Движение из намеченного графика. Все придется начинать почти с нуля. Создавать новые штурмовые отряды, новые подпольные заводы. На это уйдет вся жизнь. Нет! Надо выходить из игры. Сменить имя, место жительства. Уехать, скажем, в Японию, а еще лучше в Корею или на Филиппины. Денег хватит на оставшуюся жизнь...

Нет! Ты просто раскис, Бэксон. Стыдись, старый боец. Рано списывать себя в архив. Именно сейчас, после такого разгрома, Каупони понадобятся опытные и верные люди. Он вынужден будет беречь кадры, которых осталось немного. Ничего! Мы еще поборемся. Пусть Оборотень думает, что я погиб. Это хорошо. Место его гнезда я приблизительно знаю. Надо дать о себе весть Каупони. Конечно, тот будет в ярости. Но ничего, переживет. Черт возьми! Как не кстати эти переломы. Сколько надо лежать? Месяц? Два? В моем возрасте они срastутся не скоро. Что-то мне говорил Альтерман по этому поводу? Какая-то электростимуляция ускоряет сращивание. Да! Точно! Вспомнил, у нас в поселке был такой случай, когда один из штурмовиков сломал себе ногу. Альтерман его вылечил за две недели.»

Тихо, без скрипа отворилась дверь, в палату вошел высокий человек в светло-зеленом халате и такой же шапочке. Он подошел к Бэксону и, заметив: что тот очнулся, приветливо кивнул головой и участливо спросил:

— Ну, как мы себя чувствуем?

— Вы доктор?

— Да. Это я вас вчера складывал. У вас очень сложный открытый перелом. Пришлось удалить много осколков кости. Боюсь, что правая нога теперь будет короче левой. Остальных, — предупредил он вопрос Бэксона, — спасти не удалось. Вам повезло, что вы сидели справа и сзади. Это самое безопасное место в машине, когда она летит с обрыва вверх колесами.

— Где я нахожусь?

— Это госпиталь одной частной фирмы.

— Мне надо позвонить по телефону.

— Это можно сделать, но попозже. Сейчас вас покормят. Немного бульона вам не повредит.

Он нажал кнопку на пульте возле кровати, и минуты через три вошла миловидная девушка в таком же зеленом халате и принесла чашку бульона и пару тонких белых сухариков. Она села на стул возле кровати и принялась кормить Бэксона из чайной ложечки.

Прошло три дня. Бэксон чувствовал себя все лучше. Он раза четыре звонил секретарю Каупони, но абонент почему-то не отвечал.

— Это бывает, — сказал ему доктор, когда он пожаловался на плохую связь. — Здесь, в горах, связь часто барахлит. Кстати, к вам посетитель, вернее, посетительница.

— Кто это? — удивился Бэксон.

— Это я, дядя Бэксон, — сказала, входя в палату, Эльга.

Доктор, как только она вошла, удалился.

— Ты?! Ты давно здесь? — невольно вырвалось у Бэксона. Он сделал резкое движение и вскрикнул от боли.

— Лежите смирно, — строго предупредила она его. — А то переломы не срастутся. Да! Я давно здесь. Уже почти месяц.

— Как месяц? Ничего не понимаю! Кто же тогда...

— Ах, вы об этом? — в голосе ее послышалась издевка. — Вы хотите знать, за кем вы гнались, начиная с Флориды? За Сюзанной. Я же,

после вашего визита, уехала с Сергеем сюда. Между прочим, там, во Флориде, с вами встрети-лась не я, а Сюзанна.

Бэксон закрыл глаза и поста-рался взять себя в руки. Он пони-мал, что влип и теперь находится в руках своих врагов. Но позволить себя морочить он не может. Проиг-рывать надо с достоинством. Он открыл глаза и спокойно, как ему показалось, заговорил:

— Все ясно, Эльга. Я проиг-рал, но не надо меня разыгрывать. Сюзанна, была такая девушка, но она погибла в сельве. Она действи-тельно похожа на тебя, но не на-столько, чтобы я вас спутал.

— Я жива, как видите, — ска-зала вторая Эльга, входя в палату.

Вслед за Сюзанной в палату вошел высокий человек лет трид-цати, темноволосый, с правильны-ми чертами лица и с серыми, стального оттенка, глазами.

— Как видите, Бэксон, сходст-во действительно поразительное. Я сам попался на эту удочку и когда приехал к Эльге, то принял за нее Сюзанну. Мы были незнакомы. Произошла сцена, которая сейчас мне кажется комичной, а тогда чуть не разорвала сердце. Сюзан-на, естественно, сказала, что не знает меня, и я, униженный и ос-корбленный, хотел уйти и забыть навсегда свою Эльгу. Я бы и ушел, и все последующие события разви-вались бы иначе, если бы в это время не появилась Эльга, которая услышала мой голос в холле. Но это вам не интересно...

— Так вы... Сергей? — внут-ренне похолодев, выдавил из себя Бэксон.

— Да, так меня называли мои родители. Среди вас я известен под кличкой «Оборотень». В неко-торой степени это имя подобрано удачно.

— Что вы от меня хотите?

— От вас? Ровным счетом ничего. Вы сыграли свою роль и сыграли, должен признать, отлично. Я вами весьма доволен!

— Вы мною довольны?!

— И очень, Бэксон! Настолько, что решил сохранить вам жизнь. До суда, конечно. Кроме того, вы мне симпатичны даже. Вы не знаете, но мы с вами встречались раньше и вели дружеские беседы. Я вам даже сделал подарок: прекрасные рога оленя, которые вам так понравились. Потом мы с вами рассорились. Очень крупно! И вот теперь конец всему: и дружбе, и ссоре.

— Я ровным счетом ничего не понимаю. Это какой-то бред. Я вас вижу первый раз.

— Правильно, Бэксон. Вы — первый раз. Но не будем об этом. Поговорим лучше о делах недавних, если вы не утомились, конечно.

— Как вы меня раскрыли? Понимаете, это вопрос профессиональной чести разведчика!

— Понимаю вас. Что же, охотно расскажу. Я говорил вам, что прекрасно вас знал. Это первое. Второе: когда вы позвонили Эльге из Майами, я был у нее с небольшой группой своих бойцов, которые охраняли виллу. Эльга боялась, что не выдержит разговора с вами, так как из рассказа Сюзанны, которая к ней приехала за месяц до вашего звонка, знала историю своего отца. Она не знала только, что вы его оставили жить, предварительно психически искалечив. Это выяснилось после разгрома вашей базы, место расположения которой указала Сюзанна. Поэтому мы решили, что вас встретит Сюзанна. Во время этой встречи мы с Эльгой находились на втором этаже вашего дома, а мои ребята зафиксировали ваших агентов.

— Так почему же вы тогда еще меня не взяли? К чему была затеяна вся эта комедия с полетами в Сан-Франциско и автомобильными гонками?

— Терпение, Бэксон. Охотно вам все объясню. Вы, очевидно, переоцениваете свое значение. Ваша личность интересовала меня мало, если не считать сентиментальных воспоминаний о прошлой встрече.

— Вы опять об этом. Я же говорил вам, что вижу вас впервые.

— Хорошо, Бэксон, не буду, не волнуйтесь, пожалуйста. Так вот, — продолжал Сергей, — из беседы с кардиналом Винцетти...

— Как? Кардиналом?

— Да, с кардиналом. Он, кстати, находится сейчас здесь на отдыхе. Так вот, о чем я? Если вы меня будете перебивать, то я никогда не закончу...

— Вы говорили, что что-то узнали из беседы с кардиналом, — напомнил Бэксон.

— Благодарю! Да, из беседы с ним я понял, что Каупони задался целью поймать меня. Роль кошки, которая ловит мышку, то есть меня, будете играть вы, как наиболее опытный агент и разведчик Каупони. Тогда возникла идея использовать вас как подсадную утку. Мне требовалось выманить охрану из дворца Каупони. При аресте Каупони нам не хотелось поднимать большого шума и рисковать людьми. Одно дело — забросать ракетами с усыпляющим газом базу в глухой сельве, другое — брать штурмом дворец в относительно населенной местности.

— Так вы взяли самого Каупони? Невероятно!

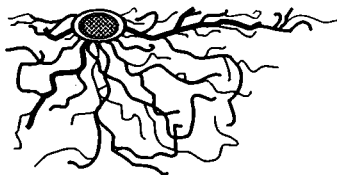
— Почему же? Он отдыхает сейчас тоже здесь, рядом с кардиналом. Мы сняли с него мнемोगраммы и скоро вместе с его духовным наставником передадим властям.

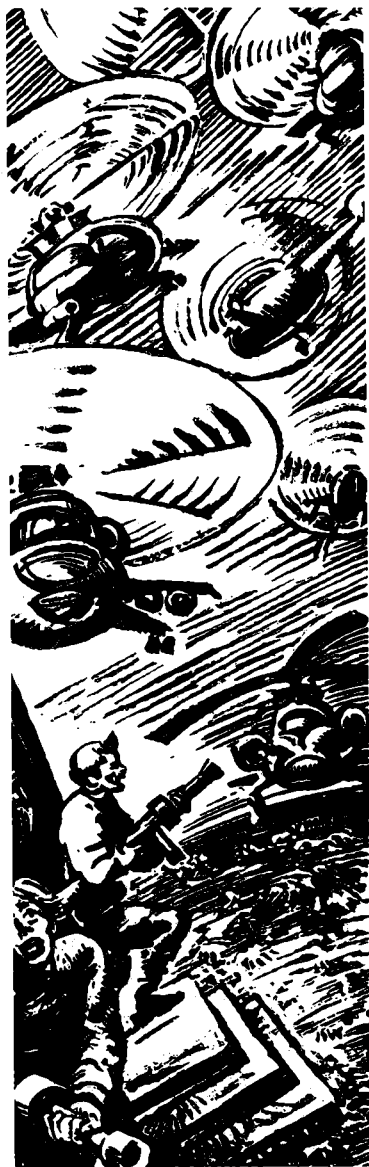
— И он не воспользовался подводной лодкой?

— Ах, вы об этом! Пытался. Кстати, мы его взяли без шума именно в тот момент, когда он выходил из шлюза. Сведения о лодке нам любезно предоставил его высокопреосвященство. И знаете, кто принимал непосредственное участие в поимке Каупони? Ваш Рональд, которого вы так отлично рекомендовали в свое время Сомову, начальнику охраны Каупони. Хороший, между прочим, парень. Я рад, что сохранил ему тогда жизнь.

— Это конец! — прошептал едва слышно Бэксон и закрыл глаза.

Когда он их снова открыл, в палате никого не было.

АРЕСТ

— Итак, ты считаешь, что надо распустить боевые отряды и каждому заняться собственным делом? — Николай был явно недоволен решением командира и все больше и больше хмурился, по мере того, как Сергей излагал ему свои соображения.

Они стояли на отвесном берегу. Несмотря на июль, было довольно прохладно, и оба перед прогулкой надели толстые шерстяные свитеры. Воды фьорда, защищенные со всех сторон отвесными скалами, тихо поблескивали в косых лучах солнца. Здесь же, наверху, дул сильный западный ветер.

Сергей жил на своей вилле уже второй месяц. Он приехал сюда, когда посчитал, что операция по ликвидации Движения неогуманистов завершена. Сюзанна осталась в горах Калифорнии присматривать, как она сказала, за отцом Эльги. Сергею было искренне жаль эту, так похожую на его жену, девушку. Он понимал, какие противоречивые чувства теснятся в ее сердце. Лацис спас ее и, возможно, она действительно полюбила его тогда, в глухой сельве. Во всяком случае, он был для нее первым мужчиной, к которому она не испытывала отвращения и ненависти. Может быть, отсутствие этих чувств и принималась ею за любовь. Не испытав любви, женщина может принять за нее чувство благодарности. Но тогда, в сельве, Лацис был другим. Он был смел и предприимчив. Эта смелость и решительность в действиях как бы маскировали разницу в

возрасте. Теперь же он превратился в плаксивого старика, готового пролить слезу по любому поводу. К этому прибавилась крайняя подозрительность, внушенная сознанием собственной неполноценности. Приступы подозрительности и ревности заканчивались упреками и горькими рыданиями. Сергей заметил, что сама Эльга, вначале не отходившая ни на шаг от отца, потом стала избегать его общества. Единственное, что могло прекратить эти бесконечные упреки и причитания, был строгий окрик, после чего Лацис покорно замолкал и принимался за дело. Эльга придумала для него занятие: вязание. Свитеры, которые сейчас согревали Сергея и Николая, связаны отцом Эльги.

— Ты не считаешь, что необходимо сохранить наши отряды, как боевую силу, на тот случай, если Движение неогуманистов снова возродится или появится новая подобная фашистская организация? Общество должно себя застраховать от повторения подобного.

— Вот именно, Николай. Вот именно, должно застраховать! — повторил Сергей. — Но длительное существование нелегальной боевой организации и является опасностью для демократического общества. Любая подобная организация может легко переродиться со временем в экстремистскую партию. Любого толка.

— Тебе не кажется, что ты оскорбляешь своих друзей и соратников, которые ежедневно рисковали своими жизнями именно чтобы разгромить фашизм в самом его зарождении?

— Ох, Николай! Пойми, что время не только лечит, но и калечит.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что если сохранить нашу организацию, то со временем в нее вольются новые люди, возникнут новые идеи. Оружие делается для того, чтобы оно стреляло. Организация — для того, чтобы она действовала. Когда есть реальная и полезная цель, организация полезна. Если нет цели, неизбежно начинаются процессы деградации. Нельзя создавать организацию ради организации. Какая бы ни была благородной организация, если теряется реальная и полезная для общества цель, или эта цель создается надуманно, то есть цель не отвечает реальным потребностям общества, организация деградирует и в конце концов становится вредной для общества. Этот закон справедлив для любой организации. В лучшем случае она превращается в паразитирующую группу или прослойку общества, в худшем — заводит его в тупик или толкает на авантюру. Наше человеческое общество давно поняло это и поэтому больше не создает постоянной исполнительной власти, а только временные комиссии, которые самораспускаются, как только цель достигнута. Это оптимальная организация общества, исключающая захват власти насильем. Создание политических партий и военизированных организаций в таком обществе было бы крупным шагом назад в его развитии.

— Однако такое общество, как показали события последних лет, не жизнеспособно и может быть легко подчинено себе экстремистской группой, вроде неогуманистов. Да и наш опыт опровергает твои доводы.

— Напротив, наш опыт как раз их и подтверждает. Общество нашло в себе силы создать такую эффективно действующую комиссию, которая и задавила фашизм в самый критический период его зарождения.

— Что за комиссия?

— А мы сами? Разве мы не члены этого общества, не часть его, или ты считаешь нас марсианами? — Сергей весело рассмеялся, видя смущенное лицо Николая, и дружески обнял его за плечи.

— Брось, Коля, мучить себя. Я понимаю, тебе жалко расставаться с друзьями. Но разве это обязательно? Разве мы не сможем встречаться как и раньше, но уже за дружеским столом, а не в засадах, в тепле и в комфорте, а не у костра на горном перевале, в Гималаях или среди туч москитов в сельве?

— Будет скучно, — улыбнулся Николай.

— Не будет! В нашем мире еще ох сколько разных неотложных дел, которые требуют и рук, и умения, и крепкой дружбы. Надо только, чтобы эти дела соответствовали интересам человечества, а не шли с ними вразрез.

— Так о чем же я тебе толкую! Именно о том, что надо найти такое стоящее дело, которое мы могли бы творить вместе, не теряя связи между собой!

— А мы его уже начали и скажу тебе, что это дело не менее важное, чем разгром банд Каупони.

— Начали? Когда? Ты от меня скрыл?

— Ничего я от тебя не скрывал, ты сам один из первых приступил к выполнению чрезвычайно важного плана, который должен изменить весь ход истории человечества. И этот план выполняется успешно.

— Ничего не понимаю. Какой план? Когда он стал выполняться?

— Ты разве забыл, как я передал тебе подарок старого Дука? Скольким ты передал его?

— Ты об этом?!

— Ну конечно! По моим подсчетам свойства элиан уже переданы тысячам. Ты, например, передал его всем командирам групп. Не так ли?

Николай кивнул головой.

— Каждый из командиров передал своим бойцам?

Николай снова кивнул.

— Те передали другим, своим близким, знакомым, всем, кто его смог воспринять.

— Не все это могут.

— Знаю. Это так и должно быть! Далее, я передал его Эльге, а затем Сюзанне. Они уже передали его по крайней мере двум, а то и трем десяткам других женщин. Началась цепная реакция, которую уже нельзя остановить. Когда эта реакция охватит всех способных к восприятию дара далекой, неизвестно где затерявшейся в просторах Космоса, планеты, уже ничто не сможет толкнуть человечество на путь насилия, на путь установления диктатур любых окрасок. Люди с черными лицами легко будут распознаваться остальными и останутся в изоляции. Теперь ты понимаешь, что мы совершили?

— Биологическую революцию?

— Которая неизбежно приводит к нравственной революции, революции духа, — закончил его мысль Сергей. — Эта революция навсегда исключит из жизни общества обман, насилие, подлость, равнодушие, паразитизм и иждивенчество, разобщенность и взаимонепонимание. И эта революция абсолютно бескровная!

— Добавь еще и то, что в ней участвует все население планеты, — подхватил Николай. — Что же ты раньше молчал?! — он шутливо стукнул Сергея кулаком в грудь.

— Я думал, ты сам понял, с самого начала, — ответил Сергей и, заметив приближающуюся к ним группу людей, приветливо помахал им рукой.

— Вот и наши, не дождались.

— Чего? — сделал вид, что не понял Сергей Николай.

— Ты думаешь, я не догадался, что тебе поручили со мною поговорить, чтобы я не распускал отряды? Теперь они не выдержали и спешат узнать, чем закончились наши переговоры. Пошли к ним навстречу, — предложил он. — Пора обедать. Эльга обещала угостить нас национальной латвийской кухней. За обедом и поговорим.

Эльга, как всегда, встретила их с ворохом свежих газет в руках. Она каждый день ездила в ближайший поселок и привозила свежую прессу.

— Ты только взгляни, что делается в мире. Какой шум! — она начала читать заголовки заметок и статей. — Вот... «Каупони приговорен к высшей мере наказания — расстрелу!» «Кардинал Винчетти лишен духовного сана и осужден на пожизненное заключение». «Роспуск Союза Церквей. Выступление Папы». «Арестовано свыше ста тысяч человек, связанных с торговлей наркотиками и подпольным бизнесом»... «Уничтожены огромные склады оружия»... «Арест члена Всемирного Совета». «Шпионы Каупони в институте СС» и так далее... А вот страшная статья «Триста тысяч искалеченных мозговыми операциями». Неужели

их так много? — вопрос этот относился к Сергею, и тот кивнул в подтверждение.

— Вот такую судьбу неогуманисты готовили большей части населения!

— Послушайте! — Эльга торжественно окинула всех взглядом, — вам не кажется, что человечество должно вас хорошо отблагодарить?

Воцарилось молчание. Мужчины переглянулись. Молчание нарушил Владимир Олянский, отличавшийся скептическим характером. Он был сам родом из Пскова и командовал группой бойцов, в которую входили исключительно русские и при этом из северных регионов.

— Из всех существ, — мрачно сказал он, — человечество всегда было самым неблагодарным. Оно награждало своих героев посмертно, при жизни же предпочитало наказывать их. Галилей, Бруно, Сервет, Линкольн, Сократ, да всех не перечислишь...

— Ну, это когда было! — возразил один из командиров.

— Ты думаешь, что с тех пор человечество поумнело? Я очень в этом сомневаюсь. Человечество, как старая проститутка, любит тех, кто его насилует. Оно помнит, а порой и чтит Македонского, Чингиз-Хана, Тамерлана, Гитлера, Сталина, Мао Дзе Дуна и чуть-чуть не превознесло Каупони, не помешай мы ему. Так что, не ждите, братцы мои, благодарности, а лучше сматывайте отсюда удочки и никому не признавайтесь, что это вы угробили Каупони и его шайку. Вот увидите, нас еще будут упрекать за то, что мы это сделали.

— С чего это на тебя нашло? — удивился Николай.

— Так, предчувствие, — ответил Владимир.

— Да бросьте вы это! — возмутилась Эльга. — Прошу всех к столу, — пригласила она друзей в столовую, где уже был накрыт большой длинный стол. Стали усаживаться. Однако лица не выражали обычного в таких случаях веселья. Пророчество Олянского испортило всем настроение.

— Ну что? Может быть, выпьем? — предложил Николай, вставая и беря со стола бутылку коньяка. — Трофейная, — сообщил он, рассматривая этикетку. — Из запасов блаженной памяти Каупони. — Все рассмеялись.

Постепенно лица разгладились, и за столом полилась оживленная беседа. Обсуждался вопрос о скорости распространения свойства элиан на население Земли. Владимир, который, кроме скептицизма, отличался еще незаурядными математическими способностями, быстро подсчитал, что для охвата всех способных воспринимать элианский дар потребуется максимум семь-восемь лет. Сергей прикинул в уме и согласился с выводами Владимира.

Их беседу прервал нарастающий шум винтов приближающихся к вилле вертолетов. Все вскочили из-за стола и выбежали наружу.

Штук сорок, не меньше, вертолетов окружили виллу со всех сторон и стали снижаться.

— Что бы это значило? — удивленно спросил Николай.

— Человечество прибыло сюда, чтобы изъять благодарность, — мрачно ответил на его вопрос Владимир.

— Я серьезно! — рассердился Николай.

— А я не менее серьезно отвечаю. Ребята, — крикнул он, — к оружию!

— Стойте! — закричал Сергей. — Остановитесь! — но все уже кончилось в дом и появились, держа в руках бластеры.

Вертолеты между тем сели, образуя замкнутый вокруг виллы круг. От одного из них отделилась группа из трех человек и направилась к вилле. Не доходя шагов сорок, они остановились. Вперед вышел молодой офицер и, пройдя еще десять шагов, громко обратился к стоящему впереди Сергею.

— Сергей Владимирович! По поручению Всемирного Совета я должен доставить вас и ваших людей в Осло, откуда вас переправят в Женеву. Я призываю вас проявить благоразумие!

— Вот и дождались... благодарности... мать вашу за ногу, — зло выругался кто-то сзади.

— Сергей! — рванулся вперед Николай. — Разрешите, мы сейчас разнесем этих сопляков в пух, в прах и в мамину душу! Пять минут и...

— Назад! — заорал Сергей. — Сложить оружие! Я приказываю!

Воцарилась тишина. Никто не проронил ни слова. Молчал и офицер, и стоящие за ним полицейские из Интерпола. Слышно было дыхание застывших на месте людей.

— Эх, Сергей, — вздохнул, нарушив тишину Николай. — Ты делаешь ошибку, но ты командир наш, и мы тебе подчиняемся. — Он взял бластер за ствол и с силой ударил его прикладом о каменистую почву. Оружие разлетелось на части. Его примеру последовали другие.

— Мы готовы следовать за вами! — крикнул Сергей офицеру и пошел к нему навстречу.

По дороге его догнала Эльга.

— Ты зачем здесь? — недовольно спросил он.

— Я с тобой!

— Простите меня, мадам, — офицер вежливо взял под козырек, — но в отношении вас у меня нет никаких распоряжений. Вы свободны.

— Я поеду со своим мужем! — решительно заявила Эльга.

— Ну, как вам будет угодно. Но, повторяю, вы не арестованы и в любое время можете уйти.

Они были уже у вертолетов, как вдруг раздался усиленный мегафоном голос Владимира:

— Сергей, я остаюсь! Если что, помни, я приду на помощь.

Ошеломленные полицейские сначала застыли на месте, вертя во все стороны головами, не понимая, откуда голос, потом, сообразив, что источник его находится на башне виллы, построенной в виде миниатюрного средневекового замка, бросились было по направлению к ней, с явным намерением взять говорившего под стражу. В ответ с башни раздался хохот.

— Эй, вы, мышиные гусары! — крикнул Владимир, намекая на цвет формы полицейских. — Учтите, у меня здесь магнито-лазерная пушка, снятая со знаменитой подлодки Каупони. Если вы посмеете сделать еще несколько шагов, я вас и вашу з...ную технику мигом превращу в груду пепла!

В подтверждение сказанного возле одного поодаль стоящего вертолета появилась ослепительная вспышка, превращая камень в стекло-видный раскаленный сплав.

— Этот вертолет, — крикнул Владимир, — убедительно прошу оставить на месте. Остальные могут убираться. Ну! Я жду! — еще одна вспышка — и за вертолетами вспыхнула сосна.

— Поторопитесь, — спокойно сказал Сергей офицеру. — Я его знаю очень хорошо. Если он что обещает, то обязательно выполняет точно и в срок.

— Но я получил приказ.

— Не будьте идиотом! Делайте, что я вам говорю и побыстрее!

— Вы это серьезно? — растерянно спросил офицер.

— Более, чем когда-либо. — И видя, что тот молчит, не решаясь отдать приказ, сам крикнул стоящим возле вертолетов полицейским и своим друзьям: — По машинам!

Вертолеты поднялись в воздух. Вскоре Сергей увидел в иллюминатор, как от земли оторвался оставшийся летательный аппарат. Он завис на минуту над виллой, и из него вырвался тонкий луч, мгновенно превративший виллу в груды пепла. Вертолет поднялся выше и взял курс на восток.

Зачем он это сделал? — подумал Сергей и тут же понял. — Сейф со списками бойцов отрядов и картами их дислокации! Как бы он не наломал дров!

После Николая Владимир был самым способным из его командиров. Он отличался, пожалуй, еще большей решительностью и точностью расчета. Именно с ним и его отрядом Сергей разгромил лагерь на берегу Куари. Владимир самостоятельно ликвидировал крупную базу в Гималаях, он же блестяще провел операцию по захвату кардинала и самого Каупони. Кроме того, он был самым молодым из близкого окружения Сергея. Этим летом ему исполнилось всего лишь двадцать лет. Знал Сергей и другое. Олянский — фамилия матери Владимира. Фамилию отца он почему-то скрывал от всех. Внешне он чем-то напоминал Сергею его самого. Такой же высокий, сходные черты лица. Почему-то Сергей чувствовал к нему особое расположение и часто в бою старался, чтобы Владимир не подвергал себя лишнему риску. Но тот, напротив, лез всегда в самое пекло. Иногда, Сергей ловил себя на мысли, что смотрит на Владимира глазами отца, испытывая такую же тревогу за него, как обычно испытывает отец, видя, что сын рискует собой. Сын... Где-то сейчас его единственный сын, там, далеко и близко. Он оставил его совсем маленьким. Последнее, что врезалось в память, это как он спускался с ним по карнизу их дома на острове, прижав к своему плечу его заплаканное личико. И еще одна картина вспомнилась: Вовка сидит впереди него на лошади в их последней поездке к отрогам горы Франклина. Он тогда весело бил пухлыми ручонками по гриве лошади, погоняя ее. Сыновья... Сколько их было у него, и все они остались там, вне реальности. Как он надеялся, что Эльга родит ему сына. Настоящего!

Он положил руку на плечо сидящей рядом жены и нежно прижал ее к себе.

— Что теперь будет, Сережа? — жалобно спросила она.

— Поживем — увидим, — тихо ответил он, продолжая думать о своем.

Она услышала его мысли. Обычно они никогда не прибегали к открывшимся возможностям слышать мысли друг друга, но на этот раз Эльга не выдержала.

— У нас будет сын, Сережа, — прошептала она ему. — Я тебе давно хотела сказать об этом.

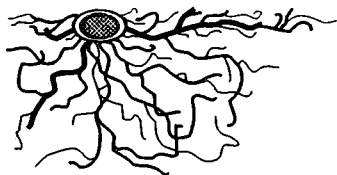
— Ты знаешь, что сын?

— Естественно! Ты разве забыл?

— Ах, да!

Сообщение Эльги как бы сняло с души тяжелый камень. «Сын! У меня будет сын!»

— Будет! — повторила Эльга, уже не скрывая, что слушает его думы.

НАКАНУНЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬ- НОГО ЗАСЕДАНИЯ

Лицо адвоката выражало крайнюю озабоченность. Он долго не решался начать разговор, пока Сергею не надоело молчание и он сделал нетерпеливое движение.

— Что-нибудь новое?

— Да. Вы по-прежнему настаиваете на том, чтобы защита строилась на полном оправдании?

— Что изменилось?

— Видите ли, Сергей Владимирович, мы, то есть коллегия адвокатов, ведущая ваше дело, рассчитывали вначале в случае неблагоприятного исхода апеллировать к общественному мнению и добиться референдума. Вы знаете, что таких прецедентов нет, тем не менее, этого можно добиться, так как Всемирный Совет всецело на вашей стороне. Он имеет право поставить вопрос о вашей судьбе на всенародное голосование.

— Ну так что же?

— А то, что складывается крайне неблагоприятная обстановка. Предварительный опрос, проведенный прессой, показывает явный перевес сторонников вашего осуждения.

— Вот как?

— Да!

— Что же, они жалеют НГ?

— Дело не в этом. Кто-то упорно распускает слухи, что вы действовали в сговоре со Всемирным Советом и специально заблокировали СС, лишив таким

образом людей надежды на бессмертие. А когда НГ в союзе с распущенным ныне Союзом Церквей хотел изменить ситуацию и открыть доступ к СС, вы расправились с НГ и Союзом Церквей.

— Какая чепуха!

— Но слухи упорно ползут. Причем видна некая организация в распространении слухов. По-видимому, действуют остатки НГ. Как всегда недобитый враг когда-нибудь да укусит. Таким образом, если решение о вашей судьбе будет вынесено на всемирный референдум, около 60% проголосуют за ваше осуждение, то есть, за смертную казнь. Скажу больше. Прокурор, который вначале и слышать не хотел о референдуме, теперь не только не возражает, а настаивает на нем. И если суд, коллегия присяжных, в общем-то благоприятно для вас настроены, то подавляющее большинство людей планеты жаждет крови.

— Подождите! Ведь средства массовой информации правдиво осветили все, что касалось НГ и блокады СС. Почему такая реакция?

— Есть ситуации, когда толпа больше верит слухам, чем средствам массовой информации. Население думает, что Совет просто не хочет открыть всем доступ в СС, оставляя его только для избранных. Все заветы Совета в этом отношении не принимаются во внимание. В церквях и соборах ведутся проповеди о всеобщем равенстве в «том мире» и о справедливости, то есть, призывают требовать общую доступность к СС.

— Со временем это станет возможным, но пока просто технически ничего не получится.

— Никто с этим считаться не хочет.

— Но Союз Церквей распущен, и его руководители осуждены самой церковью!

— Да! Но церковь, видно, решила использовать возможность поправить авторитет на столь популярном лозунге. Поэтому я и говорю, что ситуация сложилась крайне неблагоприятная. Суд присяжных при таком общественном мнении не решится вынести вам оправдательный приговор. Максимум, что он сможет сделать, это вынести решение о смягчающих вину обстоятельствах и тем самым спасти вас от смерти. А там пройдет время, люди поймут, что вы для них сделали... Соглашайтесь, Сергей Владимирович! Иного выхода я не вижу.

— Интересное положение, — проговорил Сергей, как бы рассуждая сам с собой, — судят нас за нарушение законов, за самосуд над НГ, судят, а в душе не осуждают. Смерти же нам хотят за несовершенно и приписанные нам кем-то поступки.

— В этом вся соль и запутанность положения, — подхватил адвокат. — Вас осудят официально за то, что в душе каждый из судей и присяжных одобряет, а неофициально — под давлением создавшегося общественного мнения. А общественное мнение, как вы знаете, при нашей структуре может мгновенно сменить и Совет, и все другие официальные органы. Достаточно лишь нажать кнопку индивидуального компьютера. Вот вам издержки демократии!

— Не демократии, а охлократии и неинформированности народа. Совет с самого начала боялся сказать правду о блокаде СС, чтобы не вызвать панику. Демократия не может иметь издержек. Но демократия превращается в охлократию, когда народ не информирован. Представь-

те себе, что вы ввели в ЭВМ ложную информацию, можно ли в таком случае упрекать машину, что она выдает неправильные решения? Так и народ! Можно ли упрекать его за то, что его обманули, подсунили людям ложную информацию? Нет, конечно. Мне сейчас пришла в голову интересная мысль. Все диктаторы прошлого приходили к власти именно на волне демократического движения. Это были искуснейшие программисты, которые могли ввести в «мыслящий аппарат» народа ложную, выгодную для этих будущих диктаторов, информацию. Таким образом, они превращали демократию в охлократию, а затем добивались личной диктатуры. Всегда одно и то же! Сначала лозунги, затем разгул толпы и, как закономерный итог, — личная диктатура. Незыблемая формула. Сначала превратить народ в толпу, потом при помощи толпы уничтожить мыслящую часть населения, чтобы исключить обратное превращение толпы в народ.

— Вы способны сейчас теоретизировать? Когда жизнь ваша висит на волоске?

— А почему бы нет? Пока живу — я мыслю. Умру — моя мыслящая материя будет закономерно разлагаться на простейшие органические, а потом на неорганические элементы. Но я хочу вернуться к сказанному. Давно известно: маленькая ложь рождает большое недоверие. Совет скрыл от народа блокаду СС, и вот рождено недоверие ко всему Совету. Ошибка в стратегии власти. Эта ошибка идет от недоверия власти к самому народу. И коль власть вступает на этот путь, то пожинает плоды недоверия со стороны самого народа. Сколько в результате этого погибло хороших начинаний! Запомните на будущее. От народа ничего нельзя скрыть, и самым прочным правительством будет то, которое ничего не будет скрывать от собственного народа. Доверие рождает доверие. Это аксиома, которая, к сожалению, долго не доходит до правительств. Я понимаю, что правительство, которое намерено злоупотреблять властью, вынуждено скрывать это от населения. Но ведь наш Совет — самый демократический орган управления за всю историю человечества. Почему он сделал такую ошибку? Почему скрыл?

Сергей говорил еще долго, но адвокат слушал его невнимательно. Мысли его были заняты куда более конкретными вопросами. Дождавшись, когда Сергей замолчал, он снова заговорил о том, что его больше всего волновало:

— Сергей Владимирович, вы должны помочь присяжным!

— Не понял? Как я им могу помочь? Я, подсудимый, своим судьям?

— Помогите им сохранить вам и вашим товарищам жизнь. Признайте частично свою вину. Ведь не могут они вам смягчить приговор, если вы упорно твердите, что поступали правильно и не жалеете ни сколько о случившемся. Ох! Я не то говорю! Простите, я слишком волнуясь. Но вы должны меня понять. Дайте им хоть маленькую зацепку. Хоть скажите, что вы сожалеете... что ли? А? Сергей Владимирович? Ну прошу вас! Через год будет другая ситуация. Можно надеяться на пересмотр приговора... Неужели вы не хотите жить?!

— Очень хочу! А сейчас, как никогда!

— Так в чем же дело? Вы боитесь унижения? Но это проходящее...

— Это не проходящее, но дело не в унижении. Здесь значительно серьезнее. Признать, что я был не прав — это открыть путь новым по-

пыткам захвата власти и установления диктатуры и тоталитаризма. Если нас казнят, но казнят не униженными, не раскаявшимися, неизбежно придет время, когда люди поймут нашу правоту и найдут в себе силы раз и навсегда покончить со всякими попытками обратить себя в рабство. Если же мы выразим, как вы говорите, сожаление, признаем свою неправоту, то тем самым мы навсегда осудим себя и, в случае аналогичной ситуации, никто уже не решится на такое. Тогда выйдет, что мы, вместо радикальной операции, спасающей организм, провели лишь незначительное лечение, эффект которого весьма проходящий.

Я не заставляю моих друзей идти за собой. Пусть каждый выберет свой путь. Я выбрал.

— Они пойдут за вами, — печально констатировал адвокат.

Было около одиннадцати часов ночи, когда к маленькому особняку на окраине города подъехала машина. Эльга еще не легла спать и слышала, как хлопнула дверца автомобиля и он тотчас же отъехал.

Через десять минут к ней в комнату постучала хозяйка особняка, которая уже несколько месяцев, пока длился суд, сдавала ей комнату на втором этаже.

— Фрау Эльга, — едва сдерживая волнение, произнесла хозяйка, — к вам поздний гость. Я говорила ему, что уже поздно, но он очень настаивал.

— Где он? — волнение хозяйки невольно передалось Эльге.

— Ждет внизу, в гостиной. С виду очень приличный и симпатичный молодой человек... Но так поздно?! — хозяйка пожала плечами. — Может быть, — высказала она предположение, — это касается вашего мужа?

Эльга быстро вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице. В гостиной, в связи с поздним часом, мягко светила только настольная лампа. Сидевший на стуле возле журнального столика при виде ее поднял голову, и она вздрогнула. Эльге показалось, что это Сергей. Но, присмотревшись, она узнала Владимира Олянского. Как же он все-таки похож на того Сергея, которого она встретила два года назад в институте Сверхсложных Систем!

— Ты? — удивилась она. — Как ты меня нашел?

— Ну, это было не самое трудное, — ответил Владимир, подойдя к ней и целуя протянутую руку.

— Но ты ведь рискуешь жизнью! Ты знаешь, что тебя повсюду ищут?

— А, пусть ищут, — беспечно махнул рукой Владимир и озабоченно спросил. — Ты когда увидишь Сергея?

— Завтра. Послезавтра заключительное заседание суда и вынесение приговора. Мне разрешили свидание.

— Отлично! Значит, успеем!

— Ты что-то задумал? — с надеждою в голосе спросила Эльга.

— Задумал. Вот что: приговор суда не вызывает больше сомнения. Ждать дольше нельзя. После приговора их переведут в центральную тюрьму с усиленной охраной. Да дело не только в ней. Там надежная сигнализация, и сделать что-либо, не поднимая шума, не удастся. Надо действовать сейчас, до вынесения приговора.

— Ты хочешь, чтобы он бежал?!

— Не только он, но и все наши товарищи. У меня все готово. Один отряд сосредоточен в городе, остальные в его окрестностях и по пути следования. Он будет жить, даже если бы мне пришлось сравнять здание суда с землей.

Эльга слушала, радуясь и пугаясь одновременно. Она хорошо знала Владимира, его решительность и точность расчета.

— Что я должна сделать?

— Предупредить Сергея. Завтра, через два часа после свидания с тобой, мы совершим нападение на тюрьму и освободим его и всех наших. Встретимся сразу же после этого свидания. Я сам подойду к тебе.

Выйдя за ворота тюрьмы, Эльга уже не могла сдерживать рыдания. Она прислонилась к углу облицованного гранитом здания и почувствовала, что сейчас упадет. Рядом скрипнули тормоза. Ее кто-то подхватил на руки и внес в машину. Это был Владимир.

— Ну что? — с беспокойством спросил он, протягивая ей флягу с водой.

Эльга несколько раз пыталась сказать слово, но спазмы в гортани мешали ей говорить.

— Отъедем подальше! — приказал Владимир водителю.

— Ну, успокойся и скажи, наконец, что случилось. Почему ты так расстроена?

— Он... он отказался, — выдавила из себя Эльга.

— Что?! Как?! Почему?! — вырвалось у Владимира.

Эльга отдышалась и, сбиваясь, начала рассказывать о результатах ее переговоров с Сергеем. Поговорить удалось. Тюремщик, из уважения к Сергею, оставил их одних. Эльга передала мужу все, что ей рассказал Владимир. Сергей долго молчал, но потом наотрез отказался.

«Если я совершу побег, то тем самым признаю вину и неправоту моего дела. А это бы свело все на нет. Все наши усилия! Всю проделанную работу! Нет! Этого нельзя делать!»

— Я не могла его уговорить. Я стояла перед ним на коленях и просила согласиться ради нашего сына, но он сказал, что ради всех детей человеческих, ради их будущего он должен остаться и ждать приговора.

Владимир даже застонал.

— А что же Северцев, эта старая проститутка?!

Эльга ласково провела рукой по таким же, как и у Сергея, темно-пепельным волосам Владимира.

— Ты несправедлив к нему, Володя. Он три раза выступал на суде. Несколько раз требовал вмешательства Совета, но что он может сделать, и что может сделать Совет? Он не имеет влияния на судебную власть. Прокурор твердит, что закон нарушен, а закон один для всех.

Машина остановилась. Водитель, не получив указания, не знал, куда ехать дальше и, полуобернувшись, вопросительно посмотрел на Олянского, сидящего на заднем сидении рядом с Эльгой. Наклонившись вперед, тот сжал руками голову и тихо, со стоном повторял:

— Ох, отец, отец...

Эльга схватила его за плечи и, пристально глядя в лицо, прошептала:

— Что ты сказал? Повтори! Ты?..

Владимир кивнул головой.

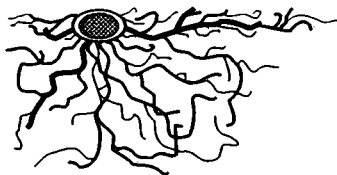
— Да! Но он об этом не знает. Меня к нему прислала мать...

— Мать? Я ничего не понимаю... Ты... ты ведь взрослый... Как?..

— Потом, Эльга, потом. Сейчас я не в состоянии говорить...

— Поезжай, Миша, к ней домой, — велел он водителю.

— Завтра приговор... А там посмотрим! — с угрозой в голосе произнес он, прощаясь с Эльгой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Выдержки из речи прокурора

— ...Я не буду больше возвращаться к той изодранной, можно сказать, патологической жестокости подсудимого и его помощников. Об этом говорили свидетели. Я не буду повторять их показания, так как хочу пощадить слух присутствующих в зале, особенно женщин. Здесь много говорилось о так называемом благородстве целей. Может быть, я подчеркиваю, может быть, обвиняемые действительно преследовали благородные цели. Может быть! (крики протеста). Я даже могу согласиться с этим. Но, господа! Человечество давно, раз и навсегда, совершенно справедливо осудило известный вам пресловутый принцип: «Цель оправдывает средства». Сколько раз человечество жестоко расплачивалось за применение этого принципа! Какие только преступления против человечности, против справедливости и гуманности не совершались под прикрытием этого принципа! Разве не ради него пылали костры инквизиции в мрачные годы средневековья? Разве не ради этого принципа отравляли в газовых камерах миллионы людей? И разве не этот же принцип взяли на вооружение сами неогуманисты? Благородство целей?

Я, с вашего разрешения, еще вернусь к этому вопросу. Но я хочу вам напомнить, что не было в истории человечества ни одного преступления, которое не прикрывалось бы благородством конечной цели. Ни один диктатор не приходил к власти, не пообещав человечеству установления в будущем справедливого и благоустроенного мира. Запомните это! И обратите внимание: чем заманчивее для простаков-обывателей были его обещания, тем более жестоким и более кровавым становился устанавливаемый им режим после захвата власти.

Здесь на суде говорилось, что действия подсудимых спасали демократию. Но, прошу вас, назовите мне хотя бы одного-единственного диктатора, который не начинал свои действия под флагом спасения демократии!

Да, подсудимые боролись с мафией. Никто не может этого отрицать. Но была ли это борьба за демократию, или же борьба за власть? Борьба за право осуществлять насилие? Обратимся к историческим примерам. Я прошу вас мысленно перенестись в жестокий двадцатый век. Фашизм, который чуть не погубил человечество. Разве не было внутрипартийной борьбы между различными течениями фашизма, когда одна группа уничтожала другую? Вспомните известную «ночь длинных ножей», когда Гитлер расправился со своими бывшими союзниками. Все это было, и все это может повториться! Перед захватом власти одна мафия вступает в борьбу с другой, и отличительной чертой этой борьбы является та страшная жестокость, с которой одна мафия расправляется с другой. Без выбора средств! Не останавливаясь ни перед чем! Это один из главнейших признаков наступления будущего террора по отношению к населению, когда мафия захватывает власть и укрепляет ее страхом, насилием и террором, обращенными уже на все население.

В прессе сейчас много пишут о вскрытии подсудимыми преступлений неогуманистов. Да, это так! Ну и что? Назовите мне хотя бы один случай в истории, когда победитель в политической борьбе скрывал от общества преступления, совершенные побежденным? Мы не видим здесь ничего нового.

Я хочу вам еще раз напомнить, что первый и главный признак мафии, ставящей целью захват власти, — это полная неразборчивость в средствах для достижения цели. Имеем ли мы этот признак? Да! Он налицо! — прокурор сделал паузу, налил из графина воды, отпил глоток и продолжал:

— Второй признак — это глубочайшее презрение к народу, к демократии. Здесь подсудимые перешагивали даже своих противников. Те хотя бы пытались прийти к власти законным путем, готовя референдум. Эти же организовали тайные боевые группы и даже не помышляли обратиться к народу (крики протеста).

— Я понимаю, что вас смущает. Вы имеете в виду книгу, написанную главным обвиняемым. Но это же несерьезно! Вспомните, сколько издано таких романов-предупреждений. В романе можно выдумать все, что угодно, вплоть до нашествия инопланетян. Что же прикажете делать? После выхода в свет романа Уэллса «Борьба миров» человечество должно было бы готовиться к отражению десантов марсиан? Это же смешно, господа!

Но коль мы заговорили о романе, который автором назван очень образно — «Тупик», то позвольте обратить ваше внимание, что сам роман, особенно его конец, пропитан презрением к человечеству. Автор совершенно не верит в его силы, в его способность к сопротивлению насилию. Автор издевается над человечеством и в издевательском тоне описывает борьбу с режимом правозащитников и политической оппозиции. Единственные, кто вызывает у него симпатию, — это будущий диктатор, который, как и сам автор, не стесняется в выборе средств, да еще группа экстремистов. Автор буквально упивается сценами насилия и жестокости, невольно выдавая себя, свой характер.

Следствие располагает сведениями, что роман написан самой СС. И это еще более настораживает и пугает! СС, ее психология, как теперь известно, формировалась под влиянием психологии подсудимого. Это страшно! Это очень страшно! Если подсудимый обладает такой изощренной жестокостью, то что можно ожидать от сверхинтеллектуальной системы, психология которой скопирована с психологии подсудимого? Не нависла ли над человечеством еще более страшная угроза, чем угроза захвата власти неогуманистами? Можем ли мы сейчас исключить это? Нет! Можем ли мы позволить жить подсудимому и, зная его нечеловеческие возможности, находиться под непрерывной угрозой полного, безоговорочного подчинения всего человечества лицу, которое даже нельзя назвать человеком, в истинном значении этого слова, чья патологическая жестокость нам хорошо известна? Неогуманисты называли его Оборотнем. Должен признать, что при всем моем отвращении к этой организации название, которое они дали ему, абсолютно справедливо.

(Защита заявила протест. Суд принял протест защиты и призвал прокурора воздерживаться от подобных заявлений).

— Приношу Суду извинения! Однако должен сделать следующее заявление. У нас уголовный суд, и мы не можем решать вопросы, относящиеся к компетенции Всемирного Совета. Но я обращаюсь к общественному мнению. Не совершило ли человечество роковую ошибку, создав сверхинтеллектуальную систему? Не поплатится ли оно за это своей свободой, а может быть и жизнью?

Итак, что мы видим в подсудимом? Мы видим глубочайшее презрение к человечеству, которое сочетается с потенциальным могуществом, обусловленным его особыми связями со Сверхразумом. Что человечество может ожидать от такого сочетания? Судите сами, господа!

Перехожу ко второй части обвинительного заключения. Мы подробно говорили о преступлениях, совершенных подсудимыми против закона, о насилии в отношении такой же преступной группы, осужденной судом раньше. Помимо изложенных признаков преступной деятельности подсудимых, ее можно также квалифицировать как самосуд. Но сейчас речь пойдет о другом. О еще одном преступлении, страшном преступлении, господа, против всего человечества, о насилии, совершенном в отношении всего населения Земли, последствия которого будут сказываться в будущих поколениях. Последствия, которые трудно предсказать и совершенно невозможно предотвратить. Я вижу в будущем тысячи и тысячи конфликтов, миллионы разрушенных семей, миллионы детей, брошенных родителями на произвол судьбы, разрушение торговли, упа-

для хозяйственной деятельности, нищету и всеобщую ненависть друг к другу.

Совершенно покушение на естественное право человека. Что я говорю? Разве о покушении идет речь? Нет! Это свершившийся факт! И скажу вам, господа, в истории человечества не было более страшного преступления. Зверства татар и турок, зверства фашистов и инквизиции бледнеют и кажутся мне детскими забавами по сравнению с тем, что уготовил главный ответчик нам и будущим поколениям человечества. Я говорю о праве собственности на свои мысли и чувства, на свои симпатии и антипатии. Можете ли вы представить себе общество, если чувства и мысли каждого человека становятся предметом всеобщего обозрения? Вы представляете, в какой психологический кошмар вверг нас подсудимый, какой ад нам уготован?

Я не говорю о ситуациях, которые могли бы быть восприняты несерьезными людьми как комические. Муж не сможет скрыть своих чувств и увлечений от жены, жена от мужа, начальник всегда будет знать, что думает о нем подчиненный (смех в зале). Да, господа, на первый взгляд это даже смешно. Давайте посмеемся вместе. Но не придется ли нам плакать? Я уж не говорю о медицинской этике! Ваши болячки, ваши тайные болезни, ваши пороки становятся предметом всеобщего обозрения. Вызовут ли они сочувствие? Может быть! Но может быть, что более вероятно, — презрение и стремление изолировать... Кого? Вас? — он ткнул пальцем в зал. — Вас? Или всех нас? Подумайте вы, женщины, легко ли вам будет выйти замуж? И вы, мужчины, легко ли вам будет найти жену? Что же вы молчите? Радуйтесь! Радуйтесь и вы, служащие в учреждениях, институтах, школах, работающие на заводах и фабриках. Радуйтесь! Если вы раньше могли назвать мысленно свое начальство мерзавцем и подонком, и это вам приносило облегчение и утешение, то теперь вы будете лишены даже маленького удовольствия. Маленького? О, нет! Это «маленькое» удовольствие приносило вам психологическую разрядку, охраняло ваш мозг от перенапряжения, создавало иллюзию справедливости. Я говорю иллюзию, так как от того, назовете ли вы мысленно свое начальство сволочью, справедливость не восстановится, но, согласитесь, это было и приятно, и психологически необходимо. Что же теперь? Да ни одно учреждение не сможет теперь нормально работать! Как будет чувствовать себя руководитель, если слышит мысли подчиненных, называющих его тупицей, бездарностью и тому подобным, в общем, всем тем, чем подчиненные мысленно награждают своего начальника?

Издавна существует поговорка: «Чужая душа — потемки». Мы, люди, как правило, по достоинству оцениваем только то, что теряем. Подумайте теперь, не являлось ли это свойство нашей души краеугольным камнем, на котором зиждется вся наша цивилизация? Подумайте! Мы всегда относились отрицательно к насилию и обману. Но насилию мы обязаны возникновением государств, общественных структур. А обман? Вам не кажется, что возможность обманывать друг друга, скрывать то, что мы думаем друг о друге, является тем необходимым условием, которое мешает нам сцепиться друг другу в глотки? Обман — это та необходимая одежда, которая скрывает наше собственное дерьмо от всеобщего обозрения. Теперь, когда защитные экраны или хотя бы фи-

говые листки срываются, не почувствуем ли мы сами к себе взаимного отвращения? Прошу прощения, Высокоуважаемый Суд, за грубость выражения, но по существу это так и есть.

Пагубные свойства человеческого мозга, которые подсудимый называет «даром далекой, неизвестно где находящейся планеты Элиа», распространяются среди людей со скоростью лесного пожара. Это эпидемия, господа! И судить его (он указал пальцем на Сергея) надо за сознательное внесение на Землю неизлечимой инфекции. Именно так, господа!

Нас пытались убедить, что новые свойства человеческого мозга способствуют росту морали, нравственности и т.п., и т.д. Однако позвольте заметить, ведь подсудимый давно обладает особыми свойствами мозга, но о какой морали и нравственности может идти речь? Мы только что говорили о нечеловеческой жестокости подсудимого. Это мораль? Это нравственность? — прокурор развел руками: — Если за мораль и нравственность принимать уничтожение свыше ста тысяч человек, пусть даже отъявленных преступников, уничтожение без суда и следствия, без определения степени виновности каждого считать моралью, то я скажу: избави Бог нас всех от такой морали!

Во имя правосудия и справедливости я требую для всех присутствующих здесь подсудимых высшей меры наказания — смертной казни!

Прокурор закончил речь и сел на место.

Выдержки из речи защитника

— Мой коллега прокурор произнес блистательную речь, достойную по своей красочности лучших образцов древнего ораторского искусства. Пожалуй, Демосфен так не обрушивался на Филиппа II, а Цицерон на Катилину, как мой коллега на человека, который своим беспримерным подвигом спас человечество. Спас всех нас, присутствующих в зале, от мозговых операций, в том числе и моего коллегу, спас ваших дочерей, господа, от растления и насилия, ваших сыновей от рабства; рабства, от которого уже никто не смог бы спасти их, ни Спартак, ни Пугачев, ни высокоумные политики. Мой коллега прокурор пел здесь дифирамбы лжи и обману и очень сокрушался по поводу того, что в нашем будущем обществе не будет им места. Что ж, прокурор последователен. Этого у него никак не отнимешь. Прокурор забыл, будем считать, что забыл, что так называемый роман «Тупик» написан не моим подзащитным и не является в полном смысле романом, а грозным предупреждением, художественным описанием точной модели, созданной в интеллектуальной системе СС, для которой нет на нашей планете недоступной информации. Факт написания романа СС сейчас не подлежит сомнению так же, как не подлежит сомнению абсолютная достоверность прогностической ценности модели. Вам хорошо известны материалы предыдущего судебного процесса, на котором представлены неопровержимые доказательства, что именно такой общественный строй готовили нам Каупони и его компания. Перед вами прошли свидетели и жертвы

мозговых операций. Их было произведено около трехсот тысяч. Триста тысяч несчастных, лишенных способности сопротивляться, изготавливали на подпольных заводах страшное оружие. Этого вам мало? Вам мало и около пятидесяти тысяч искалеченных девичьих душ и тел? Господин прокурор, очевидно, считает, что недостаточно. Надо было подождать, пока неогуманисты не станут действовать, не возьмут всю полноту власти в свои руки и не установят свой режим. Вот о чем так сожалеет прокурор!

(Прокурор заявил протест. Суд принимает протест прокурора и делает замечание защитнику).

Защитник: — Хорошо, я изменю формулировку и вместо сожаления скажу — недомыслие. Свыше трех столетий Мафия сосала кровь у человечества. Наркомания, проституция, убийства, подпольный бизнес — это были не только преступления, но и продуманные средства накопления сил перед окончательным прыжком — захватом власти и установлением небывалого режима насилия и подавления. На совести, хотя, простите, нельзя употреблять это слово по отношению к Мафии, на ее счету миллиарды убийств, как непосредственных, так и при помощи наркотиков. Общество оказалось бессильным бороться с Мафией. Чтобы победить ее, надо было изменить законы. Естественно, этого нельзя сделать, так как изменение законов — большой шаг назад в социальном развитии. Это также таило в себе опасность установления снова тоталитарного режима. При существующих же законах все меры оказывались неэффективными. Мафиози убрали свидетелей, и процессы против главарей шаек прекращались за отсутствием доказательств. Сколько таких процессов состоялось? Тысячи. И чем они кончались? В лучшем случае, преступник получал несколько лет отсидки в тюрьме и после выхода из нее снова принимался за старое.

Мой подзащитный избрал единственно верный путь борьбы и победил. Мафия разгромлена. И теперь «благодарное» человечество судит и приговаривает к смерти (на этом, по крайней мере, настаивает прокурор) своего спасителя. Логично? Недавно вы, жители Женевы, были свидетелями героического поступка юноши, который, рискуя жизнью, спас женщину с опрокинувшейся во время бури яхты. Спасая, вынужден был оглушить ее ударом кулака, так как обезумевшая от страха женщина могла утопить и его, и себя. Подумайте, если моего подзащитного судят за спасение всего человечества и расправу с заговорщиками, не логично ли было осудить спасшего женщину молодого человека? Логика одна и та же.

Теперь разрешите перейти к выбору средств. Позвольте задать вопрос господину прокурору. Представьте себе ситуацию: к вам в дом ворвался бандит и насилует вашу дочь. Вы тут призывали к тому, чтобы оружие необходимой обороны было соразмерно оружию заговорщиков. Вы тоже будете действовать, защищая свою дочь, тем оружием, которое применяет насильник по отношению к ней? Как вы себе это представляете? (Смех в зале).

(Прокурор заявляет протест. Протест принят).

Защитник: — Прошу прощения! Согласен, что в данном случае ваше оружие может быть несоразмерно с оружием преступника. (Сильный смех в зале).

Судья делает замечание защитнику.

— Простите, но я хотел лишь сказать, что господин прокурор должен избрать более твердое оружие (хохот) и, естественно, нанесет насильнику большие повреждения, чем насильник — его дочери. То есть защищающийся имеет право на выбор оружия, и это оружие может превосходить оружие насильника и более жесткие методы, чем те, которые применяет насильник.

Позвольте провести еще одну аналогию. Допустим, на Землю высаживаются космические пришельцы с намерением покорить население Земли, превратить людей в рабов. Оружие пришельцев превосходит оружие землян. Единственно эффективным оказывается бактериологическое оружие. Но оно запрещено уже триста лет! Что же делать? Отказаться от его применения, потому что оно негуманно, и быть поработенными? Нет никакого сомнения, что человечество применит любое оружие, лишь бы оно было эффективным! Причем будем ли мы задумываться, что это оружие нечеловечески жестоко? Будем ли мы задумываться над тем, что корабль пришельцев может покинуть Землю и занести инфекцию на свою планету и тем самым на нашей совести будет уничтожение всего населения другой планеты? Ведь счет пойдет не на сотни тысяч, а на десятки миллиардов! Так как? Что мы предпочтем?

Если следовать логике многоуважаемого прокурора, то мы, жители Земли, должны покориться, но не дай Бог причинить пришельцам больше зла, чем позволяет юриспруденция.

Граждане, люди! Мой подзащитный спас ваших детей и детей ваших внуков. Защитил от насилия, растления, физического уничтожения. Есть ли больший долг человека, чем долг защиты своих детей? Или же можно позволить калечить и убивать их, но только не сделать больно насильнику? Я удивляюсь, как вообще возникла мысль предания моего подзащитного и его друзей суду?!

Триста лет назад, неподалеку отсюда, в славном городе Нюрнберге, человечество судило нацистских преступников. Если следовать логике многоуважаемого прокурора, то одновременно надо было судить и победителей, посадить их на скамью подсудимых рядом с главарями нацистского рейха. Ведь не увещеваниями и уговорами покончили они с нацизмом, а силой оружия. И не считали при этом, сколько можно убить солдат противника, а сколько нет. И если мой подзащитный карал только виновных, то массовые бомбардировки Лейпцига, Берлина, Кёльна сопровождалась гибелью не только солдат противника, но и женщин и детей. Я хочу обратить ваше внимание, что если и есть разница между нацизмом и неогуманизмом, то не в пользу неогуманизма, не в пользу Каупони и его приспешников. Режим неогуманистов был бы еще более жестоким, чем нацистский режим, с той лишь разницей, что он был бы неуязвим, как и было показано в романе «Тупик»! Напомню вам, что человечество заплатило за разгром фашизма десятками миллионов жизней. Обратите внимание, не сто тысяч, а миллионы! Сколько бы миллионов потеряли мы, если бы неогуманисты успели начать свои действия раньше, чем боевые отряды этих честных людей, — защитник сделал жест в сторону обвиняемых, — не пришли бы на помощь челове-

честву, еще до того, как в наши города ворвались бы бандиты, вооруженные бластерами?

Теперь о морали, по которой здесь лил слезы господин прокурор. Вернее, он лил слезы не о погибшей морали, а о лжи, с которой он почему-то не хочет расстаться. Прокурора возмущает, что отныне мы будем называть черное черным, а белое белым, что люди перестанут, наконец, лгать друг другу. Да! Многое изменится в нашем обществе и, действительно, начальник учреждения узнает, что о нем думают подчиненные. Да, это так! И если руководитель тупица, то, естественно, ему сразу же об этом скажут. Теперь скажут. Прокурор не видит выхода из такого положения. Ах! — говорит он, — цивилизация погибнет! Но почему так мрачно, господин прокурор? Я вам скажу, что из создавшегося положения есть очень простой выход. Надо только, чтобы руководитель действительно не был тупицей. (Смех в зале, аплодисменты). Вас также смущает, что супруги не смогут скрыть друг от друга факта прелюбодеяния. А разве не будут более моральными честные отношения между ними, исключаящие прелюбодеяния? Или вам так не хочется расставаться с ними? Кто же вам мешает не принимать дар далекой Элии? Оставляйтесь таким, каким вы есть! Никому этот дар не навязывается насильно, и если люди принимают его, то принимают добровольно. Люди истосковались по правде! Светлый дар элиан дает возможность видеть и слышать правду, так кому, позвольте спросить, мешает правда? Только тем, кто хочет скрыть ее, только тем, чья мораль построена на обмане и лжи, только тем, кто может существовать, добиваясь успеха лишь за счет лжи и обмана!

Может быть, господин прокурор боится остаться без работы, так как исчезнет преступность? Но я ведь тоже останусь без работы и рад этому! (Аплодисменты).

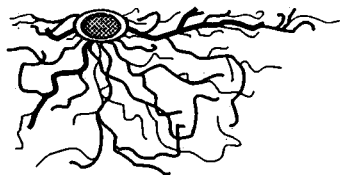
Господин прокурор, по всей видимости, против того, чтобы женщина знала заранее все о своем потомстве. Господа! Нет ничего более высокого и радостного, чем счастье матери, и нет более глубокого горя, чем горе матери! Счастье матери — это прежде всего здоровье ее детей, горе ее — болезнь и смерть ребенка. Так получало ли когда-нибудь человечество более ценный дар, чем дар той же далекой и прекрасной планеты, который передал нам всем мой подзащитный? Все мы рождены женщиной, и все мы перед нею в неоплатном долгу. Так пусть же та радость материнства, радость матери, видящей здоровых детей своих, будет хоть частью выплаченного долга, долга всего человечества перед Женщиной. Женщиной по-настоящему свободной, так как свобода женщины — это прежде всего свобода выбора.

Господин прокурор здесь очень образно говорил о дерьме, которое теперь нельзя скрыть. Что ж, мне остается только выразить соболезнование (смех). Очевидно, господин прокурор вкладывал в слово «дерьмо» собирательный смысл: не только извращенную нравственность, но и извращенную наследственность. Да, их нельзя будет скрыть. Это свершившийся факт. Теперь эволюция человека пойдет по пути совершенствования не только его нравственности, но и физического естества.

Мы с господином прокурором поменялись местами. Мне кажется, что защитником выступает он. Господин прокурор защищает тот уходя-

щий в прошлое мир, мир, в котором царило насилие, ложь и обман. Прокурор возмущается нечеловеческой, как он сказал, жестокостью, с которой была подавлена попытка совершить над человечеством насилие. Скажу вам, что наконец-то за многие тысячи лет насилие получило в ответ то, что оно заслуживало!

И я от имени всех, кто смог понять, какую услугу оказал человечеству мой подзащитный, от имени будущих поколений, свободных от страха, от лжи, насилия и генетического уродства, низко кланяюсь лучшим из нас. — Защитник повернулся к Сергею и его товарищам и поклонился.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

— Граждане Судьи! Мои товарищи, сидящие здесь, отказались от последнего слова, поручив мне ответить суду за них всех.

Мы не просим о снисхождении, что было бы унижением нашего достоинства и чести. Мы требуем от суда сделать выбор: или полностью оправдать наши действия против организации НГ, или полностью осудить нас. В любой половинчатости решения есть ложь, равно оскорбительная и для нас, сидящих здесь на скамьях подсудимых, и для вас, судей, и для всего человечества. Здесь решается не судьба отдельных людей. Мы не раз глядели в лицо смерти, и это было так часто, что она нас не пугает больше. Вы взвешиваете право человечества на защиту своего будущего, своей судьбы, то есть, право на необходимую оборону против прямого насилия или угрозы неизбежного насилия. Полгода назад в этом здании были доказаны преступные намерения неогуманистов, и суд осудил организацию и ее членов. Поэтому мне не надо доказывать существование реальной угрозы для всего человечества, идущей от НГ, и доказывать также то, что так хорошо было доказано здесь полгода назад, а именно, что в случае захвата власти НГ произошли бы необратимые и непоправимые процессы, навсегда уничтожившие бы всякие надежды на восстановление демократии, прав человека и его безопасности.

Нам инкриминируют нарушение действующих законов, нечеловеческую жестокость, которую мы проявили по отношению к членам организации НГ, застигнутым нами на месте их преступной деятельности. Мы не отрицали этого в процессе следствия, не отрицаем и сейчас. Мы не испытываем также ни чувства сожаления о совершенном, ни тем более раскаяния. Если бы надо было начать сначала, мы поступали бы в точности так же.

Книга, которая лежит сейчас перед вами, — описание модели, созданной СС. Изначальным условием этой модели был приход к власти НГ. Далее модель развивалась сама, по закону выбора наиболее вероятного пути. Будучи связан с СС, я сам был участником событий, описанных в книге, на себе испытал все то, что испытывали ее герои. Поставив меня в такие условия, СС добивалась, чтобы я непосредственно и полностью прочувствовал боль и унижение, страдания и муки осознания безвыходности и тупика, к чему шло общество. И только прочувствовав все это, я понял, что никакая жестокость не будет чрезмерной для предотвращения небывалого насилия над человечеством, небывалого во всей его многотысячелетней истории. Мы проявляли особую жестокость по отношению к членам НГ. Да! Не отрицаем! Такую же жестокость проявил бы каждый человек по отношению к зверю, который приготовился выпиться в горло его близкому: жене, отцу, брату, сестре, ребенку. Разве вы, судьи, в такой ситуации рассуждали бы о том, какое оружие можно, а какое нельзя применить, каким способом можно его убить, а каким нельзя? Допустимо тратить время на благочестивые размышления, когда зверь уже изготовился к прыжку и мгновение спустя вонзит клыки в горло жертвы? Точно в такой ситуации находились и мы. У нас, и у вас, у всех честных не оставалось времени ждать принятия законов против мафии, которые дали бы эффективный результат. Мафия успела бы сделать переворот. Она была готова к нему и, если бы мы колебались и медлили, сейчас уже обсуждался бы вопрос о введении селекции и подавлении всех демократических основ общества. Повторяю, медлить было нельзя. Я сомневаюсь также и в том, что в данной ситуации удалось бы ввести чрезвычайное положение и объявить мафию вне закона. Более того, я считаю, что введение чрезвычайного положения было бы неверным шагом и само по себе содержало бы угрозу демократии, так как наделяло бы исполнительную власть неограниченными полномочиями, которые можно было использовать не только против мафии, но и самой демократии. Суд над НГ показал, что мафиози проникли и в верхи правительственных органов, и самого Всемирного Совета. Разве это мало о чем говорит?

Итак, мы потеряли бы время, а могли бы потерять и демократию. Извечная ошибка всех основателей так называемых прогрессивных диктатур заключается в том, что расчет делается на воображаемую идеальность людей, которые будут осуществлять эту диктатуру. Но основатели забывают, что мораль определяется социальными условиями среды, и коль скоро человек получает неограниченную власть, он выходит из этих социальных условий и, став вне социальности, становится вне морали. К сожалению, история имеет много тому трагических примеров, когда, казалось, самое прогрессивное движение вырождалось в

правлящую мафию, после чего диктатура служила уже не достижению поставленных целей, а сохранению во что бы то ни стало власти мафии.

То, что произошло и рассматривается сейчас судом, есть закономерный ответ любой здоровой самоорганизующейся системы, каковой и является человеческое общество. Для любой такой системы характерны механизмы реактивности, то есть, сопротивления повреждающим агентам, и процессы, направленные на восстановление общей совместимости системы. В живом организме, в случае экстремальной опасности, активизируются системы, которые поражают болезнетворный агент. Это может происходить как при участии только этих систем, так и при перестройке и участии всего организма. Последнее называется болезнью, то есть, в организме происходят изменения столь глубокие, что даже меры против повреждающего агента нарушают нормальную жизнедеятельность и подрывают здоровье. Оптимально, когда против патогенного агента успевают эффективно выступить силы быстрого реагирования. Например, фагоциты и киллеры, то есть убийцы, клетки лимфатической системы, распознающие врага и убивающие его в самом начале внедрения в организм. Простите меня за эту лекцию, но я хочу провести параллель. Мы, здесь сидящие, сыграли роль киллеров, убийц, и уничтожили патогенный агент прежде, чем он смог вызвать болезнь или погубить весь общественный организм. Киллеры в организме погибают после выполнения своих функций. Мы учитывали и такой вариант. Поэтому считайте нас киллерами, убийцами, но одновременно вы должны признать и то, что мы — часть человечества и наша деятельность является его защитной реакцией.

Вы можете осудить нас как людей, но не можете осудить того дела, которое мы совершили, ибо, осудив его, вы осуждаете право человечества защищать себя от смертельной опасности любым способом. Вы тогда превратите человечество в беззащитный организм, подобный организму, пораженному СПИДом.

Перехожу к юридической стороне вопроса. Испокон веков юристы признавали право человека на самооборону. Право его — совершить насилие против насильника. В XVIII и XIX столетиях это право распространилось на нации и народы. Спекулируя этим правом, фашизм мог объявить любое, спровоцированное им самим же действие, носившее характер самообороны всего человечества как целого, покушением на суверенитет нации. Надо ли говорить, что в условиях диктатуры правящая мафия, захватившая в свое безраздельное пользование все средства массовой информации, самым беспардонным образом выдавала свое мнение за мнение нации, свои интересы за интересы всего знаменитого ею народа. Концлагеря, тюрьмы, газовые камеры, виселицы, массовые расстрелы, принудительный труд и рабство — все это объявлялось внутренним делом государства, естественно представленного на международном форуме правящей кликой. Люди, которые считали должным прийти на помощь избиваемой женщине, даже если истязателем был ее собственный супруг, стыдливо отворачивались, когда истязанию подвергалась вся нация. В XX веке над Европой густым туманом стелился дым из труб крематориев, в которых сжигали трупы замученных фашизмом людей. Однако у политиков как будто притупилось обоняние. Им не пахло. И только тогда, когда фашизм обрушил

свою мощь на соседей, люди стали постепенно, не сразу, понимать, что насилие, совершаемое мафией над своим народом, неизбежно приводит к насилию над соседями. Такая трансформация сознания затянута на целое столетие. Я хочу вам напомнить, как происходила трансформация общечеловеческого правосознания. Если угроза установления фашистского режима исходила от достаточно сильной державы, человечество замирало в страхе, потом начинало принимать контрмеры, ставя такую державу перед выбором, либо изменить режим, либо подвергнуться бойкоту и изоляции. Если же фашизм приходил к власти в малом государстве, ограничивались чаще всего словесными осуждениями.

Банды Пол Пота смогли уничтожить чуть ли не половину населения своей страны. Зверства и садизм. Солдаты саперными лопатами рубили головы школьникам. Все это осуждалось... словесно. Но стоило соседу ввести свои войска, чтобы спасти братский народ от уничтожения и геноцида, как державы, которые гордились демократичностью, подняли крик о вмешательстве во внутренние дела и агрессии. О чем это говорит? О том, что в конце XX столетия человечество еще не воспринимало себя как единый организм. Это был не организм, а колония организмов. Но уже тогда вызревали процессы интеграции человечества в единое целое. Постепенно начались разумные и последовательные диалоги великих и малых держав. За диалогами — действия...

Как известно, количественные накопления переходят в качество. То есть количество для своего объединения требует нового качества. Это новое качество в применении к организации человечества возникает тогда, когда роль объединяющего фактора начинает играть не насилие, а взаимопонимание. Новая система признает только один-единственный вид насилия — это насилие против насильника! Причем такое насилие, учитывая новое качество, должно применяться достаточно быстро, без промедления. В ином случае мы будем иметь либо распад системы, либо, что еще хуже, трансформацию ее в гигантский концлагерь.

Принцип насилия против насилия заложен в генетическую программу развития человечества, и именно он не позволил создать всемирную державу, основанную на насилии. То есть в минуту смертельной опасности человечество прибегало к защитному насилию, не позволяя объединить себя на старой качественной основе.

Новое качество объединения человечества в единую систему на основе взаимопонимания возникает тогда, когда появляется возможность широкого взаимоинформирования. С развитием средств массовой информации растет и взаимопонимание.

В силу обстоятельств мне пришлось ознакомиться с тремя различными вариантами цивилизации. Первая — это цивилизация Элии. Биологическая цивилизация. Ее можно характеризовать биологическим и социальным благополучием и неблагополучием техническим. Народ такой цивилизации счастлив и богат теми дарами, которые ему дает природа. Но он беззащитен перед лицом внешней агрессии. Он никогда не выйдет в Космос. Вторая цивилизация, с представителями которой мне пришлось столкнуться, характеризуется социальным благополучием. Это по сути фашистская организация. Она технически высоко развита. Биологическое благополучие, может быть относительное, достигается жестким вмешательством государства в частную жизнь, селекцией и

уничтожением генетически больных людей. Эта цивилизация осуждена на самоуничтожение. В космосе возникают одна за другой такие цивилизации, и все они гибнут на той или иной стадии развития и — чем раньше, тем лучше, так как их контакт с другими цивилизациями заканчивается уничтожением более слабой в техническом отношении.

Наконец наша, человеческая цивилизация. Мы представляем в настоящее время третий вариант, то есть характеризуемся высоким уровнем технического развития и удовлетворительным уровнем развития социального. Но уже сейчас мы стоим на грани генетической катастрофы, наша цивилизация неблагополучна в биологическом отношении.

Неогуманисты намеревались решить проблемы, жертвуя социальным развитием и насильственной селекцией населения. К чему бы это привело, мы хорошо знаем. Чтобы выжить и развиваться дальше, предстоит пройти четвертый вариант развития, когда техническое и социальное благополучие сочетаются с благополучием биологическим. Причем мы должны взять за аксиому, что вмешательство государства в личную жизнь всегда приводит к потере приобретенных социальных ценностей и чревато злоупотреблениями со стороны властей, не говоря уже о том, что в этом случае мы должны спуститься по уровню социального развития до введения вновь постоянной исполнительной власти, то есть снова стать на путь объединения при помощи насилия. Нетрудно понять, что в этом случае начнется цепная реакция регрессивного социального процесса и мы вернемся к исходному положению.

Следовательно, государство не может вмешиваться в вопросы личной жизни и принимать по ним решения.

У человечества уже был горький опыт попытки решить вопросы генетического благополучия государственным вмешательством. Это привело к расизму.

Понимая такую опасность, попытались найти выход в развитии науки и медицины. И что же? Спасая отдельного человека с генетическими повреждениями, добились того, что именно такие повреждения стали проявляться все чаще и чаще. И это естественно, так как подавили естественный отбор. Возникло острое противоречие, которое так и не разрешилось. С позиций социального гуманизма люди не могли действовать иначе. Тогда они попытались путем просвещения, повышения общей культуры убедить самих спасаемых обществом людей отказаться от производства потомства. Тоже безуспешно и понятно почему. Генетическая неполноценность в большинстве случаев сочеталась с умственной отсталостью. И именно те группы населения, оставление потомства которыми было бы крайне нежелательным, размножались наиболее интенсивно. В результате мы и пришли к настоящему положению. А все потому, что шли против законов природы или пытались их обмануть, обойти, а не грамотно использовать. Естественный отбор, хотим ли мы того или не хотим, нравится он нам или не нравится, оскорбляет ли наше достоинство или нет, является основным законом биологического развития, и нарушение его неизбежно приводит к подрыву биологических основ всего вида. Вопрос стоит о том, как снова включить его в действие, не подрывая одновременно социальности человека? И даже как сделать так, чтобы биологический закон работал синхронно с законами социального развития? Подумайте, не является ли

этот биологический закон той базой, на которой получили развитие и социальные законы? Ведь человек возник вначале как качественно новый биологический вид с развитым мозгом, а потом уже он стал социальным именно благодаря своему мозгу. Подорвав биологическую базу, не подорываем ли мы и социальную? И напротив, укрепив эту базу, не создадим ли мы условия для быстрого социального развития?

Здесь, на суде, мне инкриминировали то, что я, не посоветовавшись ни с кем, не получив на то согласия Совета, положил начало цепной реакции распространения среди населения Земли дара, полученного мною от народа далекой Элии. Я нисколько не раскаиваюсь в том, наоборот, горжусь, что успел это сделать! Именно это свойство, позволяющее людям понимать друг друга и в то же время делающее моральное уродство столь же заметным, как и физическое,ставляющее его на всеобщее обозрение, необратимо закрепит новое качество, объединяющее человечество в единую систему. Элия получила от природы этот дар слишком рано. Народ ее счастлив, но беспомощен. Земляне берут его, когда человечество достигло социальной зрелости, и сумеют им воспользоваться.

Меня упрекали в том, что, избавив мир от одной селекции, я внес в него другую. Не спорю. Это так. Есть только одна существенная разница. В первом случае селекция совершается насильственно, в интересах кучки подонков, вторая — добровольно всем человечеством и от каждого человека зависит решение, принять этот дар или нет. Здесь говорилось, что в случае массового, повального распространения новых качеств некоторые люди будут лишены возможности реализации своего права иметь потомство. Да, это так. Но кто решает? Кому принадлежит решающее слово? Женщине, которая носит в себе плод. Разве не ее право решать самой, какое потомство она хочет иметь? Лишение женщины информации о качестве ее будущего потомства — это насилие над ее телом, душой и ее будущим, ибо сокрытие правды — основа основ любого насилия. Я счастлив, что дал нашим женщинам эффективное оружие против такого насилия.

Человечество должно пройти через самоочищение. Должны, наконец, исчезнуть подлость, непорядочность, лицемерие и прочие пороки, которые так легко скрываются пока.

Нам предстоит скоро выйти в большой Космос. Что мы понесем с собою? Добро и разум или зло и хитрость? — Сергей кончил говорить и спокойно сел на свое место.

Суд удалился на совещание.

Конец второй книги.

Содержание

Часть I. Тупик

Том	5
Мария	9
Генрих	22
Поворот	27
Павел	32
Генерал	39
Неожиданное предположение	47
Ирина	58
Генерал размышляет	68
Император	76
Агенты и элита	81
Диссиденты	89
Жена	105
Большая игра	112
Дворцовый переворот	118
Тупик	122

Часть II. Неогуманисты

Пролог	128
На берегу Куари	133
Сюзанна-Эльга	142
Побег	149
Встречи	158
Частная фирма	170
Каупони, Бэксон и кардинал	178
Кардинал	185
Бэксон посещает Эльгу	189
Охота с подсадной уткой	190
Вторая встреча	204
Арест	209

Накануне заключительного заседания	217
Заключительное заседание	229
Последнее слово	232

КУЗЬМЕНКО Владимир Леонидович

ДРЕВО ЖИЗНИ

Фантастический роман в 3 книгах

Книга 2

Редактор Е.С.Аверин

Художник В.В.Паршин

Художественный редактор А.А.Карпуля

Технический редактор В.А.Тренина

Корректор Р.Е.Митропольская

**К89 Кузьменко В.Л. Древо жизни: Фантаст. роман. В 3 кн. Кн. 2.
— М.: ТЕРРА, «Книжное обозрение», 1991.—240 с.: ил.**

**Остросюжетный фантастический роман в трех книгах, действие
которого происходит на Земле и других планетах.**

**К 4702010000 без объявл.
91**

ББК 84Р7

**Фотоформы подготовлены
в редакции газеты «Книжное обозрение»
на редакционно-издательской системе,
поставляемой
фирмой «PROSYSTEM» и СП «ИНТЕРМИКРО»**

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 19,5.

Тираж 300 000 экз. Заказ № 632. Цена 7 р. 90 к.

**Ассоциация совместных предприятий,
международных объединений и организаций.**

Издательский центр «ТЕРРА».

109280, Москва, ул.Автомобильная, д.10, корп. Б. П/о 280, а/я 73

**Редакция газеты «Книжное обозрение»
129272, Москва, Суворовский вал, 64**

**Можайский полиграфкомбинат
Государственного комитета СССР по печати
143200, Можайск, ул.Мира, 93**